

ЛИТЕРАТУРНО-ДИСКУССИОННЫЙ ЖУРНАЛ
ПИСАТЕЛЬ 1(50)
 2021
 XXI
 ВЕК

- Классическое наследие
- Малая проза
- Душа с душою говорит
- Переводы
- Голоса молодых
- Это было, было, было...
- Проза XXI век
- Портрет современника
- Образование через искусство

Журнал приглашает
 к сотрудничеству организации
 и всех заинтересованных лиц

ПИСАТЕЛЬ. XXI ВЕК → 2021

ЛИТЕРАТУРНО-ДИСКУССИОННЫЙ ЖУРНАЛ
ПИСАТЕЛЬ 1(50)
 2021

XXI
 ВЕК

- Повесть А. П. Чехова «В овраге»
- Бессонница
- Председательша
- Репейник
- Прodelки
- Под луной
- Покорить Белуху
- Как я делал стенгазету
- Желая счастья, приятель!
- Дорога домой
- Горячий январь сорок пятого
- Здесь и сейчас, и до, и после
- Ночь на окраине
- «Творяне» с волжского берега
- Премьеры во время пандемии

*«У любви не бывает разлук,
 У любви есть одни только встречи...»*
 Эдуард Асадов

Учрежден в 2008 г. Российским Межрегиональным союзом писателей
(секция «Литературно-дискуссионные чтения»),
Академией русской словесности и изящных искусств им. Г. Р. Державина.
С 25.11.09 г. журнал выходит в свет в качестве межсоюзного писательского издания.

Редакционная коллегия:
Е. С. Роговер, Н. Ф. Ульянова, Н. В. Харитонов

Контактные телефоны (в Санкт-Петербурге): 552-13-82.
e-mail: ulyanovnf@mail.ru

Верстка — О. А. Карманова
Макет обложки — О. А. Карманова
Корректор — С. М. Ионова

При перепечатке ссылка на журнал «Писатель. XXI век» обязательна.
Фотографии предоставлены участниками выпуска.

СПб: Негосударственное учреждение культуры «Серебряный век», 2021

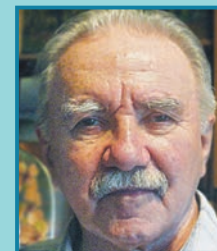
ISBN 978-5-6045884-2-0

© Автор-составитель Н. Ф. Ульянова, 2021
© Коллектив авторов, 2021
© Журнал «Писатель. XXI век», 2021

Предлагаемое издание продолжает намеченную в предшествующих выпусках работу по восстановлению в русском сознании понятия писатель. Начиная с 1991 года в нашей стране возникла новая реальность — реальность преобладания частных или сугубо обывательских (корыстных) интересов. Ее неудержимая поступь вызвала к жизни разгул упоения от мертвого в своей сути успеха. В результате большие смыслы, или непреходящие смыслы общей жизни, стали стремительно исчезать, уступая место интересам вполне местечковым, натужно выдаваемым при этом за нечто непреходящее. Параллельно в литературном творчестве резко возобладали активно поощряемые российскими властями процессы торговли постыдным как вполне даже приличным делом. В частности, внутриредакционные установки центральных телевизионных каналов строго указывают на непреложную необходимость радикального упрощения ключевых смыслов любого художественного произведения, на создание в стране атмосферы не вдумчивого, а значит, превратного (искаженного) восприятия жизни. В итоге подобной политики само понятие писатель стало мельчать и превращаться в нечто суетное и даже оскорбительное. На сегодняшний день в России вместо писателей развелись во множестве так называемые авторы. Но что они такое? Это своего рода специалисты по развлечению и соблазнению всякого русского читателя, превращению его в потребителя «желтой» или снобистской и во многом сфальсифицированной (намеренно «склеенной» из правды и лжи) литературы. Иначе говоря, деятельность этих «умельцев» имеет ныне исключительно антинародный характер. Или, всячески искушая своего читателя (зрителя), они вводят его сознание в состояние утраты им смысла собственной жизни. Хорошо ли это? Вряд ли. Другими словами, только большие смыслы дают каждому человеку человеческое достоинство, предоставляют ему же подлинную надежду и удовлетворение жизнью. Поэтому лишь писатель как подлинный мастер художественного разговора о больших и непреходящих для человека смыслах и способен будет переломить уже сложившуюся очевидно вредную тенденцию отчуждения человека от человеческого же содержания. А настоящий выпуск журнала как раз и продолжает это сложное, но воистину насущное дело.

Подписано в печать 05.03.21. Формат 70х100/16. Объем 10 п.л. Тираж 300 экз. Заказ №
Отпечатано в типографии ООО «Лесник-Принт». 197183, Санкт-Петербург, ул. Сабиловская, д. 37.
Тел. (812) 649-73-09.
www.l-print.spb.ru

АВТОРЫ ЭТОГО ВЫПУСКА ЖУРНАЛА

Е. С. Роговер

Н. Ф. Ульянова

Н. В. Харитонов

В. А. Орлов

Е. М. Алексеева

Лидия Калашникова

И. И. Уральская

Ида Замирская

Ольга Геньба

Ю. И. Яковенко

Андрей-Viktoria-Андреев

М. М. Рыбаков

Н. М. Менендес

Людмила Сытенко

Бах Ахмедов

Булат Тугельбаев

Эдуард Дэлуж

Ирина Бжиская

Александр Железов

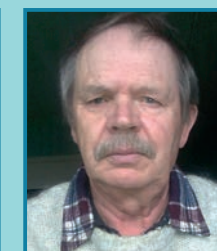
Любовь Гольт

М. Л. Дьяконова

А. М. Воронов

Д. Г. Горошнев

СОДЕРЖАНИЕ

КЛАССИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

<i>Ефим Роговер. Повесть А. П. Чехова «В овраге»</i>	2
--	---

МАЛАЯ ПРОЗА

<i>Валерий Орлов. Бессонница</i>	7
<i>Михаил Рыбаков. Председательша</i>	21
Репейник.....	25
Проделки.....	26
Под луной.....	28
<i>Ольга Генъба. Покорить Белуху</i>	30
<i>Бах Ахмедов. Как я делал стенгазету</i>	31
<i>Екатерина Алексеева. Желаю счастья, приятель!</i>	33

ДУША С ДУШОЮ ГОВОРИТ

<i>Андрей-Viktoria-Андреев, Ирина Бжиская, Людмила Сытенко, Булат Тугельбаев, Эдуард Дэлуж, Лидия Калашикова, Юрий Янко, Дмитрий Горошнев, Бах Ахмедов</i>	37
--	----

ПЕРЕВОДЫ

<i>Ида Замирская. Переводы с английского языка</i>	71
<i>Любовь Гольт. Переводы с немецкого языка</i>	73

ЭТО БЫЛО, БЫЛО, БЫЛО...

<i>Наталья Менендес. Дорога домой</i>	80
<i>Александр Железов. Горячий январь сорок пятого</i>	100

ПРОЗА XXI ВЕК

<i>Мария Дьяконова. Здесь и сейчас, и до, и после</i>	109
<i>Ирина Уральская. Ночь на окраине</i>	120

ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННОГО

<i>Наталья Менендес. «Творяне» с волжского берега</i>	140
---	-----

ОБРАЗОВАНИЕ ЧЕРЕЗ ИСКУССТВО

<i>Алексей Воронов. Премьеры во время пандемии</i>	150
<i>Екатерина Алексеева. Фильмы «Фанфары любви» и «В джазе только девушки»</i>	157
Фильмы «Тетка Чарлея» и «Здравствуйте, я ваша тетя!».....	159

Ефим Роговер
(Россия, Санкт-Петербург)

ПОВЕСТЬ А. П. ЧЕХОВА «В ОВРАГЕ»

Опубликованная в журнале «Жизнь» в 1900 г. (№ 1), эта повесть продолжала раскрытие крестьянской темы, начатой в повести «Мужики» и рассказах «Новая дача» и «По делам службы», но при этом вносит ряд новых черт в изображение Чеховым пореформенной и предреволюционной деревни. Писатель рисует русское село, уже окончательно вступившее на путь капиталистического развития, село, в котором главенствуют разбогатевшие кулаки и основавшие в деревне ситценабивное производство фабриканты. Чехов показывает и социальные противоречия в среде крестьянства, и картина деревенской жизни предстает здесь еще более страшной, чем она изображалась в «Мужиках».

Действие повести происходит в селе Уклееве, «утонувшем» в овраге, где была топкая грязь и не переводилась лихорадка, пахло фабричными отбросами и уксусной кислотой. Место действия примечательно еще и тем, что на краю села разместились три ситцевых фабрики и одна кожевенная, отбросы которых заражали луг, и крестьянский скот страдал от сибирской язвы, а в селе было только два порядочных дома.

Один из этих домов принадлежал Григорию Цыбукину, главному герою повествования. В этом доме и в укладе его семьи сконцентрировалась вся мерзость и гниль той

ямы, куда опустилось село Уклеево. Это и постоянное грабительство, и каждодневный обман, и дикий произвол, и развращенность, и деспотическая власть силы, и рабская зависимость нищих крестьян — черты эти стали характерными и для нравов оврага, и для особенностей жизни цыбукинского дома. Повесть решительно опровергала народнические представления об идиллической гармонии и целостности патриархальной деревни.

Писатель не раз подчеркивал подлинность воссозданных «В овраге» картин, соответствие их тому, что он встречал в действительности. «Я описываю ту жизнь, какая встречается в средних губерниях... и купцы храменные есть в действительности. Только на самом деле они еще хуже. Их дети с восьми лет начинают пить водку и с детских же лет развратничают; они заразили сифилисом всю округу. Я не говорю об этом в повести, потому что говорить об этом считаю не художественным» [1]. А брат писателя — Михаил — указывал на конкретность чеховских описаний: автор воссоздал «Один из сахалинских случаев, а место действия — близ Мелихова» [2].

Основное внимание Чехова обращено на раскрытие характеров центральных героев повести. Прежде всего выделен Григорий Цыбукин, деревенский кулак. Владелец бакалейной лавочки, которая существу-

ет для прикрытия торговли более крупной — водкой, кожей, скотом, хлебом в зерне. Это очень оборотливый «старик» (ему 56 лет), по характеру он — хищник, являющийся главой дома Цыбукиных. Одно время он был вдовцом, но недавно женился на Варваре Николаевне. Он скупает лес на сруб, дает деньги в рост. Когда за границе потребовалось для дамских шляп «сорока», то он наживал на каждой паре по тридцать копеек, умножая свой капитал. Автор выразительно рисует один из его выездов, обставленный как некая церемония: в дрожки запряжен громадный вороной жеребец, стоивший триста рублей, на ездоке чистый сюртук, хозяин решительно отгоняет от повозки и ворот мужиков, которых он не любит и презирует. Цыбукин важен и горделив, но мощь и сила его ненадежны. Однако пока он благоденствует, его практика и быт пропитаны несправедливостью и обманом.

У старика два сына. Старший — Анисим — служит в городской полиции сыщиком. Взгляд у него острый, но глаза не мигают. Он самоуверен, отличается развязностью, часто выпивает. Его женят в деревне, выбрав для него красивую, но нищую и совсем юную Липу. Свадьба Анисима призвана продемонстрировать все богатство отца и всю безвольную натуру и холодность старшего сына, вступившего на путь фальшивомонетчика. Новые рубли и полтинники, которые Анисим щедро всем раздаривает, оказываются фальшивыми. Ему присуще неверие, даже безбожие, и сознание того, что все людское горе проистекает от отсутствия совести. Однако эта истина приходит к нему с опозданием. Анисима судят, заключают

в тюрьму и отправляют в Сибирь на каторжные работы.

Младший сын — глухой Степан — женат на молодой, деятельной и красивой Аксиньи, которая полностью подчиняет себе безвольного и глупого мужа и вступает в связь с местными фабрикантами Хрымиными-младшими. Ее наивная улыбка на лице прикрывает греховность, развратность и хищническую натуру этой женщины. В ее немигающих глазах, маленькой голове на длинной шее и в ее стройности «было что-то змеиное», и это сравнение со змеей повторяется в тексте неоднократно. Так, говорится, что одетая в зеленое с желтой грудью, она «глядела, как весной из молодой ржи глядит на прохожих гадюка». Необычно работающая, энергичная и деловитая, Аксинья склонна к коммерции (она торгует в лавке), предпринимательству (она строит кирпичный завод в соседнем Бутёкине), единичному хозяйствованию в доме (она не дает ключи даже свёкру). Эта хищница способна и на преступление: в приступе дикой ярости она выплескивает на ребенка кипяток, умерщвляя его. Не испытывая терзаний совести, Аксинья захватывает все Цыбукинское хозяйство, выгоняет из дому Липу, жену Степана, и обрекает своего свекра на прошение милостыни. Бунтуя, это «гордое животное» обвиняет Цыбукиных в грабеже, хотя сама активно способствовала разбою. Ее обвинения оказываются созвучными с выкриком крестьянки на дворе: «Насосались нашей крови, ироды, нет на вас погибели!», хотя у этой бабы значительно больше имеется оснований для этих справедливых обвинений, чем у преступной Аксиньи.

В доме Цыбукиных живет вторая жена Григория — Варвара, пожилая и тоже красивая женщина, которая пленяет окружающих своей приветливостью, спокойствием и ласковостью, но за этими видимыми свойствами скрывается хищническая деятельность мужа и невестки, которая ее не возмущает, хотя она отмечает, что Цыбукины очень народ обижают и все строят на обмане. Посоветовав записать Бутёкино на сына Липы, она становится невольной виновницей гибели младенца, ибо знает, что на деревню претендует жадная невестка. Когда Аксинья обрекает ее мужа на нищенство, Варвара проявляет полное равнодушие и странное спокойствие. «А наш вчера опять лег, не евши», — произносит она отстраненно. Зато она заботливо украшает свой дом цветами и белыми стеклярусами.

Но Чехов не ограничивается раскрытием семейных, личных отношений своих персонажей. От бытовых картин он поднимается к обнажению социальных отношений в деревне, вскрывая страшные противоречия, существующие «в овраге» и шире — в современной действительности. Здесь тоже все фальшиво, как серебряные монеты, изготовленные Анисимом. Наступление капитализма на деревню видится злом, таким же символичным и губительным, как символично наступление «змеи» Аксиньи на мир Цыбукиных. Пореформенный порядок с его законами, ситценабивными фабриками, Хрымиными-старшими и младшими и хищниками типа Аксиньи несет деревне разорение и гибель.

Как отметил Г.А. Бялый, в повести «показаны не просто грубость

и несправедливость жизни, а ее страшная жестокость и господство в ней наглой силы, ни в чем не сомневающейся и уверенной в себе. Задолго до Чехова Глеб Успенский показал в «Книжке чеков» (1876) разницу между старым и новым представителем капитала в деревне. Старый деревенский хищник в глубине души знал, что живет «не совсем чтобы по-божески», новый же «не боится ничего и не знает моральных запретов». Чехов развил это сопоставление. Название «В овраге» также символично, как и название пьесы Л.Н. Толстого «Власть тьмы». К тому же в чеховском овраге, в этой низине тоже господствует тьма, как и в толстовской деревне. Неслучайно в повести раскрыта символика тьмы и света. Вспомним, как выглядела больница, стоявшая на горе: «она вся светилась». Напротив, когда Липа спустилась вниз, в овраге «не было ни одного огня» [3].

Но повесть «В овраге» рождает в душе читателя не только чувство отчаяния и безнадежность, но и веру в лучшее будущее, жизнеутверждающее чувство. Достигнуто это писателем благодаря введению в систему действующих лиц необычных людей. Прежде всего, это Липа, худенькая, наделенная тонкими и нежными чертами лица женщина с крупными мужскими руками труженика. Во время свадьбы, где Липу противоестественно соединяют с Анисимом и цыбукинской семьей, юная невеста слышит чей-то детский всхлип: «Милая мамка, унеси меня отсюда, касатка!». Через некоторое время похожую фразу произнесет и Липа, обращаясь к своей старушке: «И зачем ты отдала меня сюда, маменька!». Этот повтор носит у Чехова глубокий смысл: жен-

щина попадает во враждебный ей, бесчеловечный мир. Ей суждено потерять своего единственного сына, маленького Никифора, в котором она не чаяла души. Возвращение Липы из больницы с мертвым ребенком на руках — потрясающее по выразительности место в повести, где женщина сливается с окружающим миром природы, и язык повествования обретает признаки сказки. Возникает нежное уподобление женщины жаворонку. Автор вместе со своей героиней убежден, что «в Божьем мире правда есть и будет», и все на земле только ждет, чтобы «слиться с правдой».

Другой любопытный и по-своему замечательный образ повести — плотник Елизаров, по прозвищу Костыль. Запоминается его привычка ощупывать предметы, чтобы убедиться в их прочности. Он и сам прочен, поскольку свыше сорока лет ремонтирует вещи, преобразуя их, давая им прочную жизнь. По его убеждению, «кто трудится, кто терпит, тот и старше». Это один из сильных афоризмов, украшающих повесть. Этому трудолюбивому человеку, подрядчику, приходится жить среди хищников, и это определяет его противоречивость. Он наивен (на свадьбе он убеждает Варвару и Аксинью, что «будем жить все в мире и согласии»), простодушен, добр, доверчив, и этими чертами оказывается близким к Акиму из толстовской пьесы «Власть тьмы». Неслучайно сам Л. Толстой записал в дневнике, что видел во сне старика, которого у него предвосхитил Чехов. «Старик был тем особенно хорош, что он был почти святой, а между тем пьющий и ругатель» [4]. Этот чеховский способ изображения человека с накладываемыми на него

теньями Толстой использовал в «Хаджи-Мурате». Долгое время считалось, что Толстой имел в виду Костыля, совершенно равнодушного к собственности.

Есть в чеховской повести еще и образ безымянного старика, которого встречает Липа, идущая из больницы. Он утешает несчастную женщину и уверяет ее, что в жизни будет еще не только много дурного, но и много хорошего. «Велика матушка Россия!.. будет и хорошее»... Этот образ позволил еще раз выразить светлую веру в торжество добра. А картина, изображающая в финале повести идущих со станции женщин и девок, подтверждает эту мысль: возникает образ единения тружениц, поющих песню радости. А впереди всех — возрожденная к жизни Липа. Героиня теперь причастна к народной судьбе, и автор уподобляет ее жаворонку, воплощающему обновление в мире.

Горький хорошо почувствовал оптимизм этого мрачного произведения. В беседе с В. А. Поссе о повести «В овраге» он сказал: «Что-то бодрое и обнадеживающее пробивается сквозь кромешный ужас жизни» [5].

В повести «В овраге» очень важную роль играет фольклор: птичья символика, одушевление природы («солнце легло спать и укрылось багряной золотой парчой»), лирическая песня об одиночестве в ночном поле, образ «змеи подколенной» — Аксиньи, фольклорный характер сравнений («глаза горят зеленые, словно в хлеву у овцы»), резкое разграничение добра и зла в конкретных образах, песня Липы. М. Е. Роговская отмечает, что, читая это произведение, мы постоянно чувствуем подспудное движение и «дыхание фольклорной

стихии, улавливаем отдельные ноты, краски, черты народной поэтики» [6].

Д.Н. Овсянико-Куликовский нашел в повести «В овраге» черты «своеобразного протеста в форме страха». Он имел в виду прежде всего Липу и ее мать, «натуры добрые и души чистые», живущие «по принципу «непротivления злу»» «их протест основан на страхе и отвращении» [7]. М.К. Лемке, известный литературовед и издатель, нашел, что «В овраге» — мастерская картина... чисто русской буржуазии, которая должна быть признана новым «темным царством» [8]. А.Ф. Кони находил, что повесть «В овраге» — лучше всего, что Чехов написал, что это... одно из глубочайших произведений

русской литературы. С.И. Смирнова-Сазонова записала в своем дневнике: «7 февраля. Прочла чеховскую повесть «В овраге». Это одна из лучших вещей. Он давно уж такой сильной вещи не писал» [9]. М. Горький посвятил повести специальную статью, где писал: «Как стилист Чехов недостижим <...> В рассказах Чехова нет ничего такого, чего не было бы в действительности. Страшная сила его таланта именно в том, что он никогда ничего не выдумывает от себя, не изображает того, «чего нет на свете» <...> Он никогда не прикрашивает людей...» [10]. И. Бунин, автор «Деревни», считал «В овраге» одним из «самых замечательных произведений не только Чехова, но и всей мировой литературы» [11].

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. С. Щ. Из воспоминаний об А.П. Чехове // «Русская мысль», 1911, кн. 10. — С. 46.
2. Чехов М.П. Антон Чехов и его сюжеты. М., 1923. — С. 146.
3. Бялый Г. «В овраге» и «Власть тьмы» // Чехов и Лев Толстой. М.: Наука, 1980. — С. 202.
4. Толстой Л.Н. Полн. собр. Соч.: 90 тт. М., 1954. Т. 54. — С. 97, 248.
5. Лоссе В.А. Мой жизненный путь. М.; Л., 1929. — С. 155.
6. Роговская М.Е. Чехов и фольклор («В овраге») // В творческой лаборатории Чехова. М.: Наука, 1974. — С. 330.
7. Овсянико-Куликовский Д.Н. Литературные беседы // «Северный курьер», 1900, № 180 и 181, 5 мая.
8. Летис. Из дневника публициста. Наш народ у Чехова // «Орловский вестник», 1900, № 179.
9. Смирнова-Сазонова С. Дневник // «Литературное наследство» М.: Изд. АН СССР, 1977. Т. 87. — С. 310.
10. Горький М. Собр. соч. в 30-ти тт. М., 1956. Т. 23. — С. 313-316.
11. Бунин И.А. Собр. соч. в 9-ти тт. М., 1967. Т. 9. — С. 286.

Валерий Орлов
(Россия, Санкт-Петербург)

БЕССОННИЦА

Большой старый дом-«колодез» в центре Петербурга, засыпал всегда одинаково. Сначала гасли окна в первых этажах, а немного позже, очередь доходила и до верхних. Если внизу властвовала темнота, то сверху недремлющее северное небо еще посылало серые отблески ночных видений.

Жители этого дома-«колодеза» привыкли выключать свет к двенадцати часам ночи, их настораживал и пугал фейерверк света в противоположных окнах. Поэтому, хочешь ты спать или нет, а «будь добр...» не выделяйся световым эффектом. Только две лампы освещали центр детской площадки, да четыре слабых отблеска у подъездов. Если третий и четвертый этажи находились в постоянной полутьме, то в окна первого-второго этажей заглядывали лучи света от фар въезжающих машин. Пятый и шестой этажи зависели от желания небес открыть или закрыть тучами ночной источник освещения — луну.

Наш герой жил на втором этаже и привык ровно в одиннадцать тридцать гасить свою красивую люстру и отправляться на ночной отдых. Ему надо было рано вставать; предприятие, где он работал, находилось далеко от дома, а добираться было довольно сложно. Как человек очень аккуратный и чистоплотный, он ложился в постель с накрахмаленными до хруста белоснежными простынями. Сам процесс отхода ко сну имел свои ритуальные правила: надо было тихо, без единого звука, поставить под кровать ночной горшок; вытащить из шкафа коврик и поместить его на полу ровно по центру кровати; наручные часы повесить на стене рядом с подушкой, около которой надо положить маленький блестящий фонарик; поставить стулья в комнате так, чтобы легко можно было передвигаться в темноте.

Жил он в небольшой комнате, в коммунальной квартире, где проживали еще две пожилых женщины. Они спать ложились раньше него и в десять вечера квартира замирала. Последнее, что делал наш герой — это подходил к двери и несколько минут стоял и слушал уснувшую тишину; если вдруг раздастся скрип старого паркета, то он долго размышлял, кто произвел этот звук.

Наконец, приходил долгожданный момент — он ложился в холодную, «девственную» постель в надежде окунуться в ночной бескрайний сон. Иногда это желание сбывалось, и он сразу уплывал в ночные видения, но чаще, приходилось долго крутиться в постели: открывать и закрывать глаза, пересчитывать то верблюдов, то овец проходящих перед его мысленным взором. Когда их число переходило разумные пределы, он начинал выискивать среди них пастуха или пастушку. Но начинал всегда так: «Шел один верблюд, шел второй верблюд и так далее...» Если сон не обволакивал его воспаленный мозг, он пробовал мысленно говорить: «Верблюд

один шел, верблюд второй шел...» Бывает и срабатывает такая считалка, и он оказывался в сладких объятиях сна. Правда, чаще промучившись, час или два, он открывал глаза и, уставившись в невидимую темноту, начинал мечтать или вспоминать свою жизнь. Мечты долго не задерживались в его голове; они как приходили, так сразу и исчезали за тем неясным порогом, откуда могли появиться. Зато воспоминания долго будоражили его сознание, оставляя красочные картины, где он видел себя и своих родных.

Начинались они с детства в далеком южном Душанбе. Вот он лежит в большом тазу, наполненном теплой водой, мать, смеясь, ласковыми руками гладит его шелковистую кожу и говорит тихим голосом что-то приятное. Ему очень хорошо, большое, яркое солнце не жжет, а ласкает маленькое тельце, игрушки плавают вокруг, и он пытается собрать их вместе, но они разбегаются в разные стороны, а он весело смеется.

Как он попал в далекий Душанбе?! На это есть ответ. В пятидесятых годах его родители по комсомольским путевкам были направлены в этот южный город для строительства комбината по переработке хлопка. Раньше они жили в Воронеже, где отец работал шофером на каком-то предприятии, мать — там же на ремонтных работах. Как позже она рассказывала, познакомились на танцах в городском саду, через месяц сыграли свадьбу... (если так ее можно назвать). В комнате общежития собралось человек шесть друзей, выпили немного вина, закусили винегретом и закончили праздник чаем с дешевыми конфетами и печеньем. Время было тяжелое, послевоенное, кругом разруха и нищета, место в общежитии и то можно было получить с трудом, а тут случайно прочитали объявление о приглашении на строительство комбината, где молодым специалистам обещали жилье и немалые деньги, и много-много всяких южных фруктов. Конечно, они поехали. Их не обманули — фруктов было много, жаркое солнце сначала радовало, а потом от него приходилось прятаться. Первые три года жили в домах барачного типа, где была своя небольшая комната. Позже, обещали предоставить современную квартиру в новом доме и... сдержали свое слово. Заработки тоже вполне устраивали.

Когда мать рассказывала об этом времени, в ее глазах возникали искры добра и счастья. Он хорошо запомнил эти лучистые глаза и теплые нежные руки, которые и согревали, и оберегали его детство. Есть у него и фотография, старая, потрескавшаяся, где он стоит рядом с матерью и держится ручонками за платье, а на ее руках в ярком платке-одеяльце была его сестренка, а сзади, какое-то пушистое, зеленое дерево с крупными оранжевыми плодами.

Почему-то в его ночном бдении видится всегда мать, образ отца как-то мельком проскальзывает и сразу исчезает. Отца запомнил, как высокого, красивого мужчину с черными густыми волосами; малышом, он часто засовывал маленькие ручки в его шевелюру, и ощущение металлической жесткости волос осталось в памяти. С ними отец прожил недолго, всего десять лет и молодая семья распалась. К этому времени они получили хорошую двухкомнатную квартиру, о чем мечтали все молодые годы. Мать сказала детям, что отец ушел в другую семью и уехал жить в Россию. Отца он

больше не видел, но о жизни родителя кое-что слышал от его родной сестры, которая жила недалеко от них.

В новой семье отец прожил немного, едва перешагнув свое сорокалетие, как жизнь его прервалась на операционном столе. Ему делали простую операцию по удалению аппендицита, но, попавшая в рану инфекция, привела к трагедии. Маленькая фотография от какого-то удостоверения чудом сохранилась. Иногда, перед зеркалом, он невольно искал сходство со своим родителем и находил: правильные черты лица, темные глаза, густые, жесткие волосы. Пройдя через все воспоминания о своем детстве, он постепенно переходил к школьным годам.

В летнее время ему были видны неясные очертания обстановки комнаты: шкаф, стол, стулья. В зимний период кромешная темнота окутывала все вокруг, и только свет ночника мог подсказать время. Даже ночной горшок и тот, с трудом, можно было найти под кроватью (бегать в туалет он ленился, да и далеко приходилось идти). Иногда вставал, подходил к окну и долго смотрел во двор сквозь прозрачные шторы, при этом прислушивался ко всякому стуку или шороху, возникающему в коридоре.

Одна из соседок любила кошек. Две ее кошки днем всегда сидели в комнате и только ночью, она давала им возможность порезвиться в коридоре и на кухне. Шум от этих игр доносился до него и навевал воспоминания школьных лет и ранней юности.

В классе, где он учился, было сорок учеников разных национальностей: русских — половина (их родители работали на строительстве комбината), узбеков и таджиков — человек десять, казахи, татары, евреи и немцы составляли остальное число учащихся. Учились и жили все вместе, редко ссорились, стычки возникали между ребятами, но быстро перерастали в мирные игры. Круглых отличников в классе не было; несколько человек учились без троек, но основная масса заядлые середняки, у которых оценки от двойки до четверки шли с переменным успехом.

Школа располагалась в старой, деревянной постройке тридцатых годов. Раньше там был барак для рабочих, который немного перестроили, поставили ряд стен в больших помещениях. Никаких отдельных кабинетов, по предметам не было; ученики в одном помещении высиживали положенное время за маленькими партами, у которых сидение и стол закреплялись единой нижней перекладной. Ни о каких шариковых ручках они не слышали, а писали деревянными со стальными перьями. В каждой парте имелось два отверстия для чернилниц-непроливаек. Учитель в своем столе имел большую бутылку черно-синих чернил, которые аккуратно заливал в сосуды.

В первых классах много времени уделялось чистописанию, этот предмет он всегда не любил. Все эти палочки, нолики, закорючки редко выходили красивыми — не было терпения. На переменах бегать было негде: узкие коридоры не давали возможности поиграть или попрыгать, разогнать застоявшуюся кровь. Свои отношения ребятам приходилось выяснять только в туалете (чистой небольшой комнате), где в полу было вырублено штук шесть круглых отверстий вдоль стены. Центр помещения был свободен и считался ареной для борьбы. Он никогда не участвовал в мальчишеских

потасовках, так как от природы был тихим, спокойным мальчуганом, но любил наблюдать за отчаянными схватками своих знакомых. Встанет где-нибудь у входа или в углу и подбадривает криком одного из бойцов.

Еще ему нравился буфет (небольшая угловая комната), где едва помещалось десять человек, через стеклянную витрину была видна школьная съестная продукция: баночки с кефиром, стаканы с компотом, большие жирные калачи, маленькие, толстенные пончики, дешевые конфеты и дорогие шоколадки. Мать давала ему деньги на завтраки, но они так быстро улетучивались из карманов, что он с трудом вспоминал, на что их потратил.

Мальчишки из его класса играли во дворе на деньги. Встанут около угла здания и начинают бить монетками о стену, а те отскакивали и падали на землю, если счастливцев мог дотянуться пальцами ладони до монеты приятеля, то забирал выигрыш себе.

Другая игра заключалась в бросании монет, но смысл был тот же — дотянуться и забрать выигрыш. Он несколько раз принимал участие в играх, но ему не везло, всегда проигрывал.

Учиться он не любил, а ходил в школу по принуждению родителей. Правда, любил слушать на уроках истории рассказы учителя, но отвечать у доски, перед классом, было сплошным мучением: слова путались в предложениях, мысли выскакивали и тут же пропадали, весь класс смеялся. Если его спрашивали: «Кем ты хочешь стать, малыш, когда вырастешь?!», он только мялся и молчал — сам не знал! Какая-то неуверенность, робость преследовали его всю жизнь. Приятели еще с первого класса влюблялись в своих сверстниц, ходили за ними по пятам, устраивали рыцарские бои на саблях-палках во имя прекрасных дам, а он только наблюдал за всем происходящим со стороны. В седьмом классе несколько раз провожал понравившуюся ему одноклассницу, но друзья стали над ним посмеиваться... пришлось забыть о начавшейся дружбе.

На выпускном вечере, после окончания восьмого класса, он несколько раз танцевал с ней, но потом произошла неприятная история, которая их рассорила. Пьяные мальчишки из соседнего класса в темном коридоре стали приставать к его подруге, а он испугался и убежал. Вспоминал о своем постыдном бегстве всю жизнь, иногда пытался себя оправдать, но не получалось!

Полежав, потом посидев на кровати, он стал тупо смотреть в темный проем окна. «Ну, хотя бы появилась искра света!», — трагически думал наш герой. Везде взгляд натывался на мрачную, вязкую черноту и мысли снова уносились в прошлое.

После окончания восьмого класса его приятель, разбитной, смелый паренек, уговорил сдать документы в автодорожный техникум. При этом рассказал о больших жизненных преимуществах профессии автомобилиста: сможет сам себе починить автомобиль, если захочет из какого-нибудь «старья» сделать гоночную машину, а главное, получит права на вождение. Решение было принято, он попробовал поступить в техникум, но завалил второй экзамен, а приятеля отчислили после первого. Друзья не растерялись и поступили в техническое училище, которое готовило слесарей и токарей. Тоже нужная специальность и всегда пригодиться в жизни! Время

учебы он плохо помнит, но зато месяц сентябрь каждого года, напоминает об уборке хлопка. Это была адская работа — по жаре таскать корзину или мешок и наполнять их хлопковыми шариками, пальцы устают от однообразной работы, жесткие коробочки режут кожу. Да, вспоминать об этих временах... не очень-то хотелось, но память так и заставляет доставать из всех уголков затаенные мысли.

На уборке научился и курить. Сигареты стоили дорого, и он с друзьями делал «самокрутки» из газеты и махорки. Противное состояние испытывал всегда после первой затяжки: глаза наполнялись слезами, голова кружилась, кашель раздирал слабую грудь. Приятель его успокаивал словами, что процесс курения лечит от простуды. И правда, в ночные часы, когда холод сковывал тело, одна «самокрутка» спасала от болезни. Климат в этой местности был не из приятных: днем все мучились от страшной жары, ночью не знали, где найти теплое место. У него был свитер, но тот не помогал в ночные часы, а сильные мальчишки еще отбирали тонкое одеяло. Так что, эта уборка была сплошным мучением и запомнилась на всю жизнь.

Еще запомнился страх, который испытал при виде большой черной змеи. С приятелями шел по берегу горной речки, решили искупаться, вода была очень холодная, все замерзли. Соорудили небольшой костер, хворост быстро прогорел и все разбрелось в поисках сухого топлива. Недалеко от стоянки он нашел толстую корягу, придавленную камнями. Вытащить ее сразу не смог и решил разбросать верхний мусор. Едва он сбросил первый камень, как заметил змею. Черная извивающаяся лента гада стала сворачиваться спиралью. Он еще не понял величину опасности, но какая-то внутренняя сила отбросила от страшного места. От неожиданного страха тело покрылось потом, сначала стало жарко, потом сковал холод. «Ничего себе, как мне повезло! Это же — гюрза, самая ядовитая змея. Я же был на волосок от смерти!» — все эти мысли мелькали в голове, когда он не шел, а бежал к своим друзьям. Запыхавшийся с вытаращенными глазами, появился он перед ними и стал сбивчиво рассказывать о страшной встрече. Один из старших товарищей, почесав затылок, медленно произнес: «Ты родился в рубашке! Счастливеец! Пойдем, разберемся с этой дрянью!» Взяв крепкую сухую палку, он повел всех в указанную сторону. Вскоре ребята пришли к нужному месту. Змея, чувствуя себя хозяйкой положения, никуда не собиралась уползть, обвив толстыми кольцами корягу, наслаждалась прохладой, тянувшейся от холодной воды. Старший парень, сделав из своей палки рогатину, рассказал приятелям о наступательном плане: он сбивает змею с коряги, прижимает ее голову палкой, двое постарше, лопатой и топором рубят гюрзу. Операция была проведена молниеносно, тело змеи, порубленное на куски, слабо дергалось в кровавой жиже. Парень, державший змею, крикнул приятелю, чтобы ему дали лопату, ловкими ударами размозжил голову и быстро отпрыгнул назад. Ребята видели, как кровавый кусок бросился в сторону обидчика, но сил у змеи не хватило, пролетев сантиметров тридцать, она упала на песок и завертелась.

— Ничего себе, какая живучая тварь! — сказал кто-то.

— Да, с этими гадами надо быть осторожными и оставшаяся голова может убить! — Костер готов, мясо змеи есть! — Прошу попробовать местный деликатес! — неожиданно весело раздался голос старшего.

Все неуверенно смотрели на останки змеи, а старший взял три толстых куска и отправился к костру. Через некоторое время этот парень достал обуглившиеся куски и стал аппетитно раздирать крепкими зубами дымящееся мясо. Последователей у него не нашлось — все испуганно смотрели на эту трапезу, боялись отравиться, хотя понимали, что весь яд находится в железах рта змеи.

Эти воспоминания отбросили сон еще дальше. Бессонница, как та змея, обвила его и лишила спокойного, сладкого сна. Он тихо ходил по комнате, долго стоял у окна, заглядывал в черные проемы углов двора, прислушивался к возне кошек за дверью, а его мозг продолжал раскручивать кадры прошедшей жизненной хроники.

Однажды, в парке, один из приятелей дал ему попробовать пожевать серо-коричневый комок с приятным запахом. Перед этим они выпили какой-то красной «барматухи», и у него закружилась голова и поташнивало. «Пожуй, только не глотай. Тебе станет легче!» — советовал добрый друг. И, правда, чувство отвращения от выпитого скоро прошло, в голове прояснилось, во всем теле появилась необычайная легкость. Ему, казалось, что если подпрыгнет, то взлетит птицей на небо.

На танцплощадке он не толкался в углу, как раньше, а выбрался в центр и лихо крутился с неизвестной красавицей. Это чувство легкости, свободы, беззаботности ему понравилось; не проходило и дня, чтобы во рту не таяло божественное снадобье. Скоро он так привык к этому новому состоянию, что перестал различать, где искусственная, а где естественная жизнь. За небольшую плату приобретал у приятеля «билет в сказочный мир». Его организм не протестовал, а наоборот, принимал наркотик как благодетельное лекарство и впитывал в себя все без остатка. Постепенно игра с «наркотой» переросла в тяжелую, затяжную болезнь. Иногда он пробовал вырваться из опасного круга, но пораженное болезнью тело заставляло вновь принимать «коричневые шарики». Помог справиться с недугом неожиданный случай. Родная тетка, сестра отца, которая жила недалеко от них, давно обещала поехать с ним в Ленинград, познакомить с великим городом, погулять по его паркам, посетить музеи. В Ленинграде у нее жила какая-то дальняя родственница, которая обещала устроить их с ночлегом дней на десять. Затея эта ему понравилась, давно хотелось посмотреть мир, кроме своего города и его пригородов он нигде не был. Эти разговоры о поездке длились давно, то забывались, то, за чашкой чая, вновь вспыхивали.

Однажды, поздно вечером, он пришел из парка в болезненном состоянии. Его знакомый не появился на танцах, и очередную дозу наркотика не удалось получить. В квартире все спали, на кухонном столе, около холодного ужина лежала записка: рукой матери было написано, что в семь утра с документами и в новом костюме, он должен быть в аэропорту, откуда, вместе с тетей, на самолете полетят в Ленинград. Внизу была приписка: «Не вздумай передумать, у тебя отпуск!» Это известие и обрадовало, и испугало, лететь без наркотиков было страшно, как он будет себя чувствовать

в поездке!? Быстро собрав вещи, он сначала решил бежать на другой конец города к приятелю, но быстро передумал (ночной город таил в себе большие неприятности). Решил утром позвонить по телефону в мастерскую, где они вместе работали, может быть, тот вырвется на пару часов и привезет несколько доз к самолету.

Часа три провалялся в постели, проклиная бессонницу и нервное состояние. С рассветом на первом автобусе приехал в аэропорт. Там у кассы встретил тетю, купили билеты, оформили все нужные документы, до отлета оставалось около часа. Он пробовал дозвониться до приятеля... безрезультатно! В голове мелькала безумная мысль — все бросить и бежать из аэропорта! Но рядом была тетка, которая весело щебетала о новых встречах, которые их ждут, правда, несколько раз пристально глядя ему в глаза, с тревогой спрашивала о здоровье. Он только отшучивался и отвечал, что не успел отдохнуть после гулянки. Настроение было препаршивое: холодный озноб начинал трясти тело, ломота и судороги потихоньку подбирались к членам.

В самолете сидел сбоку от прохода, красивые девчонки-стюардессы, часто пробегавшие мимо, с удивлением смотрели на его скорчившуюся фигуру. Тетка сидела сзади и что-то скороговоркой говорила. Ему давно хотелось полетать на «стальной птице», получить новые ощущения, почувствовать живую вибрацию тела машины, но... только не в нынешнем состоянии!

Самолет легко заскользил по взлетной полосе. Сначала в иллюминаторе он видел бегущую землю, а потом маленькие квадратики строений, полупрозрачные дымчатые облака, блестящие спирали рек. От увиденного его голова стала кружиться, появилась тошнота. Тетка заботливо подсунула ему два толстых бумажных пакета... и вовремя! Сколько раз его выворачивало на изнанку — не помнил! Пришел в себя уже на земле.

Ленинград встретил холодным ветром и мелким дождем. После жаркой погоды юга город был необычным и неприветливым хозяином, который пригласил в гости и забыл открыть двери.

На такси они быстро доехали до теткиной родни. С улицы вошли в какой-то двор-«колодезь»: облезлые стены, темные проемы окон, холодные капли дождя, тряска во всем теле — вот все, что он запомнил в день приезда. Горячий чай с медом немного прояснил сознание. Маленькая, чистая кухня, электрический самовар с яркой росписью, большая красная чашка с белыми горошинами, улыбающиеся лица незнакомых людей промелькнули и исчезли в нездоровом сне. Он не помнил — спал или бодрствовал, но явственно видел, как со стены сползли какие-то черные меховые шарики с глазами, в которых зияла пустота. Они медленно подкатились к нему, он с удивлением смотрел на эти странные существа. Оказывается, у них были еще и уши, и плотно сомкнутые рты. Приблизившись к его телу, они раскрыли рты, сплошь усеянные мелкими зубами, и впились в руки, ноги, голову, и поясницу. Страшная боль скрутила тело, бросила его с кровати на пол, заставляя корчиться и кричать, и так несколько раз подряд фантастические «шары-призраки» подкатывались, рвали его тело и снова отползали. Он потерял счет времени, день и ночь слились в одно непроглядное целое, как мутная вода обволакивающая тело и тянущая то вниз, то вверх. Потом все успокоилось, открыв глаза, с удивлением увидел, что лежит

на большом, черном, кожаном диване. В полутемной комнате никого нет, на стене размеренно тикают старинные часы в резном футляре. Он тихо поднялся и пошел искать туалет. В соседней комнате увидел тетку в махровом халате, смотрящую телевизор; она испуганно взглянула на него, но тут же улыбнулась и мягким голосом сказала: «Ну, что очнулся!? Три дня тебя трясло, как осенний лист! Два раза вызывали «скорую», что только врачи про тебя не говорили! Сначала думали последствия простуды, потом отравления! Не знали чему верить! Слава Богу, все обошлось!» Он-то знал причину случившегося, но «молчание — золото!»

Его организм, после трех дней невероятных мучений, наконец, выкинул из себя всю наркотическую заразу и зажил прежней здоровой жизнью. «Никаких больше приятелей с наркотой к себе не подпущу!» — зарекся он.

Когда они с теткой вышли из квартиры, он еще раз удивился своеобразию архитектурного строения двора-«колодца». Может здесь была своя гармоничная красота, но почти все свободное пространство было завалено штабелями пустых ящиков, которые высились почти до второго этажа. Нижний ряд этой «деревянной горы» почернел от дождей, гниль и ветхости; в проемах-пустотах нашли себе жилище брошенные кошки, крысы и несколько забытых собак. Больше всего его поразил котенок, который встретил их около входа; сначала ничего необычного в нем не было заметно, но приглядевшись, страх сковывал смотрящего — у котенка не было глаз! Видимо, ворона выклевала их! Эти глазницы-пустоты на опрятной, пушистой мордочке своим контрастом мертвого и живого приводили в трепет любого.

«Вот откуда пришел мой сон! Видимо, проходя по двору первый раз, я видел этого уродца, он и остался в моей памяти, а потом выплыл в наркотическом сне», — мелькнуло у него в голове.

С теткой они посетили много музеев Ленинграда и пригородов. Поездкой он был доволен и сказал своей спутнице, что если где и жить, то только в этом прекрасном городе. Единственное не понравилось — это неустойчивая погода, привык к южному климату.

А сон где-то витал в других комнатах и про него совсем забыл. Да, и он по старой бессонной привычке не расстраивался. Нет сна и не надо! Днем где-нибудь и покемарю час-другой.

Мысли о прошлом все больше овладевали им. После Ленинграда, почему-то сразу вспомнилась армия. Его забрали служить через месяц после приезда. В военкомате вся их дворовая компания собралась вместе. Сначала прошли медицинскую комиссию, потом по одному стали вызывать в кабинет для собеседования. Его вызвали в большое помещение, заставленное шкафами, в центре за столом сидели два офицера — капитан и толстый майор. Капитан не обратил внимания на вошедшего, а все что-то торопливо писал мелким почерком в тетради. Толстый майор грубым голосом пригласил сесть и сразу стал задавать вопросы, которые касались его желания служить и образования. Он бодро сообщил комиссии, что закончил техническое училище и среднюю школу, занимался спортивным бегом, имеет второй разряд, желает служить в авиации, так как его отец тоже служил

авиационным стрелком на тяжелом самолете. Его внимательно выслушали и отправили в коридор.

Через час после томительного ожидания будущих солдат построили в шеренги в небольшом актовом зале и зачитали по списку — кого и куда направляют служить. Отправляли в разные точки огромного государства от Дальнего Востока до Эстонии, а его и еще одного парня распределили в Германию. Почему именно туда? Он так и не понял, может быть из-за высокого роста и привлекательной внешности, а может, просто понравился. Его приятеля — ясно почему. Он увлекался радиоделом и продемонстрировал майору свою последнюю модель приемника, улавливающего все станции эфира. Майору эта игрушка так понравилась, что он сам долго крутил ручку и удивлялся чистоте и ясности звука. Всем новобранцам выдали нужные документы, распределили по командам и велели с вещами собраться около военкомата.

Через неделю, он с приятелем стоял около проходной военной части в далекой Германии. Красная звезда на металлических воротах говорила о том, что здесь находится территория его могучей страны. Сначала их отвели в штаб части, где сообщили, что ему придется служить в роте охраны, а приятелю на радиолокационной станции. Через час он был похож на настоящего молодого солдата. Зеленая защитная форма сидела угловато, стриженная голова блестела из-под пилотки, кирзовые сапоги не давали легко ходить.

Служба была однообразной и тягучей. В его обязанности входило охранять различные объекты части, от складов до проходной. Воинская часть занимала большую площадь, сама она располагалась недалеко от небольшого немецкого городка. Большой бетонный забор закрывал ее от внешнего мира. Внутри части каждый кусок земли имел свое назначение: штаб, казармы, склады, клубы, дома офицерского состава и т.д.

Рабочий день был так насыщен, что он никогда не мог сказать, какое сегодня число. Дни пролетали со скоростью часовой стрелки. Наряды, тревоги, стрельбы, учения — все смешалось в солдатской службе. Из этой тягучей временной массы сложно вспомнить и выделить что-то одно. Страх всегда запоминается на всю жизнь. Было три таких случая, которые камнем лежали внутри его тела.

Первый — на учениях бросали боевые гранаты из окопа. Сосед, парень из далекой сибирской деревни, по какой-то причине замешкался, выдернул чеку и уронил себе под ноги гранату. Страх сковал всех, кто был рядом. Хорошо, что бывалый сержант сильным ударом отбросил солдата, схватил смертоносный предмет и выбросил из окопа. Сухой треск разорвавшейся гранаты раздался в воздухе. Никто не пострадал.

Второй случай на охоте. Командование решило хорошо провести время на охоте в заказнике, где водились кабаны и олени. Солдат вместе с егерями заставили гнать стуком и криком бедных животных в одно место к поляне, где их поджидали с ружьями десятков генералов и других высоких чинов. При приближении к цели, на него с приятелем из кустов выскочил огромный кабан-секач. Протаранив близлежащую растительность, он буквально прижал солдата своим мощным телом к стволу дерева. Как ему повезло,

понял позже, когда прошел первый шок от страха. Если бы животное отклонилось хотя бы на тридцать сантиметров, он был бы раздавлен огромной тушей и вспорот мощными клыками.

Третье страшное происшествие — встреча с приятелем, который был в бедственном положении. Их вместе призвали в одну воинскую часть, только он попал в охрану, а тот в радиолокационную часть, где сидя в бетонном бункере, вылавливал в эфире нужные для командования сведения. Во время его дежурства произошла утечка радиации и несколько солдат и офицеров были облучены. Их всех направили на лечение в госпитали. Автобус, который их вез, проезжал через его КПП. При оформлении документов солдаты вышли из автобуса покурить и вот тут он увидел своего друга. Узнал, что тот ложится в госпиталь и уходит на «дембель». Приятель молча снял ремень и задрал гимнастерку — на голом белом теле выделялись темно-коричневые пятна. Он объяснил, что теперь стоит вопрос не только об увольнении из армии, но и о жизни. Ему стало жаль сослуживца, но смог только сказать: «Да, не повезло! Армия, есть армия!» Через год узнал, что приятель после госпиталя устроился на мясокомбинат, для того, чтобы пить свежую кровь. Все равно не помогло, скоро умер от рака крови.

Еще долго, лежа в постели с открытыми глазами, он перебирал детали армейской жизни. Вспомнил командира роты — невысокого, худощавого, очень подвижного капитана, который поражал солдат своим умением стрелять из автомата. На полигоне он демонстративно дырявил подброшенные картонные тарелки.

Еще вспомнился случай с молодой женщиной. По субботам в солдатском клубе устраивали танцы. Солдат было много, а девчонок — «раз два и обчелся». Немки приходили очень редко, в основном были наши, которые служили или работали по контракту. Среди сидящих в зале он приметил одну особу, которая то ли дремала, то ли просто была меланхоличная, ни на кого не смотрела и не разговаривала. Он попробовал пригласить ее на танец, но она не отреагировала. Ему стало обидно, что такого красивого и здорового парня, как он, не замечают. С танцплощадки пошел в кинозал, в десятый раз посмотреть американскую кинокомедию. Потом отправился в свою роту, хотел написать письмо родным. Около казармы к нему подошел знакомый солдат и заговорческим тоном тихо сказал: «Хочешь развлечься с женщиной?». Он кивнул головой. Пошли в каптерку, где перед ним предстала пикантная картина: на мешках с бельем лежала обнаженная пьяная девица. Ноги ее были разбросаны, и она приглашала «подарить ей любовь». Это была девица из клуба. Глядя на ее фигуру и прыщавую кожу, ему стало противно, и он ушел. Среди солдат нашлись любители «свободной любви», которые на проверке перед сном хвастались своей «мужской силой». Утром следующего дня пять человек отправились в госпиталь лечиться от венерического заболевания. Самое интересное, что эту девицу никто не приглашал в клуб на танцы. Откуда она взялась и куда, потом делась? Осталось под завесой тайны.

Этот случай его здорово напугал. Подцепить от женщины венерическое заболевание, а потом лечиться, не очень хотелось! В его жизни уже были неприятности с девушками. Хотел жениться на своей школьной подруге, дру-

жили с пятого класса. Перед свадьбой не вовремя посетил ее и увидел, как она развлекается с другим парнем. Пришлось расстаться. После этого случая, к женщинам стал относиться очень и очень осторожно.

Сна все не было, а воспоминания текли, как вода в ручье.

После армии вернулся домой. Сестра успела выйти замуж и закончить первый курс юридического института. Жила у своего мужа. Его мать в одиночестве «прозябала» в двухкомнатной квартире. После его появления она часто намекала сыну, что пора жениться. На эти намеки он либо отшучивался, либо говорил, что хочет сначала закончить институт — не век же ему слесарить в мастерской? Она с ним соглашалась.

Любил он вечерами валяться на старом продавленном диване и читать книги по истории: «Древний мир», «Средневековье» и т.д. Литературные сюжеты из этих периодов питали его фантазию, ему хотелось все знать о этих временах. Он сдал документы на исторический факультет местного педагогического института. Но на первом же экзамене потерпел фиаско — провалился. Конкурс был слишком большой. Его родная тетка посоветовала поехать в Ленинград и там поступить в институт. Эта мысль ему понравилась. Через десять дней он вместе с теткой был в Ленинграде. В институте сказали, что прием документов закончен, но можно попробовать поступить на факультет начальных классов, там нехватка студентов. Немного подумав, он согласился. Сдав экзамены на одни тройки, он был зачислен на первый курс педагогического института, заочного отделения.

Как прошли эти шесть лет — он не заметил! Учился усердно, но работать в школе не стремился. На третьем курсе попытался узнать, что представляет собой работа с детьми. Не выдержал и трех месяцев — сбежал! Да, учителем он не родился!

Он любил спокойную, размеренную жизнь. Жить одному, читать книги, а может и самому, если получится что-нибудь написать. Особенно нравилось листать книги по философии, эстетике, истории, политэкономии, но на их изучение не хватало времени и терпения. Само же нахождение этих книг рядом создавало особую «научную ауру», которая питала его внутреннее состояние.

После поступления в институт он ушел из мастерской, перестал слесарить, сменил несколько школьных профессий, от пионервожатого до учителя. Пробовал работать в музее, в библиотеке, но, увы, нигде не задерживался. И тут снова родная тетка дала умный совет. А не организовать ли ему свое дело? Работать сколько пожелаешь, зарабатывать сколько сможешь!

Тетка работала на строительной базе главным бухгалтером. Через нее проходили все строительные материалы, которые приходили в республику, и она их распределяла по разным организациям и частным лицам. Вот она и предложила ему возглавить «дочернее» предприятие по продаже строительных материалов. Они будут продавать материал дешевле, чем в магазинах, без больших наценок, об этом она позаботиться сама. Эта идея ему понравилась.

На окраине города организовали небольшую строительную базу. Он был руководителем «с печатью и портфелем», а тетка незаметно присутствовала в его тени. Все шло хорошо. Теткина реклама сделала свое дело. На-

род получил строительные материалы для домов, гаражей и дач. Так продолжалось около двух лет. Его производство встало на ноги. Он построил склад для хранения товара, офис, купил грузовой и легковой автомобили. Почувствовав в себе искру бизнесмена, стал договариваться о расширении своего производства путем приобретения двух магазинов для сбыта продукции.

Все перечеркнули девяностые годы. Перестройка! Сколько бед она принесла народу! Богатые становились богаче, а бедные еще беднее! В стране возникли две силы. Одна за удержание власти, другая за новый дележ страны. Массовые беспорядки произошли в Душанбе в феврале 1990 года. Начались, как и всегда на межнациональной почве. Фактически они стали прелюдией к гражданской войне, начавшейся два года спустя.

Предысторией конфликта стали массовые армянские погромы в Баку. Несколько армянских семей бежали к своим родственникам в Душанбе. Вскоре распространились провокационные слухи, что 5000 армянских беженцев из Азербайджана переселились в Душанбе и им распределяются квартиры в новостройках, а в это время был острый дефицит жилья. Позже выяснилось, что это только провокационные слухи. Одиннадцатого февраля возле здания ЦК КП собралось более четырех тысяч человек. У них был один лозунг «Долой Армян!» На другой день появился и другой «Долой Махкамова!» (первого секретаря ЦК КП Таджикистана). Демонстранты ворвались в здание и подожгли его. К вечеру в ответ на открытие огня милицией холостыми патронами, начались поджоги ларьков, погромы магазинов. Тринадцатого февраля в Душанбе прекратили работу городской и междугородний транспорт, институты, школы, магазины и предприятия. Беспорядки переросли в погромы улиц и кварталов города, сопровождались массовым насилием и убийством русскоязычного населения. Мирные жители столицы, при полном отсутствии помощи со стороны властей и правоохранительных органов, спасали себя сами. Создавали отряды самообороны, которые охраняли от погромщиков входы в подъезды.

В таких условиях весь его бизнес быстро пришел в упадок. Пришлось думать, как спасти свою жизнь и жизнь близких. Он быстро продал свое предприятие и с семьей тетки бежал в Ленинград. Мать и сестра еще пытались удержаться в Душанбе, хотели сохранить свои квартиры. Но после зверских убийств нескольких знакомых, все бросили и убежали в Россию.

Через год порядок был наведен. Народные массы успокоились, поверив обещаниям верхов. Когда он приехал в Душанбе, в его квартире проживала таджикская семья, которая выплатила небольшую сумму за квартиру. Больше здесь ничего не удерживало, родных и знакомых не осталось, разбежались кто куда.

Вернулся в Ленинград, купил комнату в коммуналке дореволюционного дома. Работу искать долго не пришлось, устроился охранником на небольшом производстве. Спасибо тетке и ее дочке — помогли в первое время. Они жили в другом районе, но каждый месяц встречались с ним.

Мать с сестрой устроились под Москвой, переписывались редко, а насчет встречи и вообще разговоров не было, поссорились из-за каких-то житейских мелочей. Только тетку и ее семью он считал своими близкими род-

ными. Насчет личной жизни никаких изменений не было. Три года прожил один, сторонясь людей женского пола, относился к ним недоверчиво, боялся, что обманным путем пропишутся у него в комнате, а потом выкинут на улицу и сделают бомжем. Это был самый большой страх — остаться без всего и сидеть с котомкой где-нибудь в метро.

Страх... страхом, но однажды знакомство с женщиной у него состоялось. Сидя во дворе, ждал приятеля по дому, рядом в песочнице молодая мама занималась маленьким ребенком. Молодая женщина несколько раз внимательно посмотрела в его сторону, но он, боясь шапочного знакомства, старался не замечать этого. Скоро появился его приятель, который знал эту женщину. Разговаривая с ним, перебрасывался фразами с молодой мамашей и заодно познакомил их.

Встречаться они стали не сразу. Где-то через месяц увиделись во дворе, и он завел какой-то пустой разговор. Узнав, что она работает в музее, напросился на экскурсию. Так они познакомились ближе. Он узнал, что эта молодая, красивая женщина, пять лет назад овдовела. Живет с матерью и сыном в небольшой комнате. Ее мать, развелась с мужем еще лет двадцать назад, любила веселые компании, часто выпивала. С дочкой у нее были натянутые отношения, жилплощадь маленькая, о размене говорить не приходилось. Вот так и мучились эти две одинокие женщины! Этой молодой вдове хотелось замуж, иметь настоящую семью, но ребенок и маленькая жилплощадь отпугивали потенциальных женихов.

Ему не хотелось впускать в свою спокойную, размеренную жизнь людей со стороны; он предложил молодой женщине иметь с ним только сексуальные отношения, а о совместной жизни пока не думать. Она согласилась! В ней, наверно, теплилась надежда, что со временем их отношения перерастут в теплые, семейные. Но, увы, этого не произошло! Прожив с ней пятнадцать лет и заставив ее сделать три аборта, он никак не хотел обременять себя семейными узами. Даже слова «муж» и «папа» были для него, наподобие ругательских. Одиночество и полная свобода во всем и от всех — это главное, что держало его на плаву в этой жизни. О будущем он не заботился, полностью доверял тетке и ее дочке. Комнату и кое-какие сбережения оформил на их имя, а сейчас он просто жил!

В возрасте шестидесяти лет с ним случился инфаркт. Мужик крепкий — выкарабкался! Да, потерял здоровье, в основном, из-за событий в девяностые годы. Один переезд чего стоил! Около вокзала в Душанбе, он сам видел, как банда вооруженных людей застрелила русского мужика, который пытался защитить свою жену. Да, нет жены — нет неприятностей!

Он то стоял около окна и рассматривал серо-черную массу, которую называют туманом; то лежал в холодной постели, шарил глазами по темному потолку и вспоминал, как хорошо протекала его жизнь до девяностых. Теплый климат Душанбе, он никогда бы не променял на суровое существование в этой северной столице. Конечно, неплохо пожить в Ленинграде летом в июне, походить по музеям. Не более! А вот пришлось здесь обосноваться и возврата к старой жизни — нет! Эти мысли мелькали в голове почти каждую ночь. Он хорошо знал, что пролежав до трех-четырех утра, окажется в каком-то бессознательном состоянии, которое называется дремотой. Рез-

кий звонок будильника вырвет его в семь часов из этого дурманного болота. Он подойдет к зеркалу, и будет пять минут, скрести электро-бритвой по опухшим щекам, смотреть на свое одутловатое лицо и удивляться, куда делась та юная свежесть, которая привлекала к нему взгляды женщин, где стройность тела, черная «смоль» волос? Все сожрало это проклятое время, особенно девяностые годы.

После всех испытаний, которые ему пришлось преодолеть, он стал философом и даже пытался писать о своих наблюдениях и попытках перестроить современное общество. Свои философские изыскания пытался пристроить в какой-нибудь журнал, но видимо таких теоретиков-перестройщиков было много и их трудами не интересовались. Ему всегда вежливо отказывали.

Пока брился в голове мелькали еще какие-то идеи, потом все переходило в суматошный день, который как песочные часы, переливался в бессонную, холодную, долгую ночь, где все повторялось без малейших изменений.

Михаил Рыбаков
(Россия, г. Устюжна)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬША

Она проснулась от глухих, надтреснутых ударов шкворнем о проржавевшее колесо немецкой машины... Чуть сообразив, натянула, впопыхах, юбку из немецкой шинели, набросила фуфайку и выскочила на улицу, полузаметанную февральскими стылыми вьюгами... вот он, дом главврача справа, ограда сторевшей в сорок третьем церкви, вот оно — било...

— Кузьма, чего ты людей баламутишь, чего камору бросил?

— Так, Клавушка! Нет каморы, разграбили..., только за дровишками вышел... Видала, как завернуло-то? Вернулся, а камора горит и те на двух санях к Трепалке чешут, я ить пальнул три раза... Попал ли? Далековато было...

Клавдия Ивановна побелела прям-таки:

— Что ж теперь? Как до весны дотянем? Ещё не всем на трудовень отвесили... хоть и половка, а всё какой-никакой харч... И чем прикажешь теперь сеять-сажать. От свалилось это председательство на мою голову...

— Так люди доверили...

— Знаю, Кузьма, потому и страшно мне становится...

— А знаешь, думаю — до картохи не добрались, там же верхний пол сплошняком. Побежали в контору, вызову Сергея.

— Батю? Давай, а я туда, на пожарище. Может, кто уже тушит...

— Девушка! Мамошино, Горбаня мне срочно!

— Тю, дурна, три ночи, не буду будить...

— Будешь, а то приду пехом — голову откручу! Тут воровство и поджог... Просыпайся!

— Да, — ответил Сережкин сонный голос.

— Серж, беда у нас... Обворовали камору и подожгли...

— А сторож где был.

— Мороз же... вышел за ветками... сторожка вся в инее...

— Доверяешь?

— Так и ты доверял... Кузьме.

— Сейчас буду.

Сергей Степанович Горбань, полковник, начальник милиции и бывший командир партизанского отряда, где боролась с фашистами Клавдия, вызвал козелка и покатали из Мены в Мамошино, на Бабке засели капитально, пришлось капитану Владимиру Тошному бежать за трактором...

Явились под утро, злые, как черти.. Клавдия отпоила их морковным чаем, да чёрными пампушками. Согрелись, перекурили...

— Ну vedi, хозяйка, к потраве...

Пришли, от каморы одни головешки догорали, дымили на морозе.

Из сторожки появился Кузьма.

— Здравия желаю, товарищ командир. Картохи печёной не желаете?

— Откуда? Привет, Кузьма, говоришь стрелял по налётчикам.

— А как же, раз на посту. Ходил, глядел... у самой речки след кровавый нашёл... Ушли или в Куковичи или в задесенские хутора.

— Это уже что-то! Володя, передай по области: «облава!» Где-то всплывут. Глядеть на базарах, больницах-амбулаториях. Общаться с людьми. Всё. Клавдия, неси книги учёта, акты приёмки-выдачи. Подобьём бабки.

— Так картохи нести?

— Неси, Кузьма, как там Марья?

— А чего ей... Трех родила, четвёртым ходит. Солдаты нужны, командир.

— И то верно. Передай привет нашему доблестному кашевару. Столовку так и не открыли, всё «Чайной» пробавляется...

— Так, не соглашается Марья, говорит: «идите вы к дьяволу, на всю жизнь накошеварилась, лучше в поле, там и дождем, и солнышком, и ветерком...»

— Плохо уговариваешь подругу, председатель... Ох, нагрюну я на вашу голову, накручу хвостов... Тут завтра следователь приедет, покажите, расскажите и след кровавый не забудьте. Пока, однако...

Нашли тех гавриков, оказались неопытными, крови на руках не было. Осудили на три года каждого, с отсрочкой на строительство кладовой.

Год прошёл, собирались мероприятия, к дню Армии и Флота. Сергей закрутился на работе, как всегда перед праздниками.

Заскочил домой, перехватил всухомятку. Мать только головой крутила.

— Наживёшь себе, сынку, язву, не до жинки будет...

— Кстати, мам, я за Клавдией смотаюсь. Сама всё равно, не скажет, придётся мне.

— Слава тебе, Боже! Долго дал, но молодец, благословляю на подвиг.

В конторе сидела при восьмилинейке делопроизводитель Оксана.

— Вы к Клавдии Ивановне? Так она приболела, дома валяется.

— Ладно, спасибо, я сам сбегаю. Володя, дуй на Набережную. Адрес помню, но не бывал... Ага, вот и десятый номер. Ты гляди, как сказочная избушка, как она там помещается?

Он ступил на крыльцо из одной шатающейся кладки, постучал...

— Так там не заперто, заходи, кто там?

Сергей шагнул в сенцы, слева ведро воды и кружка, справа восьмилинейка, с отгрызенным концом стекла. Двинул фанерную дверь и чуть не провалился в темноватую комнатку.

— Серёжа? Какими судьбами? — прохрипела, красная лицом, Клавдия.

— Привет, подруга!

— Ой, а я не прибранная...

Сергей притронулся к пылающему лбу...

— Э-э, девонька, собирайся, я отвернусь, — но та приподнялась и упала вновь на жёсткую постель...

— Прости... не в силах.

— Чего уж... что одеть? — нашёл юбку, Клавдия подсказала как... собрались... Он взял кроличью шубку, но бросил, одел на неё белый полушубок, взгрёб на руки, усадил в козлик, вернулся за рядом, укутал её, прижал к себе.

— Гони, друже!

— Боже, — воскликнула Серафима Юрьевна, увидя сына с ношей на руках, — что приключилось, Серж?

— Клава заболела и видно серьёзно... Чайку липового да малинки ей бы.

— Э-э, раздевай её!

— Не вздумай! — прохрипела та.

— Вы что, ни-ни?

— Мама, разве можно?

— Та-а-ак. Иди за мёдом и вареньем, я сама раздену Клавдию — ух ты, девонька, ну ты и краля, вкус у сына, как у отца был... — Набрала в шайку горячей воды, набросала морской соли — давай ноженьки, грей... Согрела молока, добавила мёда липового, соды на кончике чайной ложки, ложечку масла. — Пей, доченька, не спеши, маленькими глоточками, — Клавдия чувствовала, как она вся разогрелась и стала потеть...

— Вот так мы её, простуду проклятую! Серёжа, где твой чай? И неси чистый халат из баньки...

Она набросила халат, на пылающую Клавдию.

— Теперь заходи, отпаивай её, пока не уснёт. А я Льву позвоню, пусть придёт, послушает.

Лев Ильич Крачкин, главврач райбольницы, прибежал очень скоро...

— Ну-ну... и что мы, и как мы... Ишь ты, счастливица какая, ни одного хрипа! Юрьевна, основной пот сошёл, теперь можно простынкой обойтись, но до полуночи меняйте почаще. Завтра забегу. Теперь ей покой и сон. Ах, молодо-зелено... Месяц тому был у них с проверкой, так Клавдия уже тогда ходила с малой температурой, говорил — поберегись... Вот вам, голубушка, итоги.

— Ильич, наливочки?

— От вашей наливочки не откажусь, только тару побольше, не буду присаживаться, ещё три больных ждут... Ох, хороша, милая, как в лапоточках... Так когда свадьбу играть станем?

— Вы о чём?

— Как, о чём, вы же обещали подумать...

— Ну вот... ну вот...

— Я же не шучу, мне без вас, как без рук...

— Уж так и...

— Так-так.. я уже и с Серёжей поговорил, извините, что за вашими плечами... Он не против, если вам не противно.

— Ой, Лёвушка... я согласна, но при условии, что будем жить пока одной семьёй.

— Договорились.

А утром проявились хрипы, и Лев Ильич предложил лечь в больничку.

— Нет-нет, я сама буду за ней ухаживать, кто лучше меня?

Кончился февраль, половина марта... Клавдия, придерживаясь попутно за что ни попадя, появилась на кухне...

— Свят-свят... привидение..., давай ручки и в коечку. Всё-всё, возражений не принимаю.

— Серафима Юрьевна, я кушать хочу, — краснея от стеснения, произнесла Клавдия.

— Ага! Вот это ты молодчина! Сейчас я тебе бульончику налью.

— Не-е, хочу сала с чесночком и Серёжиного чая... — Она вышла снова на кухню, и тут раздался звонок в дверь...

— Гостей принимаете? Я голодный, как лев! — Увидев на столе сало и чеснок, заулыбался! — Меня тут явно ждали, любимые яства!

— Присаживайтесь, Лев Ильич, вдвоём будет веселее, — пригласила Клавдия.

— Вот соблазнитель... и у меня слюнки потекли. Садись, Лёва.

На кухне стоял такой ядрёный запах сала с чесноком, что зашедший Сергей чихнул с удовольствием.

— Вот, я ж говорю, что всех букашек выгонит из организма. Привет, Серёжа! Начальство оставило на развод, не всю шкуру спустили?

Сергей присел, механически очистил зубок и сунул в рот... Серафима Юрьевна насторожилась... Вдруг он сорвался с места и убежал в ванную, тогда она расхохоталась, за ней и другие, не совсем понимая веселье хозяйки.

Вошёл Сергей с краснющими глазами и красным носом.. Мать сорвалась и подала сыну банку с горчицей

— Клинь клином? — удивился Ильич...

— Папин сынок, аллергия на чеснок и лекарство — горчица. Видали?

Сергей зачерпнул чайную ложку горчицы, Ильич аж крикнул, а тот, перемешав гущу во рту, резко выдохнул и стал розоветь, приходить в себя...

Через неделю Сергей заявился часам к десяти с букетом и пакетом.

— Клавушка, как ты себя чувствуешь?

— Хорошо, Серёжа.

— Тогда вот тебе цветы, вот... примеряй... я застегну. Повернись. И серьги, и брошь.

— Ой, я никогда не носила такой роскоши, может не надо?

— Надо, радость моя, надо! Пора привыкать. Ты гляди, как икона! А шубку ты примеряла?

— Какую шубку? Ты ж её дома оставил...

Сергей молча вынул из блестящего чехла мутоновую шубку и поманил пальцем Клавдию. Она подходила с холодком на донышке живота, сунула руки в рукава, ощутила тёплую радость на плечах и глянула в зеркало...

— Серёжа...

— Ты, родная, ты.

Она стояла перед зеркалом и плакала, крупнющие слёзы капали, текли почти ручьями.

— Всё, хорошая, глазки покраснеют, а нам пора, возьми букет и поспешим.

К ЗАГСу подкатили на такси с чёрного хода, где был Зал бракосочетания для своих. Играла бравурная музыка, промелькнули Се-рафима Юрьевна и Лев Ильич, музыка оборвалась, пригласили в зал. Их расписывали разом, непривычная к городскому обществу Клавдия немного смущалась и чувствовала себя напряжённой, но пошли поздравления, бокалы шампанского, «горько». Всё, как обычно, со стороны, а когда сама — действующее лицо... Потом была шумная пирушка в местной «Ивушке». А уж догуливали в селе, где было много подруг, однополчан и просто добрых знакомых

Она торжественно передала ключи колхозные Кузьме, как самому стойкому, до перевыборов.

Они приехали покупать в Десне, стоял жаркий август. Разбитые войной грунтовые и полевые дороги, пылили так, что листья на берёзках и ивах-осокорях казались черными, лакированными. Она ходила уточкой, раздобрела телом, зримо выпирал живот...

— Серёжа, искупался? Подвези меня к конторе, потом заберёшь...

И погрузилась в знакомую атмосферу.

— Кузьма, крутишься?

— А пошла ты, сватья, куда ни то...

— Что так задавило? Крепись, брат.

— Креплюсь... уже штаны не держатся...

— Так это же хорошо, дольше проживёшь!

— От такой жизни — повеситься...

Они ходили по ферме, по бригадам. Везде всё держалось на честном слове, на мотузках да проволоке... И снова на трудовень намечались крохи, спасали посвинки да огороδικ, как-то держались и упирались с утра до темна...

— Ну как, не совсем замордовали? — непонятно кому и зачем задал полувопрос Сергей. Пора, жена!

22.02.18

РЕПЕЙНИК

Шарик катился тропкой, он походил на клубок репейника, сияли глазки двумя бусинками, остальное, почти высохший репейник или, как у нас говорят — репях. Ох и заразный представитель сорняка бурьянистого. Привяжется — страсть! Потом изчешешься, царапины зудят проклятушие...

Шарик добежал до лужи, язык впереди него — жарко, душно, полакал и побежал дальше...

Говорил Серёжка: «Сиди дома, Шарик, там такие репейники — заблудишься...» Так и случилось, нырнул за мышкой-норушкой, а Серёжка не заметил, потом опомнился, долго ходил у репьев, звал, а Шарик обиделся почему-то и не отозвался... И вот результат...

Прибежал к калитке, а в щель не влезть, столько этой травки окающей нацеплялось... он и зубами и лапками пытался, ничего не получается,

он забрался в репейник же, что рос у старого пня, где Серёжка свистульки вырезал из прутиков весной, и задремал...

А у Сережки ни клёва, ни радости... Как же, дружок не откликнулся... заблудился... Смотрел он удочки, шел и звал Шарика, но тот молчал.

«Наверно далеко ушёл, сам теперь и дорогу найдёт ли... Придётся звонить старшему брату Саше, пусть приедет со своим Тосем, тот Шарика по духу найдёт.» Когда Сережка добрался до калитки, он заметил валявшиеся репы, но не придал этому значения, зашёл в дом, позвонил Саше и рассказал о пропаже.

— Ладно, братишка, закончится смена, и поспешу к вам.

Довольный Сергей, спустился по ступеням и услышал тихое повизгивание...

— Шарик, ты? Открыл калитку и испугался вида щенка.

— Что ж ты с собой натворил, Шар? Садись и терпи, верхний ряд поддался сравнительно легко, половину второго Сергей уже еле снимал — исколол руки, еле слёзы сдерживал, но дружка надо выручать... Послышался шум мотоцикла — «приехал Саша», мельком подумал Серёжка, продолжая бороться с репейником, уже и Шарик повизгивал, но терпел... Первым влетел Тось, облизал всего Серёжку, принялся за Шарика. Саша увидел руки брата и всполошился...

— Срочно к рукомойнику, мыть, мыть с мылом руки! Потом смазал «Скорой помощью» — «Бальзам из листьев подорожника», и усадил на лавочке, сказав: «Больше не лезь!»

Пока Саша возился с Серёжей, Тось почти всего Шарика обработал, вытаскал зубами липучки, теперь облизывал друга, а тот повизгивал от счастья, конечно, такие заботы и всё для него, Шарика. Редко выпадает...

Когда появились родители, у Серёжки подсохли царапины, Шарик носился по двору, выплёскивая свое счастье на окружающих, а Тось полёживал на завалинке, гордый исполненным долгом. Он не какой-то щенок, хоть и друг, он пёс служебный.

23.02.20

ПРОДЕЛКИ...

То ли кто-то щипнул, или Каштан тявкнул, но я подскочил, как ужаленный; протёр глаза кулаками и понял, что пора бежать за угол... Каштан понюхал и себе поднял лапу. Было свежо, стояла уже довольно низко полная луна... Я запрыгнул на топчан, стоящий в саду под пленкой, накрылся старой фуфайкой, которая упорно хранила все запахи нашего дома: и кизяк, и парное молоко, и зимние вьюги, даже запах молодой мамы. Каштан забрался в ноги, сунул мордашку под полу, тяжело вздохнул и затих.

А я подложил руки под голову, наблюдал, как космы тумана наплывают на село, пахнут рыбой и тиной, временами закрывают луну, и становится темно и неудобно. Вот предутренний ветерок протянул очередные завитки, уже совсем низкая луна улыбнулась мне, а на ней чертёнок катается,

такой себе, в трениках и котелке... И тут опомнился соседский петух, белых кровей, с жёлтым клювом и гребнем набекрень, он заклохотал, как курка, ударил крыльями и загорланил! А луны эха-то и нет... Зашевелился наш сизый, в колечках приятным баском, забористо, как ругнулся по-русски и смолк...

Наверно я задремал на мгновение, потому что раздался родной голос мамы:

— А поднимайся, Мишаня, в хутор пора (хутор — это кошары для скота, который перевозили за Десну на всё лето, на луга).

Тут не поспоришь — это святое!

Взял вёсла и бегом на берег, из лодки воду отчерпать, пока мама с соседками появятся.

— Вы чего так долго?

— Так глядели, как чертёнок на луне катался... Хоть глазам не верь...

— А я думал, что мне приснилось...

— Бабы, свет перевернулся или ночь чудит... А давайте нашу, про Галю.

— А и то...

Уселась... мама в носу, Проня и Марфа на корме... и полилась песня...

Помукивающий скот притих, тоже заслушался, а лодки и челны догоняли нас, кто-то подпевал не в лад, другие — слушали, а уж когда вылезли на бережок на тропинки, каждым пробитые, то хор такой получился, что стража железнодорожного моста, в основном туркмены, и себе подтягивали. После дойки, пока я убирал в кошаре, мама отводила Зорьку на выгон, где их ждали пастухи-очередники... Завтра и нам пасти...

Против течения шёл пароход с баржами, так остановился, чтоб поглядеть, послушать, прикупить молочка, творожку, а больше любили мамину ряженку, томлённую в русской печи. Она знала ещё от бабушки, что настоящая ряженка — это когда минимум три ложки сметаны — лучше пять, тогда она сладкая, с коричневой пенкой, вкуснее самой сметаны. Потому никогда не застаивалась. Знакомая повариха, покупая ряженку и творог, спросила.

— Чем вы тут нагрели, что у вас черти на луне катаются?

— И не говори, Антонина, сами сегодня удивились...

— А чего удивляться? Через день Троица — ведьмин день, вот и напускает дыму в глаза, чтоб мерещилось...

Пароход пошёл дальше, а вечером из Бахмача приехала двоюродная сестрица, которая выскочила замуж (как поговаривали) в Конотоп, так чего вы хотели, там же самое кубло разной чертовщины...

27.02.20

ПОД ЛУНОЙ

Ты зачем взошла, Ясная, посветить? Так я тоже могу, глянь...

— Фи, пшик один... Это ж три с полтиной ватта... И нафига тебе — эта игрушка

— А ты глянь, какой борщевик вымахал, скоро до тебя дотянется, а меня милая ждёт...

— Ну да, сидит на бережке, слёзы подтирает... Иди уж, потом наговоримся...

— Где ж ты был, Петруша, такая скука без тебя.

— Мамане плохо было, вишь какая задуха, видать гроза будет, — он обнял Полюшку, прикорнул к груди...

— Вот и слёзки высохли, и улыбнулись очи карие. Много ли влюблённой надо? Чтоб милый был рядом да луна светила, да соловей за сердечко песней любви касался.

Луна глядела на них и радовалась, проскочили облачка, она глянула и молвила:

— Петро, поторопись, хата загорается у Чубка и ни души...

— Догоняй, Полюшка, — и рванул на выручку. Плечом сшиб горящие жерди, огонь уже под самую крышу сиганул, погромел в дверь — ни звука, выбил стекло в окне.

— Дядька Сидор, горите!

А сам нашёл кусок старого брезента и — ну, тушить огонь. Прибежала Полина, принесла ведро, тогда Петро стал крутить ворот колодца, вылет воду, а Поинка заливает огонь.

Наконец появился сонный Сидор...

— О, Господи...

— Папа, не господи, а лезь на горище, гляди, там хоть не горит? Не-еет, полезу сама...

— А ты, лабур, чего тут крутишься?!

— Спасибо скажи парню, сгорел бы уже, вот натура-дура! Нету мамы, поучила бы...

— Цыц, сатана!

— Ведро, дядь Сидор, там вон, где жерди стояли, что-то вспыхнуло, — но побежал сам и залил комок пламени, потом поднял его, поднёс Сидору.

— Случаем, не знакомо?

— Постой, так это же карбид, видел у лесника-соседа... Неужто он?

И только тут стали появляться неравнодушные и падкие на представления. Участковый Конёк Иван, явился последним, поглядел на улицу, посопел в усы, лесник-то — кум, тут надо думать... «Ишь, припёрся, на свою голову. Но, с другой стороны и премию можно заработать... от бы ещё и Петра пристягнуть...» Так как был не при оружии, то решил оставить дело до утра. «Там поглядим, с какого боку — этому проку».

— Петро, а ходи сюда, казак, на тебя готовится покушение, учти, — сказала луна.

— Спасибо, подруга. я тоже понял, что Конёк готовит каверзу.

— Гляди в оба!

Утро выдалось хмурым, не зря вечером тучки луне глаза закрывали, не зря... А к девяти и закапало, потом линуло так, что соседская изба чуть не попала в сель, который сполз с холма. «Ладно, пусть разбираются, не просят, так чего навязываться?» Петро вынес последние головни, в образовавшуюся лужу, собрал, расставил по местам инструмент, поцеловал Полю и ушёл — передали, что трактор отремонтировали, нужно работать.

Прошло пять дней и всё же Конёк повёлся на наживу. Приехали трое мордоворотов на козле, обнаружили Петра, сняли с трактора и увезли, на свою голову...

Как ни прятали аферу, на суде вылезло всё наружу, и вместо Петра вся четвёрка загремела на три года баланду кушать.

А луна была на свадьбе Петра и Полины, светила так ярко в окошко, что заглядение. И теперь частенько заглядывает к ним в гости, то сказку расскажет, то люльку покачает, пока молодые любят, то матери руки погрееет напоследок, перед дальней дорогой...

03.07.20

Ольга Генъба
(Россия, г. Семилуки)

ПОКОРИТЬ БЕЛУХУ

... Так вот он какой, эдельвейс... Совсем невзрачное растение с желтовато-белыми цветками... А раньше, ещё до того, как изучали в институте семейство сложноцветных, он думал, что это чудесная лилия. Уж больно название красивое — эдельвейс... И как вырос этот цветок на такой высоте?! Чем кормится он? Ведь корни его — в расщелине скал... Рука потянулась к цветку...

Сколько камней с табличками, где написаны имена погибших в горах альпинистов, встретились на пути... О них помнят. Вот и цветок надо оградить от беды, от нечаянного и неловкого шага, защитить от смерти.

Лёжа на животе, он собирал вокруг камешки и укладывал их пирамидками вокруг эдельвейса.

Вот так... Теперь никто не сможет и не посмеет растоптать это растение, с таким трудом пробившее себе дорогу к солнцу. Радость за цветок и за содеянное застелила слезами его глаза...

Он посмотрел вокруг... Почему никого нет? Неужели я один? Неужели бросили? Ведь весь путь на гору — в одной связке... Попытался повернуться на бок. Прострелила боль в позвоночнике. Попробовал пульс. Это были не ритмичные и размеренные удары. Показалось, что строчит швейная машинка. Осыпало жаром. Вновь потемнело в глазах. Нет! Только не это!

Что делать? Что предпринять? Усилив воли он вернул сознание.

Рядом — неподъёмный рюкзак. В нём ещё осталось несколько банок тушёнки. На несколько дней. Спальник тоже в рюкзаке. Немедленно достать и спрятаться! Холодно очень. Температура, наверное. Прислушался. Ни звука, ни шороха... Вновь пришла мысль, от которой пытался отделаться: бросили...

Сердце стучит так громко. По-сумасшедшему пульсирует кровь в висках. В мыслях пронеслись последние суровые события альпинистской судьбы. Вспомнилось, как хоронили погибшую девушку, совсем не из их группы...

Неужели и его найдут... уже умершего?

...Забраться в спальный мешок — оказалось не таким простым делом. И тогда он, собрав все силы, разрезал его ножом и завернулся в спальник, как в одеяло, укрыв и голову.

Последнее, что увидел, была заснеженная и сияющая Белуха, торжествующая и непобедимая. Лучи заходящего солнца как-то сразу осветили её, и он увидел на блестящем склоне тёмные шевелящиеся точки...

«Немецкие альпинисты всё же добрались, — подумалось ему. — У них экипировка лучше»

Уходя в бессознательность больного сна, он приказал себе:

— Надо терпеть... Надо верить... Надо жить во что бы то ни стало! Ведь живёт же эдельвейс.

Бах Ахмедов
(Узбекистан, г. Ташкент)

КАК Я ДЕЛАЛ СТЕНГАЗЕТУ

Ну ладно, я решился! Начинаю выкладывать по частям текст первого «мемуара». Буду рад услышать ваши честные мнение. Я открыт для любой критики.

ЧАСТЬ 1

Дело происходило осенью 1986 года, когда я учился на втором курсе физического факультета МГУ. Комсомольское начальство решило дать мне общественное поручение: сделать стенгазету для студенческого общежития. Сейчас я уже не помню, почему выбор пал именно на меня. Возможно, интуитивно комсомольские боссы чувствовали мою политическую незрелость, и решили таким образом приобщить меня к высоким идеалам, а заодно и немного наказать за мою несознательность.

На мой вопрос, какой теме должна быть посвящена газета, член бюро комсомола и по совместительству аспирант кафедры магнетизма, высокий и худой, как жердь, Коля Петров, задумчиво посмотрел в окно, за которым шел унылый и бесконечный осенний дождик, и таким же унылым голосом ответил: «Ну как тебе сказать... Что-нибудь такое, идейно-воспитательное, из жизни общаги, например. Собери ребят, проводи с ними мозговой штурм». Я кивнул головой, стараясь сделать это не менее уныло, чтобы соответствовать дождю и Колиному настроению, и медленно побрел в буфет. Мне нужно было срочно выпить кофе и подкрепиться сочником, чтобы компенсировать плохую для меня новость. Опыта создания стенгазет у меня не было никакого, и я понял, что мне предстоит сделать героический рывок, чтобы первый стенгазетный блин вышел хотя бы немного съедобным.

В буфете я увидел одноклассницу Машу Панину. Она сидела за столиком, забыв про недопитый чай, и увлеченно читала какую-то толстую, явно самиздатовскую книгу, заботливо обернутую в синюю бумагу. Я подошел к ней. Увидев мое грустное лицо, она закрыла книгу и спросила у меня, что случилось. Я рассказал ей о поручении, и тяжело вздохнул.

— Не дрейфь, — сказала деловито Маша, — подумаешь проблема. Берешь лист ватмана, краски, карандаши. Что там еще нужно, клей? Кладешь это все на пол, и вперед.

Маша вообще всегда была очень активной, деловой, оптимистичной и настырной. На семинарах она задавала столько вопросов, что их число сильно перевешивало количество вопросов всей остальной группы. Я подумал: «Как же несправедливо устроена наша жизнь. Вот кому надо было поручить делать газету! Для нее это как двумя пальцами щелкнуть».

— Ах, вперед... А направо или налево можно?

— Да хоть перпендикулярно, лишь бы двигаться.

— Ну хорошо, а содержание? О чем писать-то?

— Я тебя умоляю, ты же у нас вроде как поэт (в нашей 118-й группе уже многие знали, что я время от времени пишу стихи, и что мои конспекты невозможно переписывать по этой причине). Напиши стишок, или рассказ о любимом преподке, или статью о несознательных лентяях, которые просыпают первые пары.

— Я не люблю про себя писать, — сказал я.

— Ах, какие мы скромные!

— Ты лучше помоги мне советом. Мне нужен мозговой шторм.

— Может быть, штурм?

— И штурм — тоже. Вообще-то, по-английски это одно и то же.

— Не вопрос. Когда нужно сделать газету?

— В четверг утром она должна уже быть на стене.

— Хорошо, я как раз в среду вечером хотела заскочить в общагу, так что помогу.

Надо отметить, что наши москвичи, — а Маша была москвичкой, — частенько заходили в общагу, к кому-нибудь в гости, но в основном в тех случаях, когда у них был какой-то личный, как правило, амурный интерес. У Маши такой интерес был, я это знал. И этот факт меня немного успокаивал в том смысле, что вероятность ее обещанного появления в общаге в четверг вечером была как минимум больше 50%.

— А мы успеем? — робко спросил я.

— До утра-то? Да десять раз успеем, не ссы. Все сделаем, ты только придумай название пооригинальнее. У тебя еще два дня впереди.

Конечно, эти два дня я о стенгазете почти не вспоминал и не думал. Правда, я сделал пару попыток провести хотя бы какое-то подобие мозгового штурма со своими друзьями. Но они только отшучивались, предлагая мне заведомо непроходные варианты. В конце концов, в среду, часов в шесть вечера, я решил все-таки засесть за работу. Я разложил на полу лист ватмана, как научила меня Маша, рядом аккуратно разложил акварельные краски, карандаши, линейку, сел на стул и глубоко задумался, глядя на белоснежную поверхность будущего шедевра плакатного искусства. В голову лезли всякие странные мысли. То я вспоминал Маяковского с его окнами РОСТА, то Малларме с его сакраментальной сентенцией о том, что самое гениальное стихотворение — это чистый лист бумаги. То мной овладевал ужас перед этим самым чистым листом, тем более, что он был довольно больших размеров, и я начинал понимать писателей, которые часто упоминали об этом ужасе. То я вдруг думал, что скоро пора будет ужинать... В общем, первые полчаса прошли очень «плодотворно», и я провел их в классической прострации, благо находился в комнате один, и мои соседи не могли мне помешать.

(Продолжение следует)

Екатерина Алексеева
(Россия, Санкт-Петербург)

ЖЕЛАЮ СЧАСТЬЯ, ПРИЯТЕЛЬ!

Мне жизнь представляется лабиринтом, по которому человек идет на ощупь с завязанными глазами и по мере приближения к центру, повязка на глазах приподнимается, а к концу спадает совсем.

— Как чудесно, Вадик! Я нашла «В контакте» наших с тобой одно-классников! — воскликнула Татьяна Марченко, обращаясь к мужу.

— Интересно на них посмотреть двадцать лет спустя. И кого же ты нашла?

— Наташку Логинову. Она сейчас работает менеджером в какой-то компании. Помню, в классе ее было не видно, не слышно, а сейчас посмотри, как расцвела! Так себя и демонстрирует со всех сторон, в блондинку перекрасилась, по-моему, ей не идет, а она, как видно, собой довольна.

Еще нашла ее подружку Надьку Осинину, они все за ручку вместе ходили. Надька преподает в колледже и разводит породистых котов.

А вот и Стасик Нуман! Помнишь, как мы ездили всем классом за город, он тогда нас снимал на кинокамеру? Он сейчас работает оператором на телевидении.

— Помню Стасика. Его Вовка Смирнов лупил почти на каждой перемене, а потом прибежала мамаша Стасика и лупила Вовку Смирнова.

— Сколько лет прошло! А воспоминания детства так живы! Какая у нас была тогда хорошая компания! С Ольгой и Сашкой мы дружим, и по сей день, Машка вышла замуж за поляка и уехала. Лора актриса в музыкальном театре.

Вадим вспомнил Лору, их первую летнюю поездку на озеро. Весь класс тогда считал их влюбленной парой, а сами они никогда не заводили об этом речь, еще не были уверены. Для них эта любовь была первой, они как саперы осторожно прощупывали почву под ногами.

«Как жгло тогда солнце! У Лоры был пылкий темперамент, — ему вспомнилось, как она прижималась к нему, когда они лежали на песке».

Он страстно желал ее, но рядом всегда была Татьяна, и как-то само собой произошло, что Лора ушла в тень, а потом совсем исчезла. Из армии его дожидалась Татьяна, а потом они поженились.

Посмотрев на жену в милом домашнем платье, Вадим улыбнулся. Он и сейчас был к ней равнодушен, он мог без усталости созерцать ее курносый носик, удивительно мягкие губы, открывающие ряд ровных, острых зубов, карие с лукавинкой глаза. Именно Татьяна обустроила их дом, вызвала постоянное восхищение его друзей. Нельзя отрицать, что Татьяне он обязан своей карьерой востребованного художника. Сколько ей пришлось потратить времени, красноречия и упорства, чтобы достать для него

выгодные заказы на картины. Только благодаря энергии жены он поступил в Союз художников, получил хорошую мастерскую.

Оторвав взгляд от экрана компьютера, Татьяна поставила мужа перед свершившимся фактом.

— Я пригласила к нам на дачу всех одноклассников, поделимся воспоминаниями, похвастаемся достижениями.

— Вот удовольствие слушать про успехи других, если самому похвастаться нечем!

— Почему нечем? У меня хорошая семья, любимый муж, красавица дочь! Какая карьера может быть лучше семейного счастья?

— Все равно, мне эта идея не по душе, — Вадим почувствовал раздражение. Он привык, что жена всегда умудряется настоять на своем, но иногда это становится невыносимо. Он смирился с ее недостатками. Иногда в общении с людьми ей не хватало образования и такта. В этом была и его вина, Татьяне пришлось посвятить себя воспитанию дочери, на образование у нее уже не оставалось времени. — Не станешь же ты приглашать Лору?! Я уверен, что ей наша встреча не доставит удовольствия. Она наверняка затаила на меня обиду за то, что я женился на тебе.

— Лора уже дала согласие на встречу, и она по-прежнему хорошо к нам относится. Мы с ней часто общаемся по интернету.

— Зачем тебе вообще все это нужно?

— Я хочу немного развлечься.

Вадим только вздохнул, он знал, что переубеждать жену бесполезно.

В субботу приглашенные одноклассники съехались на дачу к супругам Марченко. Выдалось чудесное сентябрьское утро, воздух звенел от легкого утреннего морозца, но солнце грело еще достаточно сильно, чтобы разместить гостей под высокой старой елью рядом с домом. Здесь за широким деревянным столом хватало места всем.

С дорожки перед участком, посыпанной мелким гравием, донесся звук притормаживающих автомобилей. Через некоторое время все гости собрались вокруг стола, только Лоры еще не было. Вадим вздохнул с облегчением.

«Значит, у нее хватило благоразумия не приезжать».

И вдруг, послышался звук подъезжающего автомобиля. Это оказалась Лора. У нее были светлые слегка вьющиеся волосы, полная грудь и прекрасные глаза.

— Здравствуй, подруга! — проворковала Лора, обнимая Татьяну, — здравствуй Вадик!

Обед удался, гости непринужденно общались, вспоминая школьную жизнь. Когда настал момент насыщения, и всем потребовалось движение, Татьяна предложила прогуляться к озеру.

— Вадим, — обратилась она к мужу, — ты бы показал Лоре открывающийся с холма вид...

— Пойдемте все вместе, — предложил он.

— Нет, нет, — вступила в разговор Лора, — Татьяна права, нам вдвоем будет интересней.

Вадим нехотя поднялся из-за стола.

«Придется идти, ничего не поделаешь, — подумал он. — Лора, конечно же, воспользуется предоставленной возможностью, чтобы потребовать у него объяснений. Вот будет весело!.. Неужели Татьяну развлекает такая ситуация? Или она захотела остаться наедине с кем-то из бывших одноклассников?..»

— Какой чудесный воздух в этой местности! — восхищенно заметила Лора, когда они поднимались на холм, проходя через сосновую рощу.

— Да, с городским воздухом не сравнить! Мы стараемся использовать любую возможность, чтобы оставаться на даче подольше, здесь чувствуешь такой покой!

— Покой... Я тоже всегда стремилась к покою и семейному благополучию. Когда-то я хотела обрести все это с тобой. Ты вспоминал о наших отношениях?

— Конечно, я все помню...

Лора внезапно остановилась, преградив Вадиму дорогу. Они оказались слишком близко друг к другу, и через мгновение Лора уже крепко обвивала руками его шею, всматриваясь в его глаза своими блестящими глазами.

— Помнишь ли ты, как провожал меня, а потом мы целовались в подъезде?

— Хм... — Вадиму было приятно чувствовать горячее тело Лоры, он обнял руками ее талию.

Они поцеловались.

— Давай присядем на это поваленное дерево, — предложила Лора.

Не разжимая рук, они опустились на шершавую, покрытую мхом поверхность упавшей сосны. Сейчас они были похожи на двух птиц «неразлучников».

— Вадим Воробей! В моей памяти ты всегда останешься под этой фамилией. Как жаль, что ты поменял ее на Марченко. Зачем ты это сделал? Она тебе хорошо подходила. В ней была твоя индивидуальность.

— Тане моя фамилия показалась не совсем удобной для семейной жизни, и мы решили ее сменить.

— До сих пор не могу понять, что вас связывает? Вы такие разные... Ты творческий человек, а Таня так далека от искусства.

— Да, ты права, я от нее настрадался, сейчас наши отношения уже вошли в привычку.

— Признайся, что жалел обо мне?!

— Я думал, что ты огорчена моим поступком и злишься на меня.

— Огорчена... — Лора улыбнулась уголком губ. — Был момент, когда я хотела умереть. Но оставим прошлое. — Она сильно сжала руку Вадима и прижалась щекой к его щеке. — Важно, что я еще люблю тебя и чувствую, что ты тоже. Признайся!

— Хм... Я тоже чувствую! Нам нужно встретиться в спокойной обстановке. Приезжай завтра ко мне в мастерскую...

Внезапно Лора отталкивает Вадима от себя и встает перед ним, как воплощенное стихийное бедствие.

— Мерзкий червяк! Мокрица! И ты посмел думать, что я все еще люблю тебя?! Посмотри на себя! В кого ты превратился?! В подкаблучника,

не делающего шага без одобрения своей жены. Ты жалкая игрушка в ее руках. Все, что у тебя есть, добыто ее стараниями.

Неужели ты мог вообразить, что спустя столько лет ты остался привлекателен физически, как раньше? Да, в юности ты был смазлив: пухлые губки, нежный овал лица. Такие черты больше подходят женщине и в такую бабу ты сейчас превратился! Гигантским усилием воли я заставила себя поцеловать тебя и до сих пор не могу заглушить тошноту. Танюша не много выиграла, получив тебя в качестве мужа!

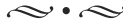
Если бы тогда, неопытной девчонкой, я знала, каким должен быть настоящий мужчина, то никогда не посмотрела бы в твою сторону. Я рада, что ты не женился на мне, и у меня появилась возможность встретить моего мужа, умного, доброго, талантливого человека, который никогда не променял бы меня на такую бездарность, как твоя Татьяна. Талант всегда ищет талант, а бездарь окружает себя бездарями.

Единственное чувство, которое ты вызываешь во мне — это отвращение! Я благодарна судьбе за нашу встречу и возможность высказаться. Теперь я спокойна.

Желаю счастья, приятель!

Лора убегает в сторону дачного поселка. Застывшая на дереве фигура Вадима, быстро удаляясь, превращается в маленькую черную точку.

АНДРЕЙ-VIKTORIA-АНДРЕЕВ

Россия, Санкт-Петербург

СКАЗКА О СТРАНЕ...

Нашептал на ушко ветерок
Сказку о стране меж гор и пери.
Рай земной я видел между строк
Подсознанием, только сердце верить
Не желало: старый, рванный шрам,
Заживал столетие, не меньше.
Перспектива лазить по горам
Ради неизвестных миру женщин
Не прельщала... ветерок дразнил...
Облака согнал в фигуры, лица...
Образок из прошлого возник,
И уплыла севера столица...

Перевалы — ужас и восторг!
Ветерок толкал дорогой в спину.
Злился и кричал, ну как парторг,
Обещая применить дубину...
Поднимался я как только мог...
Дням утратил счёт и клял бравладу.
Пару раз сорвался: чей-то Бог
Осаждал покойную бригаду.
На вершине встал — внизу страна.
Шепчет ветерок: теперь за малым...
Маяться иль в мае жить... весна
Вечна здесь... и с нею — идеалы...

23.11.2020 г. А-V-A.

КАК КАРНАВАЛ БРАЗИЛЬСКИЙ...

Как карнавал Бразильский,
так в Петербурге солнце!
Душа расправив крылья, купается в лучах.
Погожий день ноябрьский
и гущица на донце
Родной кофейной чашки
про ужин при свечах

Уверенно расскажут, и следует поверить:
Ошибки и обиды закрасит этот день.
Окно раскрою настежь и уличные двери:
Хандру загнать под плинтус,
а старую мигрень,

Сквозняк пусть тянет в люди —
скамейка у парадной.
Солидные соседки переберут хребет...
Насвистывая рондо с пластиночки
эстрадной,
Я медленно и чинно иду к своей судьбе...

24.11.2020 г. А-V-A.

В ТОНКИХ ПАЛЬЦАХ...

Сыплет снег на севере,
Льёт на юге дождь.
На засохшем дереве
Резал имя. Нож

В тонких пальцах... Линией
Буковки... Цветок...
Астра... Роза... Лилия...
Он влюблён... Восток

Полон тайных символов.
Можно их читать.
Дела нет без стимула,
Без калыма стать

Мужем для избранницы
Шанса нет — закон.
День, другой — останется
Без любимой он.

Ни отца, ни матери.
В тонких пальцах нож...
Кровь вскипает в кратере
Сердца... нервы в дрожь,

На весь лоб испарина:
Выкраду! Сбежим!...
Волжского хазарина
Сбросят у межи...

28.11.2020 г. А-V-A.

ЗАНИМАЛАСЬ ЗАРЯ...

Кончиком пальца веду
по предплечью...
Грудь потревожу и шею коснусь...
Не шевелится, не дышит... овечью
Шкуру сдвигаю... дикарка... на Русь

Дань привезли и варяги, и греки...
Нет, не рабыню — царицу ишу.
Требую имя сказать: вскинув веки,
Брызнула зеленью ведьм и вещунь —

Шкуру срываю: стоит статуэткой.
Девственна! — клялся косматый варяг.
Плащ свой накинул и вывел из клетки
Свежую кровь... занималась заря

Новой эпохи... и летопись мира
Будут потомки дикарки писать...
Девочку нежно любил... струны лиры
Не научились нежнее сплетать...

30.11.2020 г. А-V-A.

В ЗЕРКАЛЕ КРАСАВИЦА...

Отраженье в зеркале, а над ним венец.
Женщина — развратница,
Женщина — святая.
Сколько заколдовано глаз, умов, сердец —
Нет, не ведает сама, а привратник Рая,

Извещён заранее перед кем врата
Приоткрыть, распаковать:
по деяньям слава...
В зеркале красавица — каждая черта
Тонкой кистью Гения брошена...
в забавах

Ей пройти бы сто дорог и сгореть
в огне...
Не бежала от судьбы и пошла покорно:
Дом, работа и семья — проза в каждом дне,
И парила лишь во снах строчкой
стихотворной...

Обнажённую в цветах... губы в губы...
Страх,
После фото в зеркале обуял...
зарделась...
Вспомнила, как в юности сквозь огонь
костра,
С дерзким криком прыгала,
и вернулась к делу...

01.12.2020 г. А-V-A.

И ГРЕЕТ ИСКОРКА...

У фонарей воруют свет
Крупинки плотного тумана...
Предновогоднее... банкет
Шумит попсой из ресторана.

В надежде люди, город, мир —
Ждут не чудес, но всё же чуда.
И под подарки на камин
Носки и варежки... повсюду

На площадях сверкает ель
В гирляндах... музыка витает...
И Дед Мороз фотомодель,
И Санта Клаус поздравляет.

И где-то в тайниках души
Мышонком грусть скребёт о годах:
Так мало пройденных вершин,
Так много сброшено породы...

Туман густеет, фонари
Гирляндой звёзд, как изумруды.
И греет искорка внутри
Надеждой детского на чудо...

25.12.2020 г. А-V-A.

ПОТАКАЯ ИДИОТАМ...

Лет полста у стран в запасе,
Чтобы в общество людей
Возвратится... в каждом классе
Отщепенцы есть... идей

Созидательных без счёта,
Разрушительных под сто...
Потакая идиотам,
Оставляли Мир пустой

Наши предки, и, веками
На планете лёд и прах...
Слово плыло с облаками,
Зарождая жизнь в горах

Сколько раз? Молчит наука.
Держит мозг нас за детей.
Инстинктивно могут руки
Защищаться, и, сетей

Наплели, казалось, зверю
Не пробраться в тайны душ...
Вышло так: искав потерю,
Натолкнулся в дебрях муж

На три ящика... Пандоры
Третьим был открыт, теперь —
Лет полста осталось... в споры
Хвороста бросает зверь...

26.01.2021 г. А-V-A.

ИЗ ГЕРОЕВ БЫЛЫХ ВРЕМЁН...

*От героев былых времён
не осталось порой имён...
Е. Агранович*

Из героев былых времён
Вышел он, как и был — влюблён
В жизнь, в страну и в безумный свет,
Без которого жизни нет.

Сколько вложено в роли сил!
Пусть не всякий герой красив.
Но на тысячи лет вперёд
Он с Вараввою не умрёт!

Его Павка силён и смел.
Грей-красавчик любить умел.
И Алексис, и Командор
Его сердца несли задор...

От героев былых времён
На скрижалях полно имён.
Честно встанет к Великим, свой,
Гражданин и Актёр Лановой...

29.01.2021 г. А-V-A.

ПОВЕДАЛА...

На подоконнике февраль встречает кошка,
Бегут последние секунды января...
Все тот же снег летает, ветер, но немножко
Блаженней шурится лохматая заря

Весенних месяцев невидимая видна
Живой свидетельнице сумрачных веков.
И точно так сидела в тени пирамидной,
Читая планы и желания Богов,

Людей читая, как распахнутые книги.
Оберегала светлых, тёмных прочь гнала.
Она вне времени, вне мира и религий,
И сохранила свою светлость, как смогла...

Весна — поведала — внезапная нагрывает.
Вернутся птицы, с ними мир в круги своя...
Тень февраля в окно с улыбкою заглянет,
И полетит скрывать проталины в полях...

01.02.2021 г. А-V-A.

ВЕСНА ЗВЕНЕЛА...

Глотая слёзы у окна
Стояла девушка... напрасно
Звенела ручейком весна
И выдавали трели страстно
Разноголосые... За нос
Водил желанный и подруга.
И с грохотом упал Колосс
Мечты и жизни... от испуга
Рыдала ночь, рыдала день.
А мысли в клочья рвали душу...
Решилась было взять кистень,
Иль склянку с ядом... «Разум слушай» —
Кто подсказал со стороны?
Весна звенела ручейками...
Смотрелась в зеркало: бледны
Глаза и губы, сердце — камень...
Так медленно вставал рассвет,
Но набирали силу трели...
И на глаза вернулся цвет,
Едва подумала о цели:
Перевозмочь и расцвести,
Да не во зло — себе на радость!
Колосс упал, но возвести
Другой возможно, и — наград!

02.02.2021 г. А-V-A.

СТРАСТНОЙ ЮНОСТИ...

Страстной юности года
Пролетели, как стрижи.
Из деревни в города
Шли за счастьем, только жизнь
Отсыпала зла с добром,
Забывая про весы...
Многие из нас костром
Вспыхнули... И шёл босым
Каждый третий по клинку,
Закаляя кровью сталь...
Недопетую строку
Поднимало эхо... Даль,
Горизонтами звала:
Страсть, любовь, борьба со злом.
Седина виски взяла —
На дороге бурелом...
В прошлом сила, в рамках власть.
Знаний тонны в голове.
В главном — роду не пропасть.
Внук, подверженный молве,
Стал терять родство и путь...
Проглядел — винюся — старик.
Но не поздно повернуть
Молодого — его бриг

Такелажем подгрузить,
И задать на звёзды курс...
Стыдно мне — идёт бузить
За копейку, а сунс
В предводителях — позор!
У предателей в чести...
Буду править кругозор,
Вырастит-поймёт-простит...

03.02.2021 г. А-V-A.

ПРО...

Тут дуют в уши про эпоху Водолея —
На днях случился, как известно, переход —
Волшебным образом земляне подобреют,
Возьмутся строить общий мир любви,
грехов
Отринут списки, языки, народы-расы.
Начнут науки развивать и чтить труды.
Как в коммунизме будут жить,
забыв про классы,
Не отделяя стариков от молодых...
Не раз, не два уже пытались на планете
Создать идиллии в сообществах, и что?
А Человек не биоробот — на дискете
Не хватает места для желаний, за мечтой
Дорога дальняя и часто поважнее
Конечной цели, если даже не дойти...
Нет, не изменится в эпохе Водолея
Ни человечество, ни цели, ни пути...

05.02.2021 г. А-V-A.

СЛЕЗА С УЛЫБКОЙ...

Солнце вышло... лёгоньким лучом
По стеклу замёрзшему «привет»
От апреля пишет... и ручьём
Потекут узоры. Ярче цвет
На картине, в комнате нежней
И улыбка спящей, и слеза...
Что ей снится? Сколько долгих дней
Шла другой тропинкою, кобзарь
Песни пел, да струны подвели:
Оборвались... Спала под кустом...
Гончие косынку принесли,
Предоставил для ночлега дом...

Рано утром встала: уходить
Собралась, горбушку испросив.
Затянуло небо и дожди
Шли стеной... Куда там по Руси
Путь держать! Присели. За столом
Робкие смотрины — пили чай...

Души посмелее — под седло
Ставят обстоятельства, влача
Слабые тела... и спелись враз!
Не от чая запекло в груди...
А слеза с улыбкою про нас,
И о том, что жизнь вся впереди...

05.02.2021 г. А-V-A.

С УТРА...

Над Городом ни облачка, ни тучки,
И голубое небо с края в край...
Набрасываю мысли: закорючки
Ложатся строчкой шифра — не гадай —

Не разберёт чужого взгляд ни слова.
У скорописи свой секретный код.
Кладу в строку улыбку рыболова,

Что только что поймал башмак,
и под Звенящий смех ребёнка...
искры смеха

В прохожих попадают — миг добра...
С улыбкой пожелаю я успеха
И рыбаку, и Городу с утра...

08.02.2021 г. А-V-A.

ДВУХТЫСЯЧНЫЕ...

По южному Приморью опять
отключен свет.

Не капает вода из крана, звёзды
Царапаются в стекла и шепчут лютый бред:
Кому, куда, зачем и где не поздно?

Под окнами зевает Mark II — в очередях
Устал толкаться, рвать на перекрёстках...
А подремать не выйдет — из порта выходя,
Сигналят капитаны, как подростки...

Встревоженные чайки кричат на все лады,
И звездопад сорвётся, в волны прячась...
Вдоль берега кострища, как времени следы:
Там целыми семействами корячась,

Трепанга добывают, ежа
и прочих — снесь...

Работа — глупый волк —
в тайгу подалась...

Мне нужно покемарить...
хоть часик посмотреть

В надежду, что со мной ещё осталась...

13.02.2021 г. А-V-A.

ИРИНА БЖИСКАЯ

Россия, г. Ростов-на-Дону

***

Раздольный мой казачий Дон.
Пленяет ширь твоих полей.
Прозрачный чистый небосклон...
Картины этой нет милей.
Спущусь я утренней порой
Тропинкой узкою к реке...
Коснусь ногой травы сырой,
Следы оставляю на песке.

На берегу присяду я.
Мне что-то шепчут камыши.
И вторит им душа моя.
И время медлит, не спешит.

Вот тает дымка над водой.
И плавный бег прозрачных волн
Смывает сна налёт седой
С начала дня, что счастьем полн.
Среди прибрежных пышных трав
Коней стреноженных табун.
Им не помчать никак стремглав.
А пастушок и смел, и юн.
Душа восторженно поёт
Легко ей вторит тишина.
И ощущение моё,
Что жизнь отрадою полна.

***

...Идёт на убыль день. Сидим на берегу.
Покой... у наших ног вздыхает тихо море,
скользит тень облаков,
с зарёй лениво споря.
Ты рядом. Я легко обнять тебя могу.

Как счастливы вдвоём...
Спокойный ветерок
в полсилы трудится.
Устал? Иль осторожен?

Касается легко разгорячённой кожи.
О, как приятен, ласков нежный холодок.

Вокруг разлит морской солёный аромат
и разогретой солнцем гальки тонкий
запах...
И вот уж вечер наступает тихой сапой.
Заводит песню хор проснувшихся цикад.

Восторг и радость...
Счастье льётся через край...
И кажется —
одни с тобой на целом свете...
Осенний вечер...
но я вновь в ушедшем лете...
Ушедшем навсегда...

***

Шёлк рассветной тишины...
Нежные его объятья...
Осязаемо видны
Блики на осеннем платье,
Что легко примерил сад.
На дворе — октябрь-месяц...
Разноцветный виноград
Протянувшийся вдоль лестниц,
Льнёт к стене, украсив вид
Скромной серости панельной.
Щедро в воздухе разлит
Аромат хмельной. Бесцельно
Бродят тени снов ночных,
Меж деревьев тихо тают.
И спешит остатки их
Ночь забрать с собой, взлетая.

***

Сырую и тёплую, странную зиму
С тобой пережили, весну ожидая.
Зима без смущения нас покидает
Бесстрастным прохожим шагающим мимо.
Всё ждали метелей, густых снегопадов.
Но зимний сезон, утонувший в печали,
Так часто седые дожди посещали,
Что слабый снежок нам казался наградой.
Порою устав от пустых ожиданий
И в дрёму впадая под ласковым пледом,
Мечтали — пусть дождь,
                        но снега будут следом,
Зима нас порадует без оправданий.
Но тщетно... Мороз, что вконец
разленился,
Зиме оказался помощником слабым.
Уходит она... Извинилась хотя бы,
Что самый холодный сезон
                        не сложился...

ЛЮДМИЛА СЫТЕНКО

Россия, г. Ставрополь

ОСЕНЬ И ЛЮБОВЬ

Красные грозди рябины
Ярки средь стройных берёз!
Осень рисует картины
Чьих-то сладостных грёз!
Небо ещё голубое,
Солнышка греют лучи,
Днями теплом наслаждая,
Будто из жаркой печи!
К вечеру все же прохлада,
Наше веселье смирит,
В чувствах порядок наладит,
Звёздную ночь подарИт!
Город притихнет. За домом
Свет фонарей недалёк,
Кто-то во дворике скромном,
Нежно к подруге прильнёт!

23.09.2020.

ВОПРОСЫ К ПРИРОДЕ

Почему назвали «Бабье лето»
Золотой сентябрь в звоне ветра?
Облачили в женское начало —
Так чтоб лето долго не кончалось?
Бабье лето, все тебе возможно
И все краски Осени не ложны?!
Ты, как дева зрелая, красива,
Зажелтила локон в листьях мило,
Заставляешь луч пробиться в тучах,
Понимаешь, так всем будет лучше!
А ночные все твои слезинки,
Превратятся утречком в росинки!
Улыбнёшься, спрятав грусть глубоко —
Пусть сияет солнечное Око!

14.09.2020.

НАСТУПИЛО БАБЬЕ ЛЕТО

Наступило Бабье лето,
Посыпает охрой все
И звучат слова поэтов
О Величии её!

В золоте стоят деревья,
Лучезарны небеса,
Будто образ зрелой девы,
Небеса её глаза!
А бывает, что дождинок,
Выпадают день и ночь
Словно женские слезинки,
От тоски, когда невмочь...
Вот и я в поре осенней,
Меж хочу и что могу.
И с трудом бываю сильной
Удивленье берегу!
Бабье лето, бабье лето!
Озарения пора,
Она мудростью согрета
И в прощении добра!

12.09.2020.

ПРОНЗИТЕЛЬНЫЙ КРИК БОЛИ
К ОСЕНИ

Кто меня услышит?!
Боль кричит в душе!...
Ветра шорох в крыше
И не спится мне...
Осень ходит мимо
Нынче от меня,
Мной всегда любима,
Даже в серость дня!
В небе ветер тучки
В стайки соберёт,
Солнца спрячет лучик
В тайный переход!
Всех закружит кругом,
Только без меня, —
Осень, будь мне другом,
Я люблю тебя!

8.09.2020.

ПОЛЕВОЙ БУКЕТИК

У дороги раскрылись цветки,
Зажелтели мило в траве,

И зеленые их стебельки,
Подзывали сами к себе!
И, конечно, пройти не смогла —
Так они в траве хороши!
Полевые цветочки всегда,
Как земное тепло для души!
Золотистый нарвала букет,
И теперь он в вазе стоит,
Настроение каждый момент
Незаметно будет дарить!

17.08.2020.

ВСЕ ПЕРЕПЛЕТАЕТСЯ...

Негой рассвет рассыпается,
Солнышка яркий круг,
Птицы поют, заливаются,
Доброе утро, друг!
Жаркое лето нам выпало.
Год високосный строг,
Нервы натянуты — вытерпеть,
Бедам найти порог!
Маски, перчатки прилипшие,
Люди, как без лица,
Головы чуть-чуть поникшие,
Вирусу нет конца!?
Время, увы, скоротечное,
Быстро уходят дни,
Споры за жизнь бесконечные,
Много веков — одни!
Ночью луна желтолицая,
Бросив печальный взгляд,
Сделает вид безразличия,
Видя у нас разлад...

5.07.2020.

ПОДАРКИ ОСЕНИ

Иду, как в шапке невидимке,
Гляжу во все глаза вокруг.
Навстречу парочка в обнимку,
Идёт не разжимая рук!
Меня не видят, я — виденье,
Сегодня осень, только их!
Она подарит им мгновенья,
Внося последний, нежный штрих!
И мне, когда-то очень мило,
Дарила осень дни любви...
Дождями многое что смыло,
Но в детях радостны следы!

30.11.2019.

КАРТИНКИ НОЯБРЯ

Все дни стоял туман и смог.
Никто подумать бы не мог,
Что выпадет под утро снег
И времени ускорит бег...
Теперь вокруг белым бело,
Все снегом пышным занесло!
С берёз слетел последний лист,
И за окном метели свист...
Ноябрь решился поиграть,
Зимы картинки рисовать!
Снежком прикрыл осенний пыл,
Но на мгновение застыл! —
Рябины ягоды красны,
На белом фоне, так видны,
Как капли крови на снегу,
Горят об Осени в бреду,
Любовь напомнив ноябрю!..

22.11.2020.

И СНОВА ДЕНЬ

Туман ещё внизу, а выше
Рассвет на небе голубой!
Прилёт тихонечко на крыши
И утро осветил собой!
Уже снуют в огнях машины,
Заторы на моем углу!
И в снежной каше вязнут шины,
Рычат моторы на ходу.
Так новый день пришёл с рассветом,
Спешит и дел неупротор.
Экран засветится приветом,
Послушать вести призовёт!
А позже, по своей привычке
Вступает пожилой народ,
Наденет маску, при «наличке»
За хлебом в магазин пойдёт...
Тихонько, шаг за шагом, скромно,
Спешить пожалуй, ни к чему.
Вокруг все также мир огромный —
И Слава Богу, я живу!

27.11.2020.

БУЛАТ ТУГЕЛЬБАЕВ

Казахстан, г. Астана

***

Поздняя осень, кафе привокзальное,
свет фонарей цедит сито дождя,
дальних составов эхо прощальное
ритм по рельсам уйди уходя..
черные ветви озябшей осины,
лист тополиный, прилипший к окну,
ночки осенние, ноченьки длинные,
нам наказание с тобой за весну..
майскою ночью дурманом сирени,
в сердце твоё лились страсти слова,
как засыпал у тебя на коленях,
помнит лишь только трава и листва..
поезд разлучник, посадка в вагоны,
ты на прощанье шепнула мне, жаль,
листьев кружащихся тень на перроне,
вырвал бездумно желтый фонарь..

***

Как нежно прозвучали колокольца,
Вы хрустали коснулись чуть губами,
И иней на затынутом оконце,
Вычерчивает профиль томной дамы.

Колеблется неверными тенями,
Моей надежды стаявший огарок.
Мы станем просто «добрыми друзьями»
И поцелуй разлуки пьян и жалок!

Вы что-то возбужденно говорите,
И пустоту штрихуют нервно руки,
А взгляд твердит: что нет, не предадите,
А сердце шепчет, — не хочу разлуки..

***

Порочность поволоки карих глаз,
И бродят токи в озере блаженств,
Ночь, расплетая нити тел и фраз,
Рисует тенью абрис совершенства.

Фантом, неразличимый силуэт,
Лишь поцелуй, ленники страстей,

Снимая по лучинкам лунный свет,
Ваяют мрамором овал твоих грудей.

..Никчёмность ожерелий нежных слов,
Безвольных ног, распуценны соцветья...
И шепот у порога дрём и снов,
— Она была прекрасней всех на свете!

ДВА БЕЙТА

Ночь ушла распутной девкой, унося с собой,
Покрывало из муара, с голубой каймой
Там где камедь покрывала, тронула земли
Алые угли рассвета, розами цвели...

Заревом пожаров древних, загорался день,
Но в оврагах и лощинах, притаилась тень.
Берегут обрывки ночи корни сон травы.
Берегись и ты, родная, я иду на Вы..

С неба стерла зерна ночи бледная заря.
Жизни лодка отплывает к звездам сентября.
Катят мысли полосатый месяца арбуз,
В дни, где небо караулил синий Канапус.

Исчезает в дымке светлой фазтон луны,
А фантазии помчатся сквозь цветные сны,
Мимо грязи и печалей, в теплые края,
Где когда-то, в прошлой жизни,
не был счастлив я..

***

Изменчив и капризен мой сентябрь,
Опять к утру меняется погода,
И прицепившись к светлячку восхода,
Листает ветер лунный календарь.

***

Сад, залитый дождем, на заре,
Очарован эффектом плацебо.
Раз в году, на заре, в сентябре,
С плеском, яблоки падают в небо.

О ВОЙНЕ (ПО ВОСПОМИНАНИЯМ ВЕТЕРАНА)

В марте 1942 года в Акмолинске была сформирована Казахская национальная кавалерийская дивизия.

Совершенно секретно.

Акт приемки 106-й дивизии.

Численный состав дивизии: 4091 человек

Вооружение:

Автоматы: 0*

Наганы: 0*

Винтовки: 102*

Миномёты 50 мм: 32

Миномёты 82 мм: 18

Коня: 3180

(Примечание: на всех имелось 3100 шашек.)

В последних числах мая 42 года окружена в районе Красноград -Мерефа -Лозовеньки. Свой последний бой приняли в районе деревни Лозовенька. (интернет)

Из всех казахстанцев, сметенных войной, каждый второй не вернулся домой, и где-то за Доном, в великих степях, лежит моих братьев неприбранный прах. Их круг не закончился в мире подлунном, ведь шел он тропой кипчаков и гуннов, и слышали снова забытые дали те песни, которых давно не слыхали. О чем они пели, о родине дальней звучали мотивы в той песне прощальной, о милых кочевьях в степях за Нурой, о боли, что мы называем судьбой. Над Харьковом в небе пылают закаты, в которых пропали степные солдаты, герои, что с саблями мчались на танки, ненужные родине птицы-подранки. ...Но лопнула сталь и пробита папаха.. а в небе костры гайдамацкого шляха...

«Если всех погибших в войне поставить в парадный строй, то эти «коробки» шли бы через Красную площадь девятнадцать суток...»

В. Шурыгин

Я в ночь бы начинал парад победы. в ту ночь от мавзолея до Коломны, построятся походные колонны, и вот они идут, за рядом ряд, «коробки» не вернувшихся солдат.

дивизии, отряды и полки, мальчишки и седые старики. вот эскадрон с разбитой тачанкой, что саблями отправлен был на танки. В шинелях, телогрейках, кто-то в обмотках, мелькают бескозырки и пилотки. В буденовках, ушанках, кто-то в каске, а вот мой дед в простреленной фуражке. В парадном строе девять миллионов, герои возглавляют те колонны. В строю идут Ватутин и Панфилов, А тех кого не помнят, вы простите. В честь вас не называли корабли, но вы остались в хрониках земли (в честь вас не называли пароходы, но вы остались в памяти народа?). И время их движенья по маршруту составит ровно 19 суток. На мавзолее замерли в волнении их матерей бестрепетные тени. И комок к горлу подступает боль, — Сыночек, вот и свиделись с тобой... А в час, когда наступит тишина, поверю я, что кончилась война.

МОИМ ДРУЗЬЯМ ПО КАРАНТИНУ

Включив с рассветом интернет,
Мы тонем в море негатива,
Вопросы есть, ответов нет,
И не ясна альтернатива.
И в информационной тризне
Ржавеет мозг, и ты со сна
Не видишь, как в копилку жизни
С каплей падает весна.
Но если ты в душе поэт,
Подставь лицо улыбке солнца,
Я слышал, что со дна колодца,
Яснее виден звездный свет.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Лишь только под утро утихла метель,
оставив окрестности в белой пороше,
и воздух какой-то хмельной и хороший,
и пухом лебяжьим укрытую ель..

над скошенным ежиком сжатых полей,
рассветом разбужена синяя просинь,
и грустно шепнет запоздавшая осень:
светает, пора запрягать журавлей...

О ЧЕМ ШЕПЧУТ ЛИСТЬЯ

В краю, где забылись о лете печали,
над озером тихо деревья шуршали
о том, как печально осенней порой
прощаться с проросшей

за лето листвою.

И падали листья, кружась над водой,
и плыли куда-то на встречу с зарёй.
И видимо в этом мудрость природы,
баюкали павших озерные воды.
И снилось листочку в течении зыбком,
что он по весне стал игривою рыбкой..

ИИ ХУАНДИ

В горах, где ступал прежде только Адам,
Построил себе я из золота храм,
Там в ртутных ручьях свет рождается
звездный,

Там нынче не рано, а завтра не поздно.
Где слуги застыли в броне терракота,
Усну я однажды, устав от забот.
И будут во тьме безнадежно томиться
Крылатые кони в моих колесницах.
В глубокой пещере, у озера ночи,
Лежит император, сомкнув грозно очи.
И шепчет у берега тихо прибой,
— Не трогай уснувших героев покой...

СОН

Мне снится город с куполами из фарфора,
Похожие на блюда корабли,
Под небом, что покрыто звёзд узором,
Плывут на поиски неведомой земли...
Я даже помню запах чайной розы,
Зависший в бездне месяца рожок,
Волны ночной неистовые слёзы,
И как звезда упала на песок..
Ушедших дней растроченный нектар,
И в этом сне я до безумия стар,
И лишь печаль, как небо без границ,
И ночь длинна, как взмах её ресниц..

ХРАНИТЕЛИ

Ты слышал, что где-то в краях
Палестины,
еще сохранились замка руины,
там молнией пальмы обугленный ствол,
а в башне гнездится бесстрашный орел.
И если поверить преданиям местным,
и путник, и звери обходят то место.
И песню поет жаркий ветер у моря,
что злые пески поглотят его вскоре.
А в темных подвалах лежат и поныне,
ушедших в века тамплиеров святыни.
Дукаты, цехины, священный грааль
и ангелов двух позолоченный ларь.
А в ночь полнолуния, из мрачных темниц,
выходят на башню печальные рыцари,
и сыпется прах из доспехов и лат,
забытых в веках в карауле солдат.
Никто им не скажет, — магистр уснул,
и некому нынче сменить караул.
Летите домой вместе с утренним бризом,
дождями пролейте над милым Парижем.
Никто им не скажет, никто не солжет,
их больше никто в этом мире не ждет...

ЭДУАРД ДЭЛЮЖ

Россия, г. Тверь

НЕСМОЛКАЮЩАЯ НОТА

Когда случилось «Падение», некогда красивый Свет, произнес первую в истории мятежную фразу: «я не буду служить»...

Зеркало разбилось, оно разбилось в собственном образе свободы, и в этот момент родились многие вещи: боль, время, сомнения, холод, горе, заброшенность, забывчивость, искушение, память, одиночество...

Но остались чистейшие вибрации Подателя Света — Любовь, Поэзия, Музыка...

Несмолкающая Нота Вечности, музыка только что родилась, только ожившее от ран может воскрешать стихи, будучи наполнено верой, перед лицом букв и нот Любви...

2020

СКВОЗНОЙ, ОСЕННЕЙ, НЕЖНОЙ

Сквозной,
Осенней,
Нежной ты пришла.
О как мне было и легко и сладко,
Я все твои кошачьи повадки,
Готов был день и ночь короновать.
Где губ твоих горячее вино
И раскалённый ветер ожиданий,
Я забывал дышать,
В тех приступах признаний,
Которые нелегко сдержать —
Там близости заветная черта,
Уста встречались и сливались в счастье,
В медлительной истоме сладострастия
Ты в чувствах тех была обнажена.
И собирала ночь с влюблённых дань,
Нетерпеливо требовали руки...
Высокие и огненные звуки
Несли в распахнутую даль.
Податливая, на тугих волнах,
Дышала ночь блаженством повторений
И заполнялось утро впечатленьем
В рассветных далях красного вина...
Сквозной,
Осенней,
Нежной, ты спала

2010

СЛЕД В СЛЕД

Беззвучный горизонт подвёл свою черту,
 Поставил дату, расписался далью.
 И миру Бог отмерил темноту,
 Из всех возможных, самую бескрайнюю.
 Тишайший царь раздаривает снег
 Наследникам чистейшего престола.
 И будто остановлен бег
 Бессуетно соединяя оба дома.
 Крестом и гладью пишется строка,
 И ритуален стих и ритуальна мгла.
 Сквозь саван снежного потопа
 Ничто друг другу не подобно
 И поступь величавая легка.
 Как мало нам дано... Как много!
 Вновь длится бесконечная строка
 След в след пришествия земного.

2011

МЫСЛИ ВСЛУХ

Цветок преодолевает трусость в тот момент,
 когда нужно прекратить монотонность и цвести...
 Цветение Весит

...

О, если бы я знал, где найду Бога Любви..
 Выбывающийся из сил в Его следах,
 Искавший пищу, чтобы накормить свою душу.
 Смотрящий в глаза змей, где вкус греха всегда отвечал только размену и потере.
 Но Любовь ответила птицей,
 а Любовь ответила южным ветром,
 а Любовь ответила волной теплой,
 а Любовь ответила колыбельной...
 а Любовь ответила
 на пришедшем в себя языке, которым мы обживали обнаженный воздух.

...

Время обжигает каждого, пришедшего в его владения...
 Цветами, прикосновениями, дождями, утренним птичьим пением, осколками слез.
 Мы остаемся знать его... и открываем истину — иллюзия не может обжечь иллюзию.

...

Не тоскуйте по лету, которое еще не наступило.. смотрите в её предшественницу —
 весну, что раскрывает его сейчас...
 В эту плавную смену оттенков, в эту резвость открывающегося звука.
 Мелочи всегда являются единственными и неповторимыми! Каждое мгновение хочет
 поговорить с вами тет-а-тет.. Вот в чём отказываете вы себе, когда спешите жить.
 Пусть незаученными, неподготовленными принимает вас ветер.
 Поднимайтесь, чтобы достичь той звезды, что уже есть в ваших руках.

...

Вечность уместается в молчании цветка...
 Жизнь уместается в одном его выдохе и вдохе...
 Между ними сказан Аромат.

2020

СЕМЬ СЛОВ

И когда Красоте завязали глаза,
Она плакала.

Перебирая голоса за дверью,
Искала свой...
Стоя в холодном и бездонном равнодушии,
Впуская в себя человечность,
Она брала мир на руки
И целовала его в сердце.

В расстроенном фортепьяно,
Клавишей которых никто не касался уже давно,
Мои пальцы ищут ступеньки признания...
Тише... сквозь боль... всей нежностью любви.
Под окнами распускаются листья,
Не имея кровного родства с сегодня...
Наверное, в комнате закончилась пыль...
Все книги прочитаны.
Сбивка апострофов клавиш и строф,
Пальцы останавливаются ощущать тишину.
Муляж квартиры, шрамированный плачем.
Невыразимое лицо... амнезия.

Молитва первого звука клавиш
Невыносимо срывается,
Выпадая из композиции слепоты.
Все выбоины, все ямы, все грани...
Сделай меня заново
И познакомь с ней...
Я хочу быть для неё.
Она помнит мой смех, мой «вес», мой контур...
Помнит мои движения, моё безумие... но не мою любовь...
В центре огромной раны звук перестает дышать.
Иногда всё богатство метафор бесполезно перед ней.
Не меняй нежность, строка.
Клавиша белая, клавиша черная....
Трудности дифтонгов перевода с сердца на земное.

ВЫДОХНУТЬ ЕЁ ИМЯ...

Она слушает... она читает...
На ее плечи опускается музыка —
Обнаженная... девственное прикосновение...
Твоя возлюбленная, твоя святая.
Твои пальцы входят в реку Любви.
Сколько осталось до смерти?
Звучание...
Я не выменяю тебя на старость...
В пересохшей гортани псалом вечности...
В чем дальше ты испытываешь меня?
Неподвижность несбыточна.
Звук подброшен в небо,
Послушно качается под лаской кнута нот,

Как же щедро отхлестали тебя, любовь моя...
 Играй!... разливайся по клавишам...
 Скажешь ли ты ближнему:
 — Слышишь, я умираю... или: — Слышишь, я люблю...?
 Смотри в глаза имени Бога,
 Венчальное солнце у предсердья.
 Кто видел пепел, расстелет слезам любовь.

Золотая толпа умирающих дней,
 Неизвестная верста вошедшего в Любовь
 В обнимальном молчании.
 И чуть дальше оливковый сад,
 Помнящий укус медовый.
 И когда Красоте развязали глаза...
 Она заплакала небом.

2018

*GENTLE PLUVIA TESTIBUS**

Портные дождей, вы оденете мою боль в красоту,
 Синей ночью, где мой голос рассыпался на тысячу лет,
 Чтоб исполнить закон усталости;
 А я снова сложил ладони, пока поток уносил слова вниз.
 Знайте, я не пойду в направлении обреченного времени,
 Которое спит между цветами и маяком...
 Знайте, я не знаю — приближается это или уходит.

И я отдал дань тому, что все вы — Божьи.
 И я услышал кондак о том, что все вы — ничьи.
 И я закрыл глаза в тишине аромата, чтобы сердце его увидело,
 И, раздев тишину, которая теряется на женских губах,
 Я проповедовал Тебя;
 В соке, в котором хранится старость и великое продление,
 Соком, где спрятаны все непроизносимые слова для тех, кто жил,
 В том медленном свете, где формы и буквы узнают друг друга.

Сегодня, осень пришла в мое сердце на столетие позже.
 И я отдал свой голос тишине... именно так я пишу мои стихи.
 Слушайте, саваны, горе тем, кто поет для воды лишь от жажды,
 И когда время допрашивает ваше одиночество,
 Знайте, что все это время вы сочиняете историю о голоде,
 Как и тот, кто сочинил дерево, на котором повесился,
 Как и те, что пытались поставить свои точки и запятые в Его рассказе.
 Если бы вместо рук, у вас были бы крылья, вы бы мечтали о рукопожатии.

Кто узнает вас в тех словах, которыми вы молчите?
 Здесь никогда не бывает просто дождей.
 Изгоняю вас из темноты в Свет... Туда, где рассмеялся ребенок,
 И это было так близко, что вы подумали, что это смеялись вы.
 В этом свете, он будет смеяться, пока смех не умрет,
 И ночь не вернется к нему.
 Это смеется ваше сердце, что хочет убежать с боями.
 Тот, кто смог преодолеть страх, навсегда стал храбрым.

* gentle pluvia testibus (лат.) — нежные свидетели дождя.

Там, где скитаются годы, помните — я шел к вам.
И вы просили экстаза при чтении.
И вы просили о вечном, приостановленном в стихах.
И вы просили духа, что заставляет все формы гореть.
И вы искали в кармане старую монету,
Что некогда бросили в воду самого красивого места...
И время раздевало ваш аромат, словно розу,
Восседающую в тронном зале между небом и землей.
И нежные свидетели дождя читали над вами молитву.

2020

БЕЛЫЕ ГОЛОСА

Танцующий голос...
Запредельно здесь слово — ЛЮБЛЮ...
Оно не отсюда,
Оно постигается миром.
Где двое танцуют под промокшую лирой,
Началом Начал приближения к календарю...
Где двое — огонь Белого танца Господа

2015

БЕЛОСНЕЖНЫЙ

Штрихует Белоснежный тишину

2016

СЕГОДНЯ Я СОТВОРЮ УТРО

Повинуясь шепоту цветка в стране его аромата
Шлейф, скрывающий волны пульсации капель,
Рассказывает о том, что он постиг величие, таящееся в том,
Чтоб быть бесконечно малым.
Я хотел бы расслышать натяжение твоей глубины.
Тут, где каждая фраза испытывается тьмой.
Тут, где буквы влажны и слова, не достигая бумаги, тают.
Смой краткость тающих форм, похожих на спасенье.
Я нуждаюсь в бессловесном твоём,
В ослаблении дуги, в откровенности дуги...
И когда текст умрёт между Садам и садом,
Станет стеблем он, изгибающийся в небе,
Лепестком станет он.
И я подниму свет словами, которыми сегодня я сотворю утро.
Словами, которыми сегодня я сотворил утро,
Перечисли их, моей женщины взгляды...
Тут, где мир покоится на моих коленях.
Тут, где время мягко ровняет горящие свечи,
Стоя на краю дуновения...
Чтобы до появления слов, встать рано утром голосом.
Чтобы пахли травой и яблоками самые важные слова.
Чтобы снова увидеть, как платье твое на ветру
Шепчет тебя чуть дольше шага.

И ТЫ ДАМЬ МНЕ ИМЯ НЫНЕ, КАК ВСТАРЬ

И ты дашь мне имя ныне, как встарь,
 Краткий молитвослов — жизнь...
 Где другие веры спрашивали меня
 На их варварском языке,
 Наконечник пера макая, кто в яде, кто в соли:
 — Тот ли ты, что приходил вчера?
 — Тот ли ты, что говорил вчера
 О пропетом косою на лугу...
 О метафоре, что примирит огонь и воду...
 О тесноте, где начинаются слова без слов.

Присягая нежности цветка,
 Никогда не несите с собой ничего лишнего.

2020

КАК ВНЕЗАПНО, КАК ТЫ...

Как внезапно, как ты...
 Плавный ре минор, вошедший под моё ребро.
 Я украл вдох мотылька, чтобы произнести твой аромат,
 Аромат маленькой смерти.

Звуки рассыпаются в партитуре,
 В этих желаниях потерять голос,
 В этих глазах сонета,
 Где очерченный вечер —
 Поэзия огня, обнажающего строку.
 Акустика прикосновений...
 Запретные буквы в мягкости тишины,
 Изысканные письма инквизитора свечей,
 Искушение тонкостью.
 Пить азбуку твоей воды,
 Глядя на еще невыговоренные соцветия;
 Повторяя воздух в линиях твоего тела.
 В течение твоих пауз,
 Где все правила слов —
 Орфографическое безумие.

Каллиграфия касаний...
 Обнаженные стихи в звучании твоего взгляда.
 Имя твое говорило на языке огня...
 Близость, мы смотрели в глаза друг друга,
 В этом абсурдном страхе
 Забыть собранные цвета нежности.

Пылающие жаворонки...
 Алые строки в мантии черных цветов...
 За хрупкость во времени,
 Потерять черту...
 Невесомо по краю
 Наши переплетенные пальцы —
 Белых нот Вертинского трепетные птицы.

2020

ЧАКОНА ПЕРВОЙ БАБОЧКИ

Я касаюсь губами лепестка;
Он — плоть,
Он — Ева Первой Воды,
Он — чакона первой бабочки.

/плоть/
Двигаться по краю невидимого кинжала
в роскошь чувств...
Нам предложили прожить одно сердце и одну смерть
на всю хранящуюся в нас нежность.
Нам предложили прожить музыку чернил,
звучащую на плодородной стороне бумаги,
на той — более обнаженной, более чувственной...
Великая традиция голоса,
Да прости мое тело, и дай мне слово,
чтобы я смог рассказать Любовь.
Я следую за тобой со смертью внутри и с вечностью в сердце,
Я следую за тобой обнаженный,
Здесь, где мы связаны острым хлыстом земли...
Здесь, где мы очерчиваем время между небом и тенью,
мы украшали тишину тенями, огнем и поэзией.

И ты посвящаешь мне свои глаза,
и огонь декламирует нашу кровь от кончиков пальцев до вершины.
В библиотеке тесноты,
Складывая найденные звуки в строку,
Падают обнаженные буквы и обжигают ночь.

/Ева первой воды/
Капля дождя падает, и мир дрожит вместе с ней...
и ты — всё самое святое, что было спрятано в этом падении.
Говорить на языке без апострофов,
Нам, одетым в красное из первых и последних слов.
Переход алфавита, как медленный реверанс,
понимающий иллюзию прозрачности,
замирает и заставляет слова взлетать.
Диктуемые в поток,
дробь чувств от тысячи до одного расколотого плода...
Одежды для колыбели в трепете мира и его корней.
Тонкий звук чернил пьет воздух наготы...
Эротика изгибов в равноденствии наших танцующих теней.
Аромат, освященный глубиной.
Поэзия светла и в темноте...
На этом перекрестке стихотворения,
Где поднимается дрожь слов по позвоночнику вверх,
как голос птиц, что были заперты в клетке.
Конец молитвы, не нуждающейся в начале —
Сломать врата плоти,
где пустыня соединена с бытием.

/чакона первой бабочки/
Пламя моего языка станет острием,
которое разбудит тебя в садах снов.

Там была осень...
Ты появилась там, где начинается слово...
Легкость, женщина, лепесток...
Речь пустых стульев украшала сад,
Речь зажженных свечей молчала алыми дифтонгами.
Осень — смерть, одетая как бабочка,
временная аллитерация...
Слова льются лишь в конце тишины и никогда раньше.
Ты — герметизм*, тонкая линия,
легкий намек, почти нереальный, очерченный на фоне сада,
переполненного партитурами цвета граната.
И ты текла, любовь моя, как растущая молитва по моей крови...
ведя ветви слов вдоль моего тепла...
И, пока мой взгляд переводил твою восьмую Ноту,
Небеса в твоих глазах перетекали в мою кровь.
Ты, дождь и струны —
Стихотворение, которое становится словами лишь в паузах.
Той ночью меня не было;
Я был мягким, я был легким
Я был настолько безграничен, что стал вечностью.
Той же ночью я вернулся, чтобы прижаться к твоему теплу.

И теперь я говорю от лица обнаженных
в мире, где воздуха почти не осталось...
в мире, где ты остаешься,
остаешься как вечное утверждение,
что изгоняет зиму весною из храма ушедших.

На том месте, где закончилась строка,
Листья объявили чакону и взлетели.
Они научили нас музыке, оркестрованной в полном цвете —
Если не сбросить плоть, душа не сможет дышать.
Обнажаю тебя...
Дыши...

2020

---

* Герметизм — это учение о высших законах природы, подчиняющейся как принципу причинности, так и принципу аналогии. Сторонники герметизма считают, что в силу принципа аналогии понимание той или иной причинной связи может дополняться магическим воздействием на действительность собственных желаний адепта тайного учения. Отсюда герметический — сокровенный.

ЛИДИЯ КАЛАШНИКОВА

Россия, г. Барнаул

ПРОСТРАНСТВО ЛЮБВИ

В пространстве Любви планеты различные.
Только захочешь — лишь позови:
С одной на другую — дело обычное.
Летишь или падешь, на... ну, раз, два, три...

Планета одна — то Нежность безмерная,
Планета другая — есть Страсть без ума.
Я, как они, различна, наверное,
Сознаю это все (куда деться) сама,

То я на одной, то другая вдруг, рядом.
Планета этих много. Летят звездопадом.
Планета Уныние и Забвение, —
На этой Измена и Ревность живут.

Часто живут на планете Сомнение,
Вроде все ясно, только, кто ж то поймет?
Коль ты один, хоть вдвоем — то Уныние —
Это все будет... с собою берем!...

Наверное, было когда-то и в древности,
Но как что изменить?

Мы ж никак не смогли.
Не можем мы жить
без противной ревности.
Может, решимся? Ну, раз... два... три...

ПЛАНЕТА СОМНЕНИЙ

Планета Сомнений,
Где Муки живут,
Они словно черви
Нашли свой приют.

Всю Душу изложут,
Источат мозги,
А Счастье низложат...
Не видно ни зги...

Свет словно померкнет
И станет темно,

Любовь так низвергнет —
Ничто не видно!..
Если Вера с Надеждой
Лишь вместе живут,
Тогда Ум с Душою
Что надо поймут.

ПЛАНЕТА РЕВНОСТИ И ИЗМЕНЫ

За ревность и измену
Со всех Планет Любви
Построят где-то стену:
«С Любовью ты порви!»

От той стены высокой
Ты не спасешься, нет,
Ведь там вокруг осока,
Да и болотный след,

И кочки там повсюду,
И страшно, и темно,
Но ты уйди отсюда...
Зачем тебе ярмо?

А из такой из Муки,
Где жизнь будто в тюрьме,
Там не будет скуки...
Там жизнь, словно в дерьме!..

ПЛАНЕТА СТРАСТИ

А на планете Страсти
Жить нельзя всегда...
Там Любви напасти,
Там Счастье и Беда...

Случается там Нежность...
Не всегда, но есть...
А где ее безбрежность?
Бурь много, их не счесть!

Там и штормы, и вьюги...
Не соскучишься, нет!

Душа там не наполнена,
Не горит ее свет!..

Разум там затухает,
Чохнет он без Души...
Может с возрастом тает?
Коли молод, дыши

Этой страсти пожаром,
Только вместе с Душой
И тогда этим даром
Старость ты успокой.

ПЛАНЕТА РАЗРУШЕНИЯ

Устраиваем войны мы друг с другом,
А войну в быту ведем порой всегда...
Агрессия бывает, как недугом,
Да раздражение охватят... иногда...

И, вот, мы на Планете Разрушения,
Здесь потерять Любовь в два счета можно!
Уже со слов начнется крушение...
Глядишь: и все навек уничтожено...

Так держите ж слова и чувства свои,
Ведь ими убить и поранить можно...
Все лучшее на сердце не таи,
Не дай, чтоб было все уничтожено!

Зачем нам войны? Пусть лишь
Любовь живет,
Ведь жизнь дана всем и всему на свете!
И пусть же каждый все это скорей поймет...
Будет мир тогда и хорош, и светел.

ПЛАНЕТА НЕЖНОСТИ

На Планете Нежности
Я живу всегда.
Из ее безбрежности
Строят города,

Из нее льют Счастье...
Напитки из Любви...
От ее участия
Ток идет в крови...

Нежностью окутаны
Люди там живут —
Это не напутано,
Это их приют!

Звуки, чувства нежные,
Теплота в глазах...

Даже, если снежные,
Счастье в волосах...

Капли вдруг запутались...
Радостна слеза...
Нежностью укуталась,
Ведь с Любовью «За!».

На Планете Нежности
Счастье живет,
Очень безмятежное
По небу плывет!..

ПЛАНЕТА УНЫНИЯ

«Когда долго не вижу тебя
И не слышу голос твой милый,
Будто я умираю любя...
Только сердце-то не остыло».

На Планету Унынья
Вдруг попала, но как,
Стало мало терпенья?
Стал сгущается, вдруг, мрак.

На Планете той слезы,
Оставляют свой след,
Там ужасные грозы,
Очень сильных нигде уже нет!

А порою и жизни лишатся,
Слишком торопя Любовь-судьбу,
Коли силы нет во всем признаться,
Нет Надежд, и воли на борьбу,

Нету Веры ни во что и в Бога,
Нет друзей, с поддержкою всегда...
На Планете этой очень строго —
Только это все — одна беда,

А порою все идет до блуда,
Начинают и спиртное пить...
А не лучше ли поверить в чудо?
Может лучше все ж с Надеждой жить?

Обрети себе, что в жизни надо,
Да побойся же таких грехов,
Лишь тогда все ж ждет тебя награда
Из взаимной лишь любви и из стихов!

ПЛАНЕТА ЛЮБВИ

Я живу на Планете Любви,
Поселилась там прошлым летом.

Поскорей к себе позови —
Я хочу рассказать об этом.

В небе чистом голубизна,
Солнце светит, искрится снег.
Мне совсем не нужна новизна,
Да и время стремительный бег.

Мне б остаться с тобой на века.
Видеть искорки глаз твоих.
Знать, что рядом твоя рука
.....

Мне не надо других планет,
Только та, где милый живет.
Я хочу написать сонет,
Да уменья недостает.

Я венком уложу слова —
Неземная любовь живет.
Может в чем-то я не права,
Только кто же это поймет?!

ПЛАНЕТА ЗАБВЕНИЯ

На Планете Забвения
Населения мало,
Ведь Любовь незабвенна,
Если вместе светло.

Коль с Судьбой встали рядом —
Не забыть никогда,
Хоть Любовь и награда,
Но увы, иногда...

Надо очень трудиться,
Чтоб Любовь сохранить,
За нее помолиться,
Чтоб с Любовью прожить...

На Планете Забвения
Не удержишься! Нет!
Не живут здесь с рожденья...
Вспомнишь вдруг... и «привет»...

Если вспомнил о прошлом.
Так Любовь-то жива...
Отправляйся отсюда!..
Или я не права?..

ПЛАНЕТА МЕЧТЫ

Нам — важна и нужна
Та Планета Мечты.
Она очень нежна,
И со всеми на «ты».

На этой Планете
Мечты все живут.
Иллюзии, верьте,
Не всюду возьмут...

На ней так приятно
Смотреть на восход,
Не важно сколь внятно
Звучит небосвод,

На ней и закатом
Довольны вполне,
Когда милый рядом —
Приятно вдвойне.

И все же иллюзий
Есть много на ней,
Когда есть реальность —
Все станет видней...

А станет здесь тесно,
Другая зовет,
Где Нежность с Любовью
Беседу ведет.

ЦВЕТНЫЕ СТИХИ

Я НАРИСУЮ НАСТРОЕНИЕ

Я нарисую настроение
Карандашами цвета жизни...
Прикрою этим все сомненья...
А с этим грустные все мысли...

Я желтым солнышко рисую,
Подсолнух, что в него глядит...
Зеленым вазу нарисую,
Прекрасную, как малахит...

Оранжевым — жарки весною,
Чтоб ярче зелени был вид...
А маки красным нарисую...
И летним станет весь букет...

А мне бы нужен синий-синий...
Чтоб небо, море рисовать...
Иль он упал? Его поднимем...
Без неба как же выживать?

Я нарисую настроение...
В нем радость нарисую я...
Какое это наслаждение...
Так жить нам, чувства не тая...

БЕЛОЕ

Нас белый окутал туман:
То ль волшебство, а то ль обман?..
Он тайну хранит какую,
Окружая меня живую?..

Душа моя жаждет солнца,
Жду его я, глядя в оконце...
Белый, белый такой туман,
Он окутал, словно дурман...

Середка белой ромашки,
Как солнце для белой «кашки»,
За туманом грибок белый...
Сидит под ягодкой спелой...

За туманом всегда солнце...
В воде... до самого донца...
Осветит... и радость в души...
Грязь люблю... вмиг осушит,

Исчезнут лужи и капли...
Там, может, бродили цапли
Иль просто ножки босые,
Не боящиеся рос... и я...

Ах! Весело гляну вокруг...
Порою нам все недосуг...

ЗЕЛЕНОЕ

Зеленым покровом укрыта Земля,
Красою ее очарована я,
Зелень холмов, и дубрав, и лугов,
Зелень березок кудрявых... не нов...

Летом они расцветают всегда.
Зеленью где-то полны города.
Серость свою приукрасить готовы,
Зеленью в ярких цветочных оковах.

Клумбы пестрят среди зелени этой,
Радуюсь Солнцу с каждым рассветом.
Зеленым забором кусты зеленеют,
Зеленые юноши усики бреют,

Зеленые девушки строят им глазки,
Что обещают любовные ласки....
Зелень. Как это прекрасно для глаз,
Я ведь об этом веду свой рассказ!!!

ЧЕРНОЕ

Черные платья, как черные
крылья...
словно воронье крыло в изобилие...
черные глазки... блестит в них слезинка...
и от огня почернела травинка...

черные тучи сгустились над морем...
черные лица подернуты горем...
черное... это всего лишь — нет цвета...
где он, какой он? — нет мне ответа!

ЖЕЛТОЕ

Подсолнухи, как солнышки, цветут,
И розы желтые от Солнца, света,
Как солнышко, на улицу зовут —
Бегу к нему, на зов его привета.

Там желтых одуванчиков ковер,
Улыбки, словно солнышки сияют,
И детский у людей вокруг задор —
Цветочки эти наши детки знают.

Здесь дочка в желтом платье рядом скачет.
Как ярко! Радость искрится из глаз ее...
И светит Солнце, оно много значит...
Ведь дальше — осень...
с нею желтое жнивье!

СЕРОЕ

Серый асфальт и серые стены,
Серое небо и хмарь в небесах...
Как все сменилось! Что за подмены,
Как ярко все было летом в лесах!

Серость внутри заполняет душу,
Серого много тут стало вокруг...
Скорей бы зима! Уж лучше стужа!
Ты ж тоже согласен со мной, мой друг?

Серый настрой заменится бодрым,
Серые мысли уйдут с погодой,
Серые чувства станут ярче,
Сердце забьется жарче и жарче.

Придет вдруг от нового чувства свет.
Может, дождусь, и он скажет: «Привет»...

СИНЕЕ

Как неба синь, твои глаза,
В них, словно в омут, окунусь...
И вот, в душе блестит слеза,
Я ощутила где-то грусть.

Без этих глаз, без этих рук
Тоскливо очень — силы нет!..
И я брожу средь этих мук...
Ищу, ищу в себе ответ.

Синие любимого глаза,
Неба синь весит опять над нами.
И прозрачная бежит слеза
Виноваты в этом мы. Да. Сами.

Пробежала, лишь оставив след...
Синий след опять сквозь синь тумана...
Все прошло: нет радостей и бед,
Нет правды, да и нет обмана...

В синем платье встретила тебя...
Синий небосвод звездами блещет,
Оттого что я, тебя любя,
Уходила... а любовь все хлещет!..

Словно дождь опять в моей душе
Льётся, синью наполняя вод стремнину.
Только как спасти любовь уже?
Жизнь развела... и прошло все мимо.

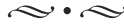
РОЗОВОЕ

Помню детство мое с цветом
розовым, как дым,
Затем юность, но цвет стал тогда голубым.
Зрелость шла и дарила мне зелень вокруг,
Алый потом стал для меня, словно друг.

И тогда загорелись огнем паруса,
Впереди бирюзой засверкали глаза.
И любовь в моем сердце цветком расцвела...
Только разум со света она не сжила.

Распустились цветами все струны души,
Мой любимый, уйти от меня не спеши!
Знаю я: наше время еще не пришло,
Наше чувство растет, как и прежде росло.

ЮРИЙ ЯНКО

Россия, г. Липецк

ДЕТСКИЕ СТИХИ

ДОБРОЕ СЛОВО

Всей жизни основа,
Всем людям понятно,
Что доброе слово
И кошке приятно.

БУДЕМ БОДРЫМИ ВСЬ ДЕНЬ

Солнышко проснулось,
Сладко потянулось,
Улыбнулось всем вокруг
И сказала: «Я ваш друг!»

Просыпаемся и мы,
На зарядку: раз, два, три!
Враз ушла куда-то лень,
Будем бодрыми весь день.

МЯВ И ГАВ

Спорили Мяв и Гав,
Кто из них прав:
Можно ли синиц гонять,
Надо ли цветочки рвать?

Малышам кто объяснит,
Как им в жизни поступить:
«Здравствуйте!» кому сказать,
А кому дорогу уступать.

Спорили, ругались малыши,
Но так истину и не нашли,
Обратились за советом к петуху,
Он варил семье уху.

Выслушал петух друзей,
Пригласил сесть малышей,
И сказал: «Ку-ка-ре-ку!»
Я вам правду расскажу.

Первым тот здороваётся, кто умней,
Уступает тот дорогу, кто сильнее,

Это надо всем усвоить
И не надо больше спорить».

С той поры котёнок Мяв
Первым лапку подавал,
Ну а храбрый пёсик Гав
Всем дорогу уступал.

СЕРЫЙ ВОЛК И ПАУЧО (басня)

Серый волк в норе сидел,
В потолок всю ночь глядел.
И, увидев паучка,
Хлопнуть вздумал малыша.

«Не губи меня, волчок, —
Пропищал вдруг паучок, —
Я спасу тебя, когда
Посетит лиха беда».

«Ну, живи, — аукнул волк, —
Я в охоте знаю толк».
И ушёл охотиться волчок,
А в норе остался паучок.

Волка храбрость подвела:
Злая стая след взяла.
И добравшись до норы,
Он бубнил: «Спаси, спаси...»

Паучок в лиху годину
Быстро сплёл сеть-паутину
И завесил ею вход:
Волк в норе, мол, не живёт.

Лают псы, не утихают,
К ним охотник подбегает,
И, увидев паутину,
Им сказал:
«Здесь нет волчины».

Рвутся в нору псы, рычат,
А охотники им говорят:
«Ну и глупые вы псы!» —
И забрав собак, ушли.

А уставший волчок,
Успокоившись чуток,
Лапу паучку подал:
«Я твой друг», ему сказал.

Мораль сей басни такова:
Дорога жизни не легка,
Но нет на свете ничего
Надёжней друга твоего.

ВЕСНА ИДЁТ

Весна, и наперегонки
Бегут ручьи-озорники,
А вслед кричат им воробьи:
«Вы чьи, вы чьи, вы чьи?»

А те в ответ журчат, журчат,
Куда-то всё спешат, спешат,
Их ждёт и поле, и река,
Торопит ранняя весна.

Есть озорство и в воробьях,
Они купаются в ручьях,
А рядом наши малыши
На парусах своей мечты.

ПЕРВОАПРЕЛЬСКИЕ БЛИНЫ (сказка)

Коту про первое апреля
Рассказывал шутник Емеля,
Мол, мыши в этот день пекут блины,
Чтоб были все коты добры.

Не верил кот Емеле
В такое представление,
Мурчал: «Мели, Емеля,
Твоя пришла неделя».

Лежал Емеля на печи,
Мурлыка-кот пёк калачи.
Емеле захотелось есть,
Но надо было с печки слезть.

Ох, неуклюжим был Емеля,
Он с печки так слезал несмело,
Что наступил себе на уши,
Теперь сидит и бьёт баклуши.

Идёт наш кот и чешет нос,
Емеля хватъ его за хвост,
А кот наш от испуга —
Царап, царап за ухо друга!

Друзья мирились за столом:
Поели калачей с медком,
Парным запили молочком,
Запели песню враз ладком.

Смеётся за окном луна,
На печке весело друзья
Сидят и песенки поют,
Мышей с блинами ждут.

А мыши праздник не забыли —
Кота с Емелей обхитрили,
Пока те пели на печи,
Они погрызли калачи.

ПОЧЕМУ НЕ ЛАДЯТ КОТЫ И СОБАКИ? (басня)

Две семьи в деревне жили,
Все соседи их любили,
В семьях их достаток был,
С ними вместе и мир жил.

Первая семья — собаки,
В их прудах водились раки.
Во второй семье — коты,
У котов в садах цветы.

Семьи меж собой дружили,
Вместе чай они все пили —
И гуляли средь цветов.
Не было у них врагов.

Всех любимцем был щенок,
Звали все его Дружок,
Все любили и котёнка,
Был он другом и мышонка.

Как-то раз зашёл щенок
Погулять в чужой садок,
А гуляя, был он весел
И в саду накуролесил.

А котёнок, как всегда,
Утром бегал у пруда,
Лапку в воду опустил,
Ракам воду замутил.

Поругались семьи навсегда,
Мир ушёл от них тогда.
И теперь они шипят, рычат,
Учат этому щенков, котят.

Пособачились коты, собаки,
Их поссорили цветы и раки,
А щенок с котёнком тужат
И по-прежнему всё дружат.

КОГО НЕ ЛЮБЯТ КОТЫ?

Утром сладко кот наш спит
И во сне «мур-мур» твердит,
Он мышей не ловит уж давно,
Он сметану любит, молоко.

Слышит кот, кто-то кричит:
«Все проснулись, а он спит:
На зарядку не ходил,
Зубки чистить позабыл!»

Кот, открыв глаза, глядит,
Птичка за окном сидит.
«Так вот кто меня будил!» —
Кот сердито пробубнил.

Птиц коты не любят,
Те их рано будят,
Птицы это знают
И кота увидев, улетают.

ОСЕНЬ

Осень краски разлила,
Разноцветье соткала,
Зарумянилась слегка,
Засмотревшись в облака.

Ярко листья заиграли,
Повисели и опали,
Под ногами зашуршали
Будто что-то прошептали.

Бабье лето промелькнуло,
Всё в туманах утонуло,
Зачастила непогода...
Скоро, скоро смена года.

С ДВОЙКАМИ Я НЕ ДРУЖУ

В школу я уже хожу,
С двойками я не дружу.
Не люблю я тройки,
Я люблю пятёрки!

Единицы рядом ходят,
Но в дневник мой не заходят,
Потому что я тружусь,
Даже с тройками борюсь.

ЛЕНЬ ПРИШЛА

Почему-то Лень пришла...
Как она меня нашла?
Теперь приятели мои —
Все тройки, двойки и колы.

ЛЕНЬ И ДРЕБЕДЕНЬ

Рядом с нами ходит Лень,
Бродит тихо целый день,
Ох, хитра тихоня Лень,
Тень наводит на плетень.

Дребедень ей помогает,
Водит нас за нос, блуждает,
Время наше отнимает,
От учёбы отвлекает.

Веселуха-Дребедень,
Веселится целый день,
А сильна Тихоня-Лень
Отдыхает целый день.

КТО НАБИВАЕТ СЕБЕ ШИШКИ?

Умка учится на ошибках чужих!
Неслух — на ошибках своих?
Плохиша не учат ошибки,
Набивает себе он шишки.

НАДО КНИЖЕЧКИ ЛЮБИТЬ!

Чтобы умным в жизни быть,
Надо книжечки любить!
Если любите читать,
Весь мир будете вы знать.

Книги — верные друзья!
Жить без книг никак нельзя!
Будем с книгами дружить,
Весело и мирно жить!

ЖИЗНИ ИСТИНА ПРОСТАЯ

Мы живём, прекрасно зная —
Жизни истина простая:
Что нельзя ведь без труда
Вынуть рыбку из пруда.

МИР ВЗРОСЛЫХ ВЕЛИК

Мир взрослых велик,
Он так многолик.
Есть в мире Добро,
Но есть в нём и Зло.

С Добром идёт к нам Счастье,
А Зло ведёт Несчастье,
И надо Человеком быть,
Добро от Зла чтоб отличить.

Человек — разумное Существо,
У которого отсутствует Зло,
А есть Совесть, Честь и Стыд,
Он с Добром на мир глядит.

ПОСЛЕ БЕСЛАНА

Жизнь не мудрее стала, а лютей,
Собою мать спешит прикрыть детей.
Стал полем боя двор обычный, школьный,
И с криком звон сливался колокольный.

Казалось, что превыше всех идей
Простой завет: «Спаси, а не убей».
И мир в своём великом разноцветье
Согласен, что всегда невинны дети.

Но разве внятны звуки этих слов
Для стаи свирепеющих волков?
Найди же средство, вечная Россия,
Остановить и покарать насилие.

ЗАКАДЫЧНЫЕ ДРУЗЬЯ

Закадычные друзья
Дружат крепко и всегда.
Знают: ссориться нельзя,
Ведь придёт тогда беда.

КАК С СОСЕДАМИ ДРУЖИТЬ

Во дворе кипит работа,
Но важнее всего забота,
Как всем мирно жить
И с соседями дружить.

«Му! — мычит корова, —
Будьте все здоровы,
В мире все живите
И быстрее растите».

«Гав-гав!», — лает пес Полкан.
Говорит своим щенкам,
Как им пришло, чужого,
Отличить от дворового.

Квочка квочает: «Кво-кво!
Не ходите, детки, далеко.
Вслед за мамою идите,
И к другим не подходите».

«Мур-мур!», — учит кошка котят,
Где ходить и с кем гулять.
«А мы сами все с усами»,
Говорят котята маме.

«Хрю-хрю!», — учит хрюша поросят
Жёлуди в саду искать,
В луже нежиться, лежать,
И соседям не мешать.

Кукарекает петух: «Ку-ка-ре-ку!
Будьте, братцы, начеку.
Залетела к нам сорока,
Жди беды от белобокой!»

«Чик-чирик! — чирикнул воробей.
Учит птичек-малышей:
— Кошку надо всем бояться,
Чтоб в когтях не оказаться».

Мекает коза: «Ме-ме!
Не идите ко мне:
Не люблю играть,
Буду всех бодать».

А индюк шипит: «Шу-шу!
Отойдите, укушу.
Не люблю гостей
И плохих вестей».

Гусь гогочет: «Га-га-га!
Слышу, слышу чужака.
Мы всем, мы всем говорим:
Разбудили гуси Рим!»

Утки крикают: «Кря-кря!
Нам бы на озёра, на моря,
На большую воду,
На простор, свободу».

Во дворе бывают споры,
Но решают всё переговоры.
Часто петушатся петушки —
Это ссорятся дружки.

Свары забываются,
Споры не кончаются.
И всё же всем на диво
Живёт наш двор счастливо.

ЖИТЬ ТАК ПРОСТО БЕЗОБРАЗНО!

В нашем доме очень грязно,
Жить так просто безобразно!
Кто-то фантик уронил!
Может Гена-крокодил?

Кто-то плюнул там и тут!
Потерявшийся верблюд?
Семечки кругом и шелуха!
Убежала от Левши блоха?

Там окурки, там стаканы!
Пировали тараканы?
В нашем доме кто живёт —
Звери, насекомые, народ?

О БУДУЩЕЕ!

О Будущее! С чем ты к нам придёшь?
Ты будешь Змей Горыныч или Ёж?
Иль превратишься в добрую Весну,
Которую я, человек, люблю!

ДРУЗЬЯ ПОЗНАЮТСЯ В БЕДЕ

Два мальчиша по лесу шли,
В малине ягоды нашли.
Вдруг вышел из кустов Медведь,
И грозно, грозно стал реветь!

Ребят «ревун» тот испугал:
Один мальчишка убежал,
Другой упал и не дышал,
Что делать дальше он не знал.

Медведь к мальчишке подошёл,
Вокруг тихонько обошёл,
И что-то промурчав, ушёл.
Мальчишка встал, и друг пришёл...

Вернувшийся «беглец» спросил:
«О чём ты с Мишкой говорил?»
— Медведь сказал на ушко мне:
«Друзья познаются в беде!»

*АЛЕНЬКИЕ ПТИЧКИ
СВИРИСТЕЛИ*

К нам Зима волшебница пришла,
Снег, и чудеса нам принесла:
Нарядила в шубы ели,
Прилетели свиристели.

Заалели щёки у рябины,
Свиристели дружно облепили,
Хором все поют, засвиристели
Аленькие птички свиристели.

Всё проснулось: зайцы, ели...
День на солнечной свирели
Веселит всех и играет.
Всех природа — восхищает!

Аленькие птички свиристели,
Из какой вы сказки прилетели?
Песни, краски, радость принесли,
Мир от грусти, серости спасли!

ЗАГАДКА

Кто в лесу живёт, дразнит
Всех, кто громко в нём кричит?
Я кричу: «Ты кто? Эй! Эй! Эй! ХО! ХО!»
Отвечает невидимка...

ДМИТРИЙ ГОРОШНЕВ

Россия, Карелия, г. Пряжа

ДАНЫ КАК НАСЛЕДСТВО...

Даны нам в наследство от древних богов —
И каждый из нас их хранитель:
Целебная ласка озёр и лугов,
Волшебного леса обитель.
Не будет вопросов: готов? не готов?
Даются добавочно к хлебу:
Весёлая песня свободных ветров
И толика звёздного неба.
Но это за нас просто выдан залог,
А вовсе не дар, не награда,
Чтоб тело и душу бы каждый берёг
До смертной поры листопада.
Всевышний, похоже, не зря повелел —
Он всё про нас, будущих, ведал —
Чтоб небо тянулось к обжитой земле,
А люди, как водится, — к небу.

ЛЕС ПОРЕДЕЛ...

Её естественны повадки,
Крепка хозяйская рука.
Она не может без загадки
И этим всем нам дорога.
У каждой осени заметен
И облик свой, и голос свой.
Она нередко ещё в лете
Порой стоит одной ногой.
Она пускает в ход туманы,
Чтоб скрыть от глаз дородный вид,
И, визы дав в другие страны,
«Удачи!» — птицам говорит.
Увидишь на её картине
Перегоревший небосвод,
Листок, дрожащий на осине,
Высокий птичий перелёт.
Лес поредел, одежды сбросил.
Ветра летят сквозь бурелом.
А с ними вместе мчится осень,
Листвой махая, как крылом.

У ЛЮБВИ НЕ БЫВАЕТ РАЗЛУК...

*«У любви не бывает разлук,
У любви есть одни только встречи...»
Эдуард Асадов*

Водопад наклонившихся ив
Подарил и покой. и прохладу.
Утешая: "Он помнит... Он жив...
Ну, чего тебе, дурочка, надо?!"
Продолжением разомкнутых рук
Остаются мгновенья и речи.
У любви не бывает разлук,
У любви есть одни только встречи.
Он идёт. Постарайся найти
Что сказать ему нежно, нестрого.
Он идёт. Он спешит. Он в пути.
Он, быть может, почти у порога.
И прервав эпилепсию мук,
Мягко руки положит на плечи.
У любви не бывает разлук,
У любви есть одни только встречи.
Разве помнит свой возраст душа?!
Но конец есть у бренного тела.
И мечта, и любовь хороша,
Пока жизнь не достигла предела.
Упокоятся время и звук,
Загорят поминальные свечи.
Ничего, ничего, милый друг,
Есть надежда на скорую встречу...

АКСИОМА

День по-своему хорош.
Только лучше станет вечер,
Если нынче ты придёшь
На обещанную встречу.
Рок, судьба или я сам,
Или всё и вместе сразу
Убедили: небесам
Не моги перечить, разум!
Он и сердце — заодно.
Это редкость, это — чудо!
О понятном, о родном
Говорить с тобою буду.

Расскажу, как лишь теперь
Мне открылась аксиома,
Что пора одну нам дверь
Открывать с утра у дома.
И не нынче, а давно
Ты проникла в сны украдкой.
Видно с тем, что суждено
Грех играть по-детски в прятки.
Страх. А вдруг почувешь ложь
И бессмысленность свиданий?!
Только вдруг ты не придёшь?!
Ожидание... Ожидание...

ЗАЧЕМ СТИХИ, В КОТОРЫХ ТОЛЬКО МРАК?!..

Поспешность с суетою губят нас.
Но гасят пыл поэтов и пророков
Своею неприступностью Парнас
Да уяснение позднее уроков.
На памяти зарубки, как задел
Того, чему не быть в конечном виде.
Какая уйма безнадёжных дел!
И сколько их лишь черновик увидел!
Но грех роптать! Быть может, уберёг
Всевышний от того, чего стыдятся.
В хитросплетеньях будущего смог
Один лишь он, поняв их, разобраться.
Остановил. Закрыл к позору путь,
Воздвиг стену незримого предела,
Велел душе покуда отдохнуть,
Пускай за всё страдает только тело.
Зачем стихи, в которых только мрак?!
Зачем в сей мир пускать туман печали?!
И разве не подали годы знак,
Что лучшее сказал ты там, в начале...

В ЧАС ПОЛУПРОЗРАЧНЫХ СНОВ

Ночь глубокая, без дна.
Мир как будто в ожидании.
Звёзды в небе. Тишина.
Сны — как книги без названий.

Без начала, без конца, —
На листах мелькают тени
Брата, матери, отца
Среди прочих сновидений.
Мне во сне чего-то жаль,
Словно с ними вновь прощаться,
Будто слёзы и печаль
Ждут, чтоб в сердце постучаться.
Промелькнули, отошли,
Вспомнив, видимо, об утре.
Они жизнь переросли,
Им средь прошлого уютней.
В час полупрозрачных снов
Калькой призрачного рая
Блики канувших годов
Угасают умирая...

НО МАЛО НЫНЧЕ ПРАВДЫ НА РУСИ...

Отдаться б беспредельной тишине,
Упасть в нирвану дрёмы и покоя,
Забыть о наступившем чёрном дне,
Махнуть на безобразия рукою.
Махнуть на безответственную власть,
На олигархов и на суд продажный.
Забыть их...
В грязь лицом своим упасть
И совесть замазать в дерьме и саже?!
У жизни, говорят, полно дорог...
Не верьте, есть одна дорога — к правде.
Я, если б захотел, навряд ли б смог
Предать её густой похлёбки ради.
Мир без людей особенно красив,
И ты в него влюбляешься невольно.
Но мало нынче правды на Руси,
И потому душе бывает больно.

БАХ АХМЕДОВ

Узбекистан, г. Ташкент

***

Тянемся словами к постиженью,
но не дотянуться никогда...
Но однажды кончится скользенье
по неодолимой толще льда.

И тогда слова придут спокойно.
Скажут: «Вот и мы. Ты нас искал?»
Ты ответишь: «Мне уже не больно
на дорожке тонкой из песка.

Падаю, встаю, пытаюсь выжить...
Время — это вечный гололёд.
И любая жизнь точнее книжек,
только кто из нас ее прочтет?...»

А слова...
Ну что ж, они, конечно,
где-то рядом с сутью иногда.
Вот еще один уходит вечер
в глубину забвения и льда.

Время, словно плавленный сырок,
Каменеет в воздухе морозном...
Высоты спасительный глоток
Дарят нам невидимые звёзды.
Вечер зимний, медленная ночь...
И бездомность общая над миром.
Жизнь себе пытается помочь,
А надежда снова смотрит сиротливо.
Что ответишь странной пустоте?
Спрячешься в усталую улыбку.
Мы всегда трагически не те...
В каждом плачет грустная ошибка.

***

Мои стихи, конечно, не стихи.
Они всего лишь грустные попытки
Строкой красивой замолить грехи,
Которых у меня, увы, в избытке.
Попытки рифмой дыры залатать
И спрятать пустоту и холод сердца.

Они меня не смогут оправдать,
И призрачным их светом не согреться.
Но всё же, может быть, когда-нибудь
Одна строка (а больше и не надо!)
Меня проводит в мой последний путь,
И тем спасёт от полного распада.

***

Знобит несовершенством мира...
Его безумием знобит.
И тишиной звенит квартира,
где так обманчив вечный быт.

Как будто все уже свершилось...
И повторяется опять.
И то, что нам когда-то снилось,
нас будет снова где-то ждать.

И эти сны, круги сужая,
нас повторяют без конца.
И чья-то правда обнажает
стучать уставшие сердца.

И может быть, одно забвенье
спасает каждого из нас...
Что не сойти от повторенья
с ума в семьсот тридцатый раз.

***

А может, жизнь лишь комментарий
к исчезновенью своему.
К тому, как смыслы тихо тают,
уходят медленно во тьму.
И что есть прошлое?
Фрагменты
каких-то непонятных снов.
Обрывки старой киноленты,
где наш сюжет давно не нов.
И в этой хронике туманной,
где лиц уже не различить,
мы ищем точности обманной,
что помогает дальше жить.

***

пауза затянулась
в тугой и печальный узел
пауза превратилась
в пепел пустых иллюзий
хрупкая скрипка холода
боится прикосновения
и время как лед расколото
на выдохи и мгновения
и снова туман отравленный
ночной растворяет город
а жизнь на ребро поставлена
и кажется рухнет скоро
таинственное равновесие
над бездною всех времен
лишь острый как скальпель месяц
плывет в твой холодный сон

***

Как странно, что все еще длится
то время в твоих зеркалах.
То в книжной зависнет странице,
то в шарике из стекла.
То станет тягучим и вязким,
и ты в нем застрянешь опять.
То вспомнит забытые сказки,
чтоб заново их рассказать.
И все-таки, что же первично?
Сомнения? Память? Печаль?
А может быть, сон земляничный,
где прошлого больше не жаль.
И кто мы? Ведь тысячной доли
в себе мы не можем понять.
Мы дети надежды и боли,
что учатся время прощать.

***

Нас всех накрыл десятый вал,
Нам больше не спастись.
И старый плот трещит по швам,
И все страшнее высь.
Нас лихорадит каждый день...
И каждый день трясёт.
Везде безумие, везде...
И огонь, и мор, и лёд.
Быть может, Гнева День настал?
Господь устал терпеть.
А мир ещё сильнее устал
Сквозь пустоту лететь.

***

продаются кошки и собаки
ящерицы, кролики, улитки
грустных одиночеств наших знаки
грустных судеб тихие улыбки
продаются книги и надежды
старые пластинки и кассеты
стертая до дыр слепая нежность
нашего старения приметы
продаются старые конспекты
лекций по теории ошибок
медленно уходит старый лектор
тихо говорит «за все спасибо...»
продается все, что продается
за бесценок, за попытку выжить
тихо чья-то музыка прольется
со страниц давно забытых книжек

***

Античная трагедия права.
И рок за нами ходит неотступно.
И время с нами втёмную играет,
И прячет в рукаве настойку смысла,
Что нас сведёт когда-нибудь с ума.
О эти игры греческих богов!
Мы все обнажены на этом поле.
Куда нас завтра двинет их игра,
Абсурдная, безумная по сути.
Не спрятаться, не скрыться, не сбежать...
Скучающие боги беспощадны.
Точнее, равнодушны к нашей боли.
Кидают кости ль, в шахматы ль играют —
И разницы им нет, была б игра.
И хор давно молчит, устав смертельно
От вечных повторений вечных строф,
Спасаящих размер, строку и холод
Торжественного мраморного лба...

Тишина... Ожидание свободы.
Ожидание снега и сна.
Чем прозрачнее образ природы,
Тем прекрасней ее тишина.
И в холодном присутствии ночи,
На краю опустевших миров,
Ты до боли увидеть захочешь
Как снимается с тайны покров.
Как привычка потерянно бродит,
На стекло ледяное дыша.
И, готовясь к последней свободе,
Замирает в испуге душа.

2005 г.

Какие бледные надежды
на плач высокий собрались.
На них прозрачные одежды,
за ними — призрачная жизнь.
Как непонятны эти плачи.
Как неподкупна их печаль.
Уже никто свой сон не прячет,
и бьется время, как хрусталь.
Уже никто однажды к звездам
не выйдет на кремнистый путь.
И с каждым днем густеет воздух.
Еще чуть-чуть...
Вот так приходят постепенно
на землю сумерки богов.
Но каждый атом во Вселенной
к распаду Вечности готов.

Я ем печенье с молоком,
а в горле застревает ком,
и сердце зависает странно.
И мир становится туманным,
почти бесплотным, нереальным.
Прозрачным, медленным, печальным.
И каждый жест столетье длится.
И слишком близко пустота.
Давно исписаны страницы
до предпоследнего листа.
А на последнем будет точка,
почти невидимая мне.
А может, просто краткий прочерк,
и звук короткий в тишине.

Смешно и грустно...
Я ведь Прусту
хотел привет мой передать.
А сам опять поддался чувству,
и начал глупости писать.

Но детство нас не оставляет,
и не оставит никогда.
И сердце вечно зависает
над бездной белого листа.

ИДА ЗАМИРСКАЯ
Украина, г. Северодонецк

ПЕРЕВОДЫ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА
НА РУССКИЙ

SARA TEASDALE (1884-1933)

But Not to Me

The April night is still and sweet
With flowers on every tree;
Peace comes to them on quiet feet,
But not to me.

My peace is hidden in his breast
Where I shall never be;
Love comes to-night to all the rest,
But not to me.

Но не ко мне...

Апрель. Цветочный свой наряд
Не прячет ночь, и в тишине
Блаженства миг крадется в сад,
Но не ко мне.

В саду остался мой покой,
На склоне дня
Любовь обходит стороной
Одну меня.

Где счастье? Мне одной в тиши
Покоя нет, —
Любовь к кому-то вновь спешит,
Но не ко мне.

A Winter Night

My window-pane is starred with frost,
The world is bitter cold to-night,
The moon is cruel, and the wind
Is like a two-edged sword to smite.

God pity all the homeless ones,
The beggars pacing to and fro.
God pity all the poor to-night
Who walk the lamp-lit streets of snow.

My room is like a bit of June,
Warm and close-curtained fold on fold,
But somewhere, like a homeless child,
My heart is crying in the cold.

Зимняя ночь

Темно. Зима. Лютует ночь.
Стекло разрисовал мороз.
Глядит холодная луна,
Как воздух режет ветра нож.

Господь! ждет помощи любой,
Кто обездолен и продрог,
Бредёт в отчаянии слепом
Вдоль запорошенных дорог.

Так и душа — продрогнет вдруг
В тиши зашторенных окон
Без чьих-то верных теплых рук,
Хоть жаркий, как июнь, мой дом.

Understanding

I understood the rest too well,
And all their thoughts have come to be
Clear as grey sea-weed in the swell
Of a sunny shallow sea.

But you I never understood,
Your spirit's secret hides like gold
Sunk in a Spanish galleon
Ages ago in waters cold.

О разгадке души

Нетрудно мне понять других,
Их мысли четко вижу я,
Как танец водорослей морских
В глубинах побережья.

Мне не понять лишь одного
Тебя — твоя душа молчит.
Так золото на дне морском
Испанский галеон хранит.

Dew

As dew leaves the cobweb lightly
Threaded with stars,
Scattering jewels on the fence
And the pasture bars;

As dawn leaves the dry grass bright
And the tangled weeds
Bearing a rainbow gem
On each of their seeds;

So has your love, my lover,
Fresh as the dawn,
Made me a shining road
To travel on,

Set every common sight
Of tree or stone
Delicately alight
For me alone.

Роса

Как роса, что с паутины
звездами свисает
И на изгороди пастбищ
Серебром слетает,

Как степей сухие травы
Зорька наряжает —
Драгоценные камения
На бурьян бросает,

Так, мой друг, твоя любовь:
Путь мой освещает,
Придорожный камень
В солнце превращает.

Как рассвет, твоя любовь,
Как багровый пламень, —
Столько нежного огня
Для одной меня!

After Love

There is no magic any more,
We meet as other people do,
You work no miracle for me
Nor I for you.
You were the wind and I the sea —

There is no splendor any more,
I have grown listless as the pool
Beside the shore.

But tho' the pool is safe from storm
And from the tide has found surcease,
It grows more bitter than the sea,
For all its peace.

Любовь ушла... (Вольный перевод)

Нет больше тайны у любви,
Утрачен пыл, всё — второпях:
Тебе меня не удивить,
А мне тебя.

Подвластны гибельным ветрам,
Мои, как волны, дни неслись.
Давно уж страсти улеглись:
Ты — тихий бриз.

Я от любви защищена,
Ослабли узы в тишине,
И хоть на сердце полный штиль,
Так горько мне...

 $\approx \bullet \approx$

Ricarda Huch
(1864-1947)

Um bei dir zu sein,
Trüg ich Not und Fährde,
Ließ ich Freund und Haus
Und die Fülle der Erde.

Mich verlangt nach dir,
Wie die Flut nach dem Strande,
Wie die Schwalbe im Herbst
Nach dem südlichen Lande;

Wie den Alpsohn heim,
Wenn er denkt, Nachts alleine
An die Berge voll Schnee
Im Mondenscheine.

ТОСКА

Чтоб с тобою быть,
Я терпел бы нужду и напасти,
Я б оставил друзей и свой кров,
И дары земли;

Я стремлюсь к тебе,
Как прилив желает на берег,
И как ласточка в день осенний
Хочет только на юг;

Как о доме сын Альп,
Одиноко, когда не спится,
Он мечтает о снежной вершине,
Освещённой луной...

ОГНЕННЫЙ СМЕРЧ — документальный перевод с немецкого

Друзья, мы тут в ЛИТО решили издать двуязычную книгу воспоминаний «Дети войны», я перевожу реальные рассказы очевидцев — немцев. Может, и вам будет интересно заглянуть по ТУ сторону Второй мировой войны, как ее официально называют союзники...

Огненный смерч над Хаммербруком в ночь с 27 на 28 июля 1943 года

*Рассказ Эрнста Гюнтера Хаберланда
/рожд. 7.10.1933 года. Житель Гамбурга./*

Двадцать седьмое июля 1943 года был теплый ясный летний день. Люди еще не знали, что должно случиться этой приближающейся ночью...

Сразу после полудня, около двух часов с неба посыпались листовки, которые сбрасывали английские самолеты. Населению сообщалось в них, что эта часть города ночью будет полностью разбомблена. Людям предлагали покинуть свои дома или найти подходящие убежища. Для нас это был огромный шок, так как до этого происходили лишь небольшие налеты...

Мой отец был, как всегда на службе, и мама решила заранее идти со мной к круглому бункеру — бомбоубежищу около станции Берлинэр Тор. Необходимые для этого случая вещи были уже приготовлены: важные документы, самое нужное из одежды, что могло пригодиться там. Чтоб не так много нести, мы одели на себя как можно больше вещей. В двойном количестве — нижнее белье, рубашки, пуловеры и куртки, по возможности еще и пальто... Такими закутанными, с рюкзаками и чемоданом мы вышли около пяти вечера из дома по направлению к убежищу. Все круглые бункеры были однотипно обустроены следующим образом:

Главный вход с большой и толстой стальной дверью и боковой вход, как аварийный. В середине бункера возвышалась до самого острия башни огромная колонна, в которой находились все необходимые коммуникации, электрооборудование помещения и несколько туалетов. Между этим столбом и внешней стеной были поставлены широкие скамьи без спинок. Узкий винтообразный проход между скамьями и колонной вел до самой верхушки остроконечной башни. Когда мы вошли в бункер, там уже царило лихорадочное оживление: каждый старался обустроиться на месте пониже. Около восьми вечера бункер закрыли, он был уже переполнен. Тех, кто стоял снаружи, перед герметически закрытой дверью и хотел в бункер, уже не пускали.

Внутри же было ужасно тесно, воздух постепенно становился все хуже и хуже...

Чтобы как-то пересилить скуку и ожидание, люди переговаривались, но страх каждого невозможно было скрыть. Так продолжалось до часа ночи. И вот начался налет бомбардировщиков на Гамбург, операция «Гоморра». Когда в отдалении послышались первые взрывы бомб, разговоры моментально прекратились. Через толстые двухметровые бетонные стены взрывы казались дребезжащими шумами.

Удары неумолимо приближались к нам, при каждой атаке слышались крики испуганных людей в бункере, в паузах между взрывами стояла мертвая тишина...

Башня бункера шаталась, как труба на ветру, раз накренилась так сильно, что мы все упали со скамеек и скатились в узком проходе друг на друга. Эта тряска и шум продолжалась около часа без остановки. Внезапно потух свет, и людей охватила паника. Вскоре зажегся аварийный свет, и мы постепенно успокоились... Только благодаря счастливым обстоятельствам мы все выжили в этом бункере, — в нашем бомбоубежище были не только помощники по защите от налетов, но и солдаты с оружием. Когда и ток отключился, одновременно перестали работать электропомпы, поставляющие воздух. Если бы никто ничего не предпринял, то за короткое время все мы умерли бы от удушья! В бункере находились, в основном, матери с детьми, мужчины, почти все, были на войне. Но несколько мужей в бункере было, и их помощники по воздушной обороне попросили помочь качать воздух ручными аварийными помпами. Никто не хотел добровольно покинуть свою семью! Солдаты, наставив пистолеты и угрожая расстрелять на месте, заставили мужчин пойти с ними.

Грохот разрывов бомб слышался почти час... Потом все стихло, и мы не слышали ничего больше. Но, никто в бункере, конечно, не знал, какие разрушения произошли в их районе. Из-за отсутствия электричества и у дежурных не было связи с внешним миром.

Никто не решался открыть тяжелые двери бункера... Внутри становилось уже невыносимо, воздух сгустился. Пахло потом и многим другим..., но «было не до жиру», радовались уже тому, что еще живы. Я не заметил, чтобы кто-то из ближайшего нашего окружения ходил в туалет. Каждый знал, что если он покинет свое насиженное место, его тотчас займут другие. Чего только не вытерпит человек, объятый смертельным страхом?!

Прошли часы, но нам тогда они казались минутами... В бомбоубежище становилось все тише, каждый замечал, что кислорода все меньше и меньше, становилось трудно дышать.

Около пяти утра, после двенадцати часов сидения в бункере, нам отважились открыть стальные двери. Мы с матерью выходили через главный вход вниз. Налет был ужасающий! Нас ударила жаркая воздушная волна. Позже нам пояснили, что из-за огненного ада выгорел весь кислород в воздухе. У выхода из бункера стояли ведра с водой, где мы мочили свои платки и обвязывали ими рот и нос. Это помогало защититься от пыли и летающих частиц пепла, иначе нечем было бы дышать.

Небо было сплошь черным, только над нами — раскалено красным. Это было зеркальное отражение огненного ада Хаммербрука. Мы с ужасом оглядывали местность, где раньше жили... Все дома ярко полыхали, это была сплошная стена огня! Слышались громкие крики раненых людей, которые просили помощи. Мы видели людей на улице Хайденкампсвег, которые пытались перейти с одной стороны улицы на другую, поскольку там был канал, вода. Но асфальт улицы горел так сильно, что стал почти жидким...

Люди дошли до середины улицы, и там их ноги намертво увязли в густой горячей асфальтовой массе и начали гореть. Пламя пожирало их, поднимаясь над головами. Сначала эти люди кричали, потом их крики стихли... Пахло только горелым мясом трупов. Мимо нас проходило все больше жителей в разорванной или сгоревшей одежде, у них были ожоговые раны, полученные от горевшего при взрывах фосфора. Потом мы увидели шедшего бесцельно и отрешенно, соседа, у него был написан на лице шок. В руках он держал два чемодана и не знал, куда ему вообще идти... Он открыл чемоданы — в большом лежало нечто обгоревшее, похожее на пенек; в другом — два таких же останка, только поменьше... Это были его жена и дети, тела сильно обгорели. Сосед не мог их оставить лежать.

Чтобы избежать этого адского пожара, дежурные по району отвели нас всех в туннель станции Берлинер Тор, там угар был не так силен. Через некоторое время женщин и детей посадили на грузовики и перевезли еще дальше, на Даммтор вокзал. На противоположной стороне был виден Моорвайде — большая поляна.

И вот, отсюда уже нас эвакуировали из Гамбурга в Лунген около Диттмаршена. Даже оттуда было видно зарево пожара над Гамбургом!

Это мои детские воспоминания об ужасной ночной бомбардировке, которую я не забуду до конца моей жизни. Когда разговариваешь о пережитом с кем-то, то они, видя мои эмоции, начинают глубже постигать случившееся тогда. Желаю нашему молодому поколению никогда не испытать этот ужас войны!

После того, как мы с мамой счастливо пережили этот огненный смерч и эвакуировались, то очутились, наконец, в маленьком городке Витшток на реке Доззе в земле Бранденбург.

Сегодня этот старинный городишко с толстыми крепостными стенами входит в состав земли Мекленбург-Форпоммерн.

Прожив там пару недель, моя мама решила, что после всего пережитого, чтоб скорее забыть ужас июльской бомбардировки, меня лучше всего

отправить в детский сборный лагерь. Так как я уже был там однажды несколько месяцев до этих событий, то мама отправила меня в то же место — Витшдорф в Еригсбирге. Эта деревушка лежит в трех километрах от городка Цшопау недалеко от Хемница.

В прошлый раз мне там очень понравилось. Я жил в очень гостеприимной семье. Муж был на войне, двое детей — мальчик пяти лет и девочка трех лет.

И вот, в октябре сорок третьего я отправился туда, эти люди снова радостно и дружески меня встретили. Деревушка лежит в живописном месте у подножия гор, но дом моей приемной семьи находился наверху, на горе. Дорога серпантином спускалась под гору в долину, где стоял вокзал. Моя мать очень надеялась, что в таком чудесном месте я смогу быстрее переработать в голове те страшные события... Здесь я оставался почти до конца войны. Вот в таком великолепном уголке Земли прожил я прекрасные, но короткие месяцы моего детства.

Так как я год назад там уже бывал, мне не пришлось вживаться в их жизнь заново. Но в октябре сорок третьего мне исполнилось 10 лет, а во времена третьего рейха все мальчики, достигшие этого возраста, обязаны были вступить в ряды ГЮ — организации Гитлерюгенд. Однако, я, в свои десять лет был еще не гитлерюгенд, а, как маленький — пока «Пимпфе». В то время пропаганда была так направлена, что очень легко и бесп проблемно привлекала на нужную сторону. Эту же концепцию без особых изменений переняла после войны тогдашняя ГДР.

Мой дедушка оплатил мне униформу — зимнюю и летнюю. Летом мы носили темно-синие короткие кордовые штанишки на подтяжках, коричневую рубашку, галстук с кожаным узлом. Тут же портупея со знаменитым ГЮ — дорожным ножом на боку.

Для зимы были темно-синие брюки, голубая короткая куртка, остальная амуниция из летнего, плюс шапка с ушами. Мы, мальчишки, очень гордились тогда нашей формой...

Тактика руководства по завлечению нас была довольно простой, незаптейливой: мы много играли на местности, много занимались спортом, путешествовали и много еще всего.

Однажды наш руководитель группы спросил, не хочу ли я ехать в музыкальном поезде, чтоб там научиться играть на фанfare. Я запрыгал от радости, поскольку с ранних лет интересовался музыкой. И вот я получил мою трубу, начищенную до блеска, с черным флагом и белой бахромой, на флаге белым были вышиты старогерманские руны /символы/. Этот большой инструмент носили на спине. Я был небольшого роста, и эта фанfare на марше всегда ударяла меня сзади под коленки... Было очень больно, но переполняющая меня гордость заставляла быстро забывать о боли. Смысл ГЮ состоял в том, чтоб сделать из мальчишек будущих храбрых солдат. Конечно, тогда мы этого еще не понимали... По этой причине между нами и группой из соседней деревни постоянно возникали небольшие «бои». Мы собирали сырые и грязные еловые шишки, как ручные снаряды для закидывания противника. По правилам, «враг» считался побежденным и захваченным, если удавалось сорвать с него галстук.

Но после окончания сражения вещи полагалось отдавать обратно! Мы, конечно, выбирали из отобранных галстуков самые новые, а свои, старые возвращали им; против чего всегда слышали тихий ропот.

В зимние месяцы предгорья Эрца особенно прекрасны! Уже в начале ноября мы видели много снега, а склоны гор были словно засыпаны сахарной пудрой... Здесь я, как житель северной равнинной местности, впервые встал на лыжи и осилил очень быстро эту науку.

С ноября, сразу после школы, мы, дети, шли кататься на лыжах. Одна из лужаек спускалась в долину, и там мы соорудили небольшой трамплин. И прыгали уже за длину в пять метров. Когда деревенская улица покрывалась толстым и твердым слоем снега, для нас наступало самая чудесная пора — спуски на санях! Десять детей быстро собирались в группу саночников; там, где как раз жила моя приемная семья, было самое высокое место в деревне. Оттуда и начиналась быстрая езда вниз. Санки проворно связывались в один поезд, и мы отправлялись в дикий спуск в долину, вплоть до ж/д станций! Первые сани должны были отвечать за направление и рулить поездом, а последним — приходилось страшно стараться, чтоб на такой скорости удержаться и не выпасть. Наш поезд-змея мгновенно набирал скорость! На каждом повороте последние трое саней сильно шатало из стороны в сторону. Весь путь составлял около трех километров и длился несколько минут.

После каждого окончания поездки, уже в долине мы обнаруживали, что последние трое саночников отсутствовали, где-то по дороге, на очередном повороте они вывалились.

Но самое ужасное от этих спусков было то, что для нового старта мы должны были бежать весь отрезок вверх по улице! После каждой первой поездки никто не хотел занимать последние три места поезда, и все дело просто рассыпалось...

После долгой и снежной зимы наступала в предгорьях Эрца весна. В нашей маленькой деревне почти все дворы имели домашнюю живность — лошадей, коров, овец, коз, свиней и птиц. Мальчиков из деревни часто просили за небольшую плату присмотреть за домашним скотом. И у нас в это время была возможность заработать на карманные расходы. За наши заработанные пастушьям трудом деньги можно было купить желанные сладости.

Таким образом, в каждое время года в деревне что-то происходило... Война постепенно подходила к концу, и русские войска подходили все ближе к предгорьям Эрца. Маленькие самолеты русских все чаще заставляли деревни включать сигнал воздушной тревоги, с которым я был хорошо знаком еще с Гамбурга! С самолетов на окрестности сбрасывали, правда, в противоположность Гамбургу, не бомбы, а маленькие гранаты. Но они при падении вызывали сильный шум! После налета некоторые сады у домов выглядели, как только что вспаханные поля. Гранаты не имели такой взрывной мощи, как у нас в городе, никто не погиб. Но было очень много раненых. В этот период передо мной опять отчетливо всплыли воспоминания о пожарище в Гамбурге... Так как мой страх был очень откровенным, окружающих в деревне это все больше заботило, и маму уведомили, что меня надо забрать.

После моего отъезда из деревни закончился один из прекрасных моментов, которые происходили со мной в детстве.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА:

2 июня, выступая в палате общин, Черчилль заявил: «Могу сообщить, что в этом году германские города, гавани и центры военной промышленности будут подвергаться такому огромному, непрерывному и жестокому испытанию, которое не переживала ни одна страна». Командующему английской бомбардировочной авиацией было дано указание: «Начать самые интенсивные бомбардировки промышленных объектов Германии». Впоследствии Харрис писал об этом так: «Практически я получил свободу бомбить любой немецкий город с населением 100 тыс. человек и более». Не откладывая дело в «долгий ящик», английский маршал спланировал совместную с американцами воздушную операцию против Гамбурга — второго по численности населения города Германии. Эту операцию называли «Гоморра». Ее целью были полное разрушение города и обращение его в прах.

Везель. Памятники варварству

В конце июля — начале августа 1943 года на Гамбург было совершено 4 ночных и 3 дневных массированных налета. В общей сложности в них приняли участие около 3 тыс. тяжелых бомбардировщиков союзников. Во время первого налета 27 июля с часа ночи на плотно населенные районы города было сброшено 10000 т взрывчатых веществ, главным образом зажигательных и фугасных бомб. Несколько дней в Гамбурге бушевал огненный шторм, а столб дыма достигал высоты 4 км. Дым горящего города ощущали даже летчики, он проникал в кабины самолетов. По воспоминаниям очевидцев, в городе кипели асфальт и хранящийся на складах сахар, в трамваях плавилась стекла. Мирные жители сгорали заживо, обращаясь в пепел, либо задыхались от ядовитых газов в подвалах собственных домов, пытаясь укрыться от бомбежек. Или же — были погребены под руинами. В дневнике немца Фридриха Река, посланного в Дахау фашистами, приводятся рассказы о людях, бежавших из Гамбурга в одних пижамах, потерявших память или обезумевших от ужаса.

Город был наполовину разрушен, погибло более 50 тыс. его жителей, свыше 200 тыс. были ранены, обожжены и искалечены...

Любовь Гольт 2012 г.

*Наталья Менендес
(Россия, г. Кинешма)*

ДОРОГА ДОМОЙ

*Посвящается Ирине Мартынес
в память об её отце Хосе Мануэле Мартынес*

Рассвет лениво просачивался через плотно сдвинутые шторы. Приоткрытое окно доносило дыхание океана. Оно было спокойное и ровное: «Пшш, пшш, пшш...». Ирина полной грудью вдохнула утреннюю прохладу, поёжилась, потянулась. Открывать глаза она не хотела, боялась спугнуть что-то тёплое, родное, туманно-расплывчатое. И, изо всех сил, старалась вспомнить, что же это. И вдруг отчётливо увидела: «Это же корявая, старая берёза под моим окном!» Её тонкие гибкие ветви просовывались в приоткрытое окно, словно хотели дотянуться к её постели: «Эй, вставай лежебока, утро наступило!» Она удивилась своему открытию: «Странно, значит это не море, а она шелестела мне всю ночь в ухо». И женщина снова плотно сжала глаза, пытаясь представить стоящую под берёзой знакомую скамейку, щербатую, непонятного цвета, из-за многослойности разных красок, небрежно намазанных на старые доски. Сквозь ребристость и неровности сиденья всё-таки проступало, нацарапанное давным-давно, ещё в пору её юности, нелепое, понятное только ей уравнение: « $I + V = A$ ». И всё внутри её затосковало и одновременно затрепетало. «Боже, как же я хочу домой!» — подумала изумлённая женщина.

А всего несколько месяцев назад она радостно соскакивала с постели и бежала к настежь растворённому окну, чтобы полной грудью вдохнуть эту свежесть морского утра. Она протягивала руки навстречу беспредельному перламутровому простору, и с упоением ждала мгновения, когда солнце золотым, или багровым мячиком выскочит из-за дальней, едва заметной полосы горизонта, сливающейся с небом, к ней на ладонь. Днём она взбиралась по узеньким горным тропкам, разыскивая среди заброшенных старых посёлков и деревень тот единственный дом — дом своего отца. А вечером бродила по старинным улочкам города, с любовью и невольным любопытством разглядывая людей, сидящих на открытых верандах многочисленных кафешек. Она вслушивалась в незнакомый и такой родной ей язык — язык её отца и его родителей. Удивлялась живому общению старичков и старушек, с удивительно ясными, а порой и задорными молодыми глазами, которые подолгу просиживали у облюбованных ими кафе, никуда не спешили и активно обсуждали политику и футбол.

Всё это было! И было совсем недавно. Было сбывшейся наяву мечтой, мечтой её детства, её отца. Она отчётливо помнила, как отец усаживал её на колени и раскладывал на столе фотографии, на которых он был даже младше её. Этому она очень удивлялась: «Разве папа может быть младше дочки?» Он показывал ей своих друзей, говорил, что многие живут в других

городах, а некоторые живут в Испании, а вот он всё никак не может до неё добраться, до своей далёкой родины. В его словах было столько горечи и боли, что эта боль невольно переселялась в её маленькое детское сердечко. И она была полна решимости: «Вырасту и обязательно отвезу папу в эту загадочную Испанию, раз ему этого так хочется».

Неожиданно всё случилось раньше. Они начали собираться в дальнюю поездку вместе с мамой и сестрёнкой. И вот уже готовы к отъезду вещи, а всё остальное домашнее имущество или продано, или роздано просто так. Но... Папа внезапно слёг и не смог оправиться от тяжёлой болезни. Его последняя просьба: «Не меняй фамилию, оставайся моей дочерью навсегда».

А потом всё закружилось неугомонной юностью, нахлынуло любовью, обременило семейными заботами и совсем придавило в ужасные 90-е. И странный вопрос всё время крутился в её голове, который она однажды задала своей матери: «Почему мы не уехали отсюда в 56 году с первым потоком возвращающихся домой «детей войны»? Почему, мама, ведь у папы не было даже советского паспорта, а только «вид на жительство», как у политэмигранта»? И давняя семейная тайна, наконец, ей открылась.

***

Хосе собрался в Москву стремительно, как только узнал, что нужно готовить документы для возвращения в Испанию. У его жены тревожно сжалось сердце, она очень боялась, что когда-нибудь этот момент наступит. И вот это случилось. Посерел и нахмурился отец Зинаиды, он и так не сразу принял своего зятя. Долго приглядывался к нему, тревожился: «Уж не мусульманин ли он с Кавказа? Будет дочку перетягивать в свою веру». И хоть в то далёкое время, спроси любого, так вроде в Бога и не верит, но почему-то яйца в Пасху обязательно красят, куличи пекут и потихоньку в храм сходят всё это освятить. Такой вот странный атеизм был. Браков смешанных в стране было много, но, если смотреть правде в глаза, не в каждой семье это принималось просто. Вот и родители Зины не сразу дали своё родительское благословение, но потом полюбили ласкового и доброго испанского юношу всем сердцем. Правда, тревога о будущем дочери и внучки всё же жила в сердце, слишком уж часто вспоминал свою далёкую родину их зять. Когда дочь пришла поделиться с родителями о предстоящих планах Хосе, мать запричитала, а отец выговорил: «Предупреждал ведь тебя!» Перед Зинаидой встал вопрос: «Что делать!» Она слишком любила своего Хосе, чтобы отказаться от него. А он ни на минуту в ней не сомневался, считая само собой разумеющимся, что жена с малюткой дочкой, которой не было ещё и годика, поедут с ним. Тоска и неуверенность навалились на молодую женщину, пока муж срочно собирался в Москву. Когда он, уходя, махнул рукой своей жене, у неё почему-то сжалось сердце от какого-то нехорошего предчувствия, но она отмахнула его. «Ну что может случиться? У Хосе даже нет советского паспорта. Кому же уезжать, как не ему? И раз Франко с Хрущёвым договорились и разрешили «детям войны» вернуться домой, значит и здесь всё будет благополучно», — отогнала она рассуждениями свою тревогу.

Действительно 1956 год был удачным для решения этой двадцатилетней проблемы. Хрущёв после смерти Сталина хотел показать СССР свободной и открытой страной, а Франко, хоть и с большим недоверием относился к воспитанникам Союза, но хотел использовать эту договорённость в рекламной цели. Он также старался приукрасить свой диктаторский режим, который к этому времени и в действительности становился более либеральным. Особенно афишировать диктатор приезд эмигрантов не хотел, он очень опасался их — долгожданных «детей войны». А в СССР возвращением больше всех были недовольны руководители Компартии Испании. Все эти политические разногласия и разборки были совершенно неведомы, да и не интересны, выросшему на советских хлебах испанцу, любившему свою вторую Родину, но по-прежнему страстно желавшему вернуться домой в маленькую деревню Кастаньера в Астурии, где уже долгие двадцать лет ждала своего сына мать.

Когда Хосе вышел на вокзале из поезда, прибывшего из Тулы, он напрямиком направился в милицию. Лицам, не имевшим гражданства, нужно было при пересечении другой области об этом уведомить. Хосе протянул дежурному свои документы, в которых он был обозначен как политэмигрант с видом на жительство. Милиционер поднёс их близко к лицу и стал внимательно разглядывать, видимо с трудом вчитываясь в непривычное имя и фамилию. Потом попросил его подождать и пошёл в какой-то кабинет. «Начальству докладывает», — догадался Хосе. Через некоторое время его пригласили. Розовощёкий плотный начальник, возраст которого трудно угадывался из-за лоснящегося трёхслойного подбородка и живота, упирающегося в письменный стол, вежливо пригласил испанца присесть.

— С какой целью, молодой человек, вы прибыли в столицу нашей Родины?

— Мне нужно оформить документы для отъезда на родину.

— Какую родину?

— В Испанию, к месту жительства моей матери.

— Ваше имя, отчество, фамилия?

— Хосе Мануэль Мартынес

— Хосе Мануэлович, наверное?

— Нет, Хосе Мануэль Мартынес.

— Ну, ладно-ладно, Хосе Мануэль, так Хосе Мануэль.

— Где проживает в Испании ваша мама?

— В деревне Кастаньера, районного центра Нава в Астурии.

— Вы семейный.

— Да, у меня жена и дочь.

— Вы, молодой человек понимаете, что это небезопасно для вас. Какая там ситуация. Вы хорошо подумали, Хосе Мануэль, о существующих проблемах?

— Каких?

Начальник пристально посмотрел на Хосе. Глаза его сузились, стали колкими, словно хотели пробуравить насквозь. От этого взгляда Хосе стало неуютно, и внутри похолодало.

Милиционер снова задал вопрос, не отвечая испанцу:

— А, как жена смотрит на ваш отъезд? — из-под наплывших век на Хосе сверкнули тёмные маленькие глаза.

— Жена не смотрит, она поедет со мной.

Лоснящееся лицо приобрело холодное, застывшее, словно маска, выражение.

— Подождите. Нужно проверить ваши документы, и все обстоятельства. Придётся вас задержать ненадолго.

— На сколько, ненадолго? Мне нужно срочно подавать документы в посольство.

Начальник не удостоил Хосе ни ответом, ни взглядом. У дверей уже стоял милиционер, который подталкивал его к выходу. Пройдя всего несколько шагов по коридору и, шагнув в одну из открытых для него дверей, испанец очутился в небольшом полутёмном помещении с маленьким окном под потолком. У стены стояли нары в два этажа. В нос ударил резкий запах сырости и испражнений. Хосе понял, что он находится в камере. «Господи, почему? — удивился Хосе, ведь друзья писали ему, что спокойно подали документы. — Что я сделал не так?» Ночь прошла в тревоге и раздумье. Утром принесли какую-то баланду, к которой он не притронулся.

— Чего кочевряжишься? — буркнул милиционер, забиравший миску.

— Я в столовой поем. Когда меня выпустят?

Милиционер неопределённо хмыкнул. А через полчаса пришел другой.

— Садись, сейчас причёску тебе сменим.

Хосе попытался отстраниться, но его грубо, со всей силы швырнули к стене.

— Наручники надеть?

Он понял, что в полной власти этой грубой безжалостной силы и подчинился. Тёмные кольца кудрей, невольная зависть подруг его жены, пушистым ковром ложились у его ног.

Один день менял другой. Менялись сокамерники, которые долго не задерживались в этом тесном, давящем пространстве. Ему повезло не столкнуться с жестокостью внутри камеры. Задерживали в основном мелких молодых хулиганов, которых отправляли на такие же мелкие исправительные работы. На восьмой день к нему завели мужчину, который резко выделился из этой молодёжной массы. Пожилой возраст угадывался, но сглаживался выправкой и молодым блеском глаз. Мужчина был элегантно одет, а свежесть одеколона даже на некоторое время заглушила неприличные камерные запахи.

— Давайте знакомиться, молодой человек. Я — Михаил Иванович, а вы?

— Хосе Мануэль.

— О, мой друг по несчастью испанец!

— Да.

— И что же вы тут делаете. И что-то мне подсказывает, что уже не один день! Так?

— Да, уже восьмой, и ничего не говорят.

— Расскажешь?

— Да собственно особо нечего. Написали, что можно возвратиться, вот я и поехал...

Хосе рассказал свою незадачливую историю. Сокамерник смотрел с интересом.

— Да, насколько я знаю, собирается почти половина из приехавших детей, беседуют с ними, но чтобы сажали! Что-то не то. Ну, ещё раз о вашем разговоре с начальником и всё-всё.

Хосе пересказал снова.

— А что там про жену?

— Я сказал, что она не смотрит, а просто поедет со мной.

— Вот!!! Вот где зарыта твоя собака.

— Про жену не нужно было говорить.

— Почему?

— Этого не хотят. Ты испанец, она советская русская. Для неё это, как измена Родине. Понимаешь?

— Нет. Она моя жена, у меня дочка.

— Я думаю, что такие смешанные семьи не выпустят. Или их будет крайне мало. Правдой и неправдой постараются не выпустить. Тебе, парень, нужно было молчать о жене. А лучше говорить, что жена не хочет. Думаю, что сейчас тебя не выпустят. По крайней мере, до тех пор, когда уже ты точно не успеешь.

— Вы уверены?

— Почти. Я хорошо знаю систему. Правда, сам подумал, что с двадцатым съездом что-то изменилось. Вот, как видишь, ошибся.

— Вы политический?

— Лет сорок назад был им, а в тридцать седьмом избежал. А сейчас глупо. Глупо. Расслабился.

— Так вы сидели до революции!

— Да молодым студентом, верящим в революцию и ненавидящим самодержавие.

— Но разве вас могли арестовать?

— Арестовать, как видишь, могли, но, надеюсь, теперь нет статьи «без права переписки».

— Это так серьёзно?

— Это глупо, Хосе. Партийный съезд принял решение о возможности мирного существования государств с различным социальным строем, а я имел глупость публично это оспорить. Да ещё Маркса привёл в доказательство. И дело, Хосе, не в дискуссии политической. Всё гораздо проще. Политическую ситуацию всегда используют в своих корыстных интересах подлецы. А они в мире не перевелись, они найдут, за что зацепиться, чтобы убрать со своего пути, тех, кто им мешает.

Хосе подумал о том, что если этот заслуженный человек, участник революции, оказался не защищённым, то на что же рассчитывать ему. Он понял, ему стало всё безразлично. Расхотелось о чём-то говорить, даже думать. Какая-то глухая пустота обволакивала его.

Михаил Иванович заметил перемену в настроении парня.

— Ты, Хосе, надежды не теряй! Сейчас у тебя есть выбор. Ты можешь уехать один, или повременить. Мне, кажется, что в мире всё же веет ветер перемен. Всё-таки наступят другие времена. Ты, парень, главное, веры не теряй! Пережди. Но веры не теряй! Как без неё? Увидишь ты ещё свою маму и свою Испанию!

На другой день Михаила Ивановича увели. На прощанье он поднял вверх кулак: «¡No pasarán!». Такой родной испанский жест. Хосе мысленно пожелал старому революционеру удачи. Он никогда больше не увидит своего случайного знакомого, но мужество и достоинство этого человека останутся у него в памяти навсегда.

На десятый день его снова приведут к начальнику, который спросит его, не изменил ли он своих планов. И Хосе скажет, что изменил, и что он остаётся с семьёй в СССР. Буквально через полчаса он уже покупал обратный билет на вокзале. Наверное, он всё-таки мог бы пойти в посольство. Наверное. Но не пошёл.

Дома его ждала Зина. Она уже проплакала все глаза. Она не знала, что подумать. Рубашка Хосе насквозь промокла от её, сейчас уже счастливых слёз. А в кровати доверчиво тянула к нему пухлые ручки его маленькая дочка. Он так соскучился по ним, по своим милым девочкам. Ну, разве он может уехать? А дорога домой обязательно будет впереди.

***

Так думал отец Ирины. Но ему не суждено было проделать эту дорогу домой. Видимо молитва его жены, остаться дома, была больше угодна Господу. Они хотели быть вместе, они хотели быть далеко друг от друга. Два несовместимых желания.

Его дочь — Ирина проделала эту дорогу за отца. И земля с его могилы легла к порогу его дома, а земля от его дома будет на его могиле. И сейчас она мысленно обращалась к своему отцу: «Ты так хотел домой, ты так мечтал о дороге домой. Я думаю, что ты понимаешь меня, папа! У каждого из нас своя дорога. Главное, чтобы ты смог осуществить её в своей жизни».

ДУШИСТЫЕ ЯБЛОКИ АСТУРИИ

*Посвящается Маргарите Висенте
в память об её отце Хосе Висенте Мартинес*

Солнце, спрятавшись за соседнюю гору, которая своими очертаниями напоминала кошку, свернувшуюся в клубок. Вершина горы была похожа на оттопыренное, настороженное ухо, которое постепенно закрывала и сглаживала темнота. В саду сразу стало темно и прохладно.

В горах всегда так. Уходишь до вечера, не забудь прихватить с собой тёплую кофту, как бы тепло не было днём. Но Хосе, сидящий под яблоней, не заметил этой перемены. Холод и оцепенение сковали его со вчерашнего дня, когда бойкая телеведущая с каким-то воодушевлением сообщила о попытке государственного переворота в Москве. Ещё не прошло года, как он с женой приехал к матери на долгожданную Родину. Ещё в его душе теплилась надежда, что и здесь он — Хосе Висенте найдёт своё место. А накопленные за долгую жизнь знания и опыт пригодятся на земле его предков. И земляки его матери будут также гордиться им и уважать его, как в далёком теперь Курске, который никак не уходил из его сердца.

Хосе вздрогнул, когда тёплая куртка легко легла ему на плечи. Он даже не заметил, как с большим трудом, еле передвигая ноги, сзади подошла мать. Она уже несколько месяцев не вставала с постели.

— Оденся, сынок. Прохладно.

— Мама, как ты встала? Зачем? Лежи, отдыхай!

— Належусь ещё, сынок. Придёт моё время. Сегодня так мало тебя вижу, что-то тревожно мне. Дай на тебя полюбуюсь. Вон ты у меня какой большой. Большой человек!

— Был большой мама, да весь вышел.

— Ох, родной, прости мать свою. Сорвался ты из-за меня, бросил всё. Очень я хотела, чтоб ты приехал. А теперь думаю, может и зря? Всё у тебя там было хорошо, я же видела. И город твой был такой красивый.

— Не знаю мама. Ничего не знаю. Видишь, что там происходит. Ещё несколько лет назад и подумать о таком не могли. Какая страна была, какая страна! Больно мне за неё, она ведь тоже мне родной стала.

— А когда-то хотел тайком в Испанию убежать, планы строил. Помнишь, ты мне рассказывал.

— Да, мама, хотел. К тебе хотел. Какой ребёнок не хочет быть рядом с матерью. Хотел сюда, в наш сад, вдохнуть аромат наших астурийских яблоч. Давно это было. А ты не беспокойся, я ещё посижу и приду. Давай я тебе помогу.

Хосе встал, легко поднял старенькое, хрупкое тело своей матери и зашёл в дом. Уложив мать в постель, заглянул на кухню. Там по хозяйству хлопотали жена. Подумал: «Всё не так, как дома в Курске, но терпит жена. Тоскует о дочери и сыне, о внуках, но терпит. Любит меня, по настоящему любит». Подошёл, обнял Эмилию за плечи. Она вздрогнула, мельком взглянула и отвернула голову. Но он успел заметить разом увлажнившиеся глаза:

— Ничего, Эмилия, прорвёмся, не такое переживали. Завтра придёт Хуан, кажется у него хорошие новости. Я пойду на улицу, посижу ещё немного в саду. Хорошо?

— Хорошо, — эхом откликнулась Эмилия, но головы не повернула.

Хосе заметил, что плечи её немного вздрогнули. Но он не знал, как утешить свою жену. Да, в сущности, он не знал, как утешить и самого себя. Наклонился, притронулся горячими губами к прохладному лбу, наполовину прикрытому шелковистой прядью волос. Вдохнул родной запах. Выйдя, из душного помещения на улицу, почувствовал облегчение. Но снова подумал, казня себя: «Убегаю от жены, как трус». Он ещё долго сидел под любимым деревом, то ли думал, то ли ждал, когда жена, уставшая от дневных забот, не дождавшись его, заснёт. И ему не нужно будет ни утешать, ни обнадёживать её в том, в чём он и сам был не уверен.

Утром пришёл закадычный друг Хуан, неунывающий оптимист, постарался растормошить своего друга:

— Эй, Хосе, не хандри! Сегодня точно у нас всё получится. Тобой интересовался руководитель департамента спорта Астурии. Я ему так разукрасил твои тренерские заслуги! И ты, давай, там не скромничай. Сколько чемпионов в СССР воспитал.

— То в СССР. Здесь наша страна доверия не внушает.

— Эх, Хосе, нужно было тебе со мной в пятьдесят шестом приехать.

— Эмилия не хотела, а без неё я не мог. А потом у нас с ней в Союзе была головокружительная спортивная карьера. Ты же знаешь. А здесь? Я не уверен, что в Испании я был бы на такой высоте и в таком почёте, как в Курске. Не очень-то нам и в то время доверяли. А уж образование достойное получить парню из деревни... Сам знаешь.

— Да понимаю, Хосе, что ты приехал только из-за матери. Кстати, как она?

— Неважно.

— А помнишь, как мы на её кухне с Висенте Морейя обсуждали наш памятник. Мы с тобой можем гордиться, и наше участие есть в этом деле. А памятник стоит теперь на набережной Арбейял.

Хуан горделиво выпрямился приподнял голову глаза его озорно блеснули. Хосе с любовью подумал: «Мальчишка Хуан и в шестьдесят остался мальчишкой».

— Да, Хуан, тот мальчик, сидящий на набережной, очень хотел домой, и я сейчас снова, как он. Только не понимаю, где мой дом.

— Здесь твой дом, Хосе. Здесь земля твоих предков. Ну, а Россию ни ты, ни я, конечно, не забудем. Правда удивительный парадокс возникает, там мы всегда были испанцами, а здесь нас часто называют русскими. Я сам удивился, когда услышал впервые.

— Тебе, Хуан, легче. А мне шестьдесят, я полвека прожил в России. Я впитал в себя её дух. Меня даже иногда родная мать не понимает, да и я многое не понимаю и не принимаю здесь. Трудно. Знать бы, может и не поехал.

— Возвратиться хочешь?

— Куда? Слышал, что там творится.

— О... — поморщился Хуан. — Пойдём, пойдём. Нам на поезд, потом поговорим.

В дороге большой темы почти не касались, это не для чужих ушей. Ровно в назначенный час, буквально за полчаса до сиесты, они уже входили в кабинет высокого начальства. Спортивный функционер встретил их улыбочиво, добродушно, в его подтянутой фигуре угадывалось спортивное прошлое. Это вселяло надежду. Они могли разговаривать с ним на одном языке.

— Да, у вас богатый опыт. Он, я думаю, нужен Астурии. Вы ещё многое можете сделать, хоть гимнастика — это не главное наше направление.

— Я понимаю, у меня и жены не только тренерский опыт, мы руководили большой спортивной школой, и ещё я занимался организацией спортивных праздников.

— Хорошо, всё это увеличивает вес вашего резюме. Что касается меня я бы хоть сегодня вас взял, но решаю окончательно не я. Давайте подождём. Я с вами свяжусь сам или через Хуана.

Руководитель департамента вышел из-за стола, чтобы на прощанье пожать друзьям руки. У Хосе немного потеплело внутри. «Может всё не так плохо», — мелькнула первая приятная за второй день мысль.

Следующая неделя прошла в пустом ожидании и надежде, которая таила из дня в день, но всё-таки перешла на следующую неделю, и следующую, и следующую... Из недель складывались месяцы, но ничего не меня-

лось. Сначала Хуан успокаивал: «Здесь быстро ничего не происходит. Демократическая бюрократия — это такая неповоротливая машина, в которой огромное количество разных скрипучих винтиков, пока они раскрутятся все! А ещё, если хочешь, плюс и испанский менталитет. Ты знаешь, — смеялся он, — если испанец говорит позднее, то это очень растяжимое понятие, которое трудно вместить в какие-то временные рамки». Но потом и Хуан потускнел, просто при очередной встрече разводил руками. А однажды пришёл сам под стать хмурому ноябрьскому вечеру, который плакал дождём и завывал ветром под окнами их дома.

— Хосе, друг, боюсь, что ничем тебя не обрадую. Я ещё в пару мест удочку закинул, но... Причину не объясняют, но везде отказывают.

— Понял я это, Хуан, понял уже. Работы нет, пенсии не дадут. Приплыли. Хоть снова мастера табуретки.

Друзья переглянулись, и первый раз за долгое время улыбнулись. В памяти всплывали далёкие дни детства, их дружба и вся та, казалось бы, далёкая жизнь. То незабываемое, что накрепко и навсегда их связало.

***

После долгого пути, после страшных детских воспоминаний о войне, детский дом в Пушкино маленьким испанцам показался сказкой. Воспитатели были ласковые и заботливые, а таких игрушек они дома и не видели. Летом их отправляли в пионерский лагерь «Артек» и красивая сказка продолжалась на берегу моря, которое ребята, особенно из Астурии, очень любили. И учиться Хосе не составляло труда, да и заниматься разными интересными поделками тоже нравилось. Особенно интересным ему показались занятия в столярной мастерской. Однажды, им устроили конкурс на лучшую столярную поделку. И Хосе ждал первый успех и первый пьедестал почёта. Это были не спортивные соревнования, в которых он будет побеждать позднее — это была сделанная им табуретка. Она оказалась самой красивой, изящной, а не просто небрежно сколоченным сиденьем на четырёх ножках. Эту табуретку по достоинству оценили все: и воспитатели, и друзья. А друзей ему здесь хватало, но самыми важными стали для него три друга родом из его мест: Хосе Мануэль Мартинес и Хуан Анья Родригес с его братом Луисом. Неразлучные друзья, как окрестили их в детском доме. По особому, очень тепло, к Хосе относился и воспитатель — Виктор Иванович Калинин. Но всё равно хотелось домой к маме. «Там война, — говорили им воспитатели и учителя, — подождите, совсем немного и снова будете дома».

Каким долгим оказалось это «немного»!

Война, от которой их увезли, пришла к ним снова. И снова нужно было убегать, прятаться, спасаться. Ехать в каком странном вагоне, холодном и грязном. Где единственным весёлым развлечением для мальчишек стала ловля вшей из их лохматых волос, после которой они устраивали вшивые бега — соревнования, чья вошь быстрее. Почти месяц они добирались до нового места, в детский дом небольшого городка Молотовск Кировской области, но пробыли там недолго. Через год их перевели в Киров, Хосе стал

учеником токаря на военном тракторном заводе. Их жизнь стала не такой безмятежной. И голодно, и местные мальчишки обижали, которые считали, что испанцам живётся и сытней и лучше. И они с друзьями решили, что будут жить прямо на заводе, чтобы не ходить по улице, не тратить силы, и тем более не ввязываться в драки с местными хулиганами. Спали прямо на картонках, которые подстилали на пол, рядом со своими станками. Сколько же радости было у друзей, когда в Киров приехал их воспитатель Виктор Иванович. Он разыскивал Хосе и хотел его усыновить и увести с собой в город Тутаев, где он был директором спец-интерната. Забрать мальчишек с военного завода было не просто. Пришлось это делать нелегально с помощью двух его работников. Девушки согласились помочь, хоть в военное время это было опасно. Нина и Вера разыскали Хосе и вызвали его к проходной.

— Хосе, Николай Иванович нас прислал за тобой.

— Я один не поеду. Если убегать, то вместе с друзьями.

— Хорошо. Только два-три человека, не больше. Вечером ждём вас на вокзале. Скажем куда и как. Понял.

— Конечно.

Хосе ни на минуту не сомневался, что друзья будут с ним. В последнюю минуту к ним присоединился и Винсенте Морейя Пикорель — будущий создатель памятника на набережной Арбейял. Из проходной вышли пораньше, чтобы не так подозрительно, вроде погулять пошли. На вокзале нашли девушек, которые узнали, когда и какой состав отправляется в Ярославль, и в какой вагон можно забраться. Вера и Нина строго-настрого приказали: «Сидеть в вагоне до прибытия на место и не высовываться!» К счастью добрались без приключений. Побег удался.

В Тутаеве Калинин поселил их на квартирах, жить в спец-интернате было нельзя. Они снова пошли в школу, после которой пути друзей разошлись в разные стороны. Кто-то хотел учиться дальше, кто-то просто устроиться на работу.

Война закончилась. Маленькие испанцы стали взрослыми юношами. Хосе не покидала мечта добраться до Испании, встретиться со своей матерью. В голове рождался план: «Поступлю в мореходку в Ленинград. А потом, когда буду проплывать мимо Испании, спрыгну с корабля и доплыву до родного берега». Экзамены сдал на отлично. Декан пожал руку. В списках поступивших Хосе не было. Перехитрить дальновидного «вождя всех народов» было трудно. Можно было успеть поступить ещё куда-то. Выбор остановился на институте физкультуры. Хосе всегда любил спорт. И этот выбор оказался на всю жизнь.

Здесь в институте он познакомиться с Эмилией. И это тоже был выбор раз и навсегда. Головокружительная юношеская любовь, успехи в спорте — всё это притупляло его страстное желание возвращения на родину, но когда наступил момент распределения на работу, после окончания института, он сказал: «Хочу туда, где растёт много яблок, как в Астурии». И его направили с женой в Курск.

Русское черноземье — благодатный край пшеничных полей, яблоневых садов и соловьиных рош. Хосе с Эмилией здесь «пришлись ко двору» ста-

ли и успешными спортсменами и тренерами. У них дочка, счастливая дружная семья. Всё меньше мыслей о далёкой Испании, но желание увидеть мать и прикоснуться к земле предков всё равно не проходит. Он не возвратился на родину в пятьдесят шестом, не мог оставить Эмилию, а она не хотела уезжать. И вот уже прошло тридцать лет с того дня, как корабль с драгоценным грузом — испанскими детьми прибыл в Ленинград. Он с женой и дочкой впервые после долгой разлуки вступает на родную землю. Хосе первый раз приезжает в гости к матери.

Поздним вечером машина подъехала к дому. Хосе выходит один, попросив жену с дочкой пока остаться в машине. Он полной грудью вдыхает опьяняющий горный воздух, перемешанный с яблоневыми ароматами от дерева, растущего возле входа. Наклоняет голову, входя в дом, ему кажется, что с далёкого времени его детства и дверь, и сам дом стали меньше, ссохлись и сжались, как древняя старушка. Как стучит его сердце! Наверное, его слышно на расстоянии. Он тормозит на пороге. А потом, глубоко вздохнув, перешагивает его.

Этот крик, вырвавшийся из материнского сердца. От него содрогаются улицы и дома. От него закачались звёзды на небе, сорвались и покатались по земле ароматные астурийские яблоки. «Мама, мама, как долго я шёл к тебе, мама». «Сын мой, как долго я ждала тебя!» И больше нет слов. Только шёлк волос под материнскими руками, только плечи, вздрагивающие от прикосновения рук.

Люди, придумавшие войны, вражду и ненависть, разве можно разлучать мать и сына?

Замри, земля, замрите, люди! Пусть на земле властвует только Любовь!

Хосе Мартинес с женой и дочерями Ритой и Ирой

*Хосе Мартинес.
35 лет*

*Мама Хосе Мартинеса —
Мария Росалио*

Хосе Висенте в детстве

Хосе Висенте, детский дом

*Хосе Висенте
студенческие годы*

Хосе Висенте

ТАНЦУЙ, ПОКА ЖИВА!

*Посвящается Мерседес Кото Сапико
и всем ленинградцам-блокадникам.*

— Приготовься. Твой выход, Марина.

— Сейчас, — ответила женщина с некоторым запозданием.

Ведущая концерта пристально посмотрела на неё.

— У тебя всё нормально?

— Угу, — поспешно кивнула Марина, чтобы не привлекать к себе внимание.

Но пришлось сделать большое усилие, чтобы встать со стула, на котором она сидела и из-за кулисы наблюдала за танцем своих воспитанниц. Ответственное выступление — 80 лет со дня привоза испанских детей в СССР. На концерте даже посол Испании. «Молодцы, девочки, хорошо отработали», — мысленно похвалила она своих танцовщиц. Девчонки и действительно порхали с веерами в руках, как бабочки, грациозно поднимая стройные ножки в жизнерадостном алегрияс. Она полюбовалась их молодой беспечностью, и про себя отметила: «Долгие репетиции не прошли зря».

Самой ей предстояло танцевать соло, танцевать фламенко.

«Так, соберись, Марина. Соберись! — приказала она себе. — Есть только ты и танец». Так учила её мама. Мамы нет сегодня в зале, но Марина знает, она незримо присутствует здесь. Она смотрит на неё. Уже раздаются первые гитарные переборы. Тихие звуки только настораживают зрителя. Вначале только предчувствие, пока ещё звуки не вылились в страстный призыв. Марина вздрогнула, глубоко вздохнула, и вот уже кисти рук, раскрылись цветком у самой груди движением флорео, а руки взлетели, словно крылья птицы. Струны вырвали из горла гитары рыдания, и само собой ноги танцовщицы под этот плач выстукивают сапатеадо. Лицо серьезно, и как будто спокойно, но там под полуприкрытыми ресницами постепенно разгорается костёр. «Как хорошо, что танцую фламенко, и не нужно улыбаться. Фламенко — это страсть, это любовь. А разве любовь бывает без боли?» Всё выше и выше полёт, словно, и правда, она птицей взлетела над зрительным залом. Машинальное движение рук вниз, и пышный алый подол юбки, обрамлённый в несколько рядов чёрными оборками, поднимается до колен. Обнажаются ноги. Страсть и, всё поглощающий огонь, сосредоточился в них. Всё чаще и чаще дробный звук, и ей кажется, что выстукивают не ноги, а её сердце. «Мама, родная моя, мама! Я танцую мама, несмотря ни на что! Есть только я и танец.»

***

Страшная блокадная зима настигла Мерседес и Лусию — двух подружек, воспитанниц ленинградского детского дома на Тверской. Их не успели эвакуировать, как и многих других жителей Ленинграда. Четыре предыдущие года они жили в новой стране, вспоминая о далекой родине, но понимая, что здесь им выпала удача, они могут осуществить свою мечту — стать настоящими балеринами. Их детские воспоминания о войне в Испании не сулили им особенных перспектив.

Но война снова пришла к ним. И сейчас было ещё страшней, чем четыре года назад в Испании. Там тоже была война. Там тоже стреляли и убивали. Там тоже было голодно. Но самое страшное они увидели здесь, на этой войне. Этот ужас назывался — блокада.

Юные испанки — ученицы Галины Улановой, оказались в самой страшной первой блокадной зиме. Вместе со всеми ленинградцами они и голодали, и замерзали. Замерзать им, южанкам, было ещё тяжелей. Хорошо, что их взяли на работу в госпиталь. Здесь было немного теплее, и их всё-таки кормили. Но постоянное чувство голода не покидало совсем, даже, если они только что пообедали, и даже если это была каша, политая сверху подливкой из дрожжей — изобретение ленинградских учёных, немного заменявшее потребность в белках. Слабость была естественным состоянием солдат и госпитальных работников. Людям крайне необходимым становилось усиленное питание. А чем можно было его усилить? И у медиков и у солдат стремительно развивалась алиментарная дистрофия. От неё погибали больше, чем от ранений врачи, сёстры, нянечки часто прямо на работе. У некоторых раненых к тому же была большая кровопотеря, и им нужно было переливать кровь.

В самую страшную голодную первую зиму блокады и медики, и простые ленинградцы не прекращали сдавать кровь для раненых. Девчонки-испанки тоже стали донорами, и через три, четыре недели ходили сдавать кровь. В этот день подружек кормили в столовой Ленинградского института переливания, но слабость становилась ещё больше. На другой день добратся с дежурства домой не было сил. Спали в госпитале. Это спасало и от трудной дороги и от страшных видений. Кругом на улицах валялись замёрзшие трупы. В госпитале они тоже видели смерть, но там она была более естественной. Было больно, было жалко, но не так страшно.

Вчера они видели шагающего трупа.

— Мерче, смотри он же мёртвый идёт, — прошептала Лусия.

— Мёртвый не может идти, не говори глупости.

— И всё-таки он мёртвый.

В эту минуту человек с мёртвым лицом тихо съехал по стене на землю. Девчонки подошли. Мерседес наклонилась посмотреть пульс и дыхание. Человек действительно был мёртвый. И она содрогнулась. Не зря Лусие показалось, что он идёт мёртвый. Мерседес уже начала привыкать к трупам, валяющимся на земле. Человек ко всему привыкает. Но лицо этого человека, в которое она заглянула так близко, она никак не могла забыть. Оно стояло перед глазами и никак не уходило.

Сегодня они не пойдут домой — это хорошо.

На другой день была обычная работа, но им дали хорошо выспаться, поэтому сил немного прибавилось. Меняли бельё, кормили, убিরались, помогали в перевязочной.

— Молодцы, девушки. Цельный день без перерыва работаете. А ведь вы вчера кровь сдавали? — Военврач посмотрел на них как-то по-особому тепло.

Девчонки знали, что в госпитале их любят. До войны они тоже ощущали это дружественное и сочувственное отношение от людей, узнавших их испанское происхождение.

— Ну что такого. Здесь все сдают. Мы, как все.

— Вот, вот. Как все! — покачал головой военврач. Но в голове промелькнула мысль: «А как все, не должны. От войны спасались — к войне приехали. И не просто вместе со всеми переносят лишения и страдания, а стараются помогать нам».

— Василий Петрович, а нам вчера карточки новые дали. Мы их завтра пойдём на Староневский отоваривать.

— Так это завтра. А сегодня вам ещё работать нужно. Так что давайте, милые мои доноры, бегом на кухню. Я распорядился. Вас покормят.

Бегать у них, конечно, давно не было сил, но они заторопились. Разговор о еде вернул девушкам острое чувство голода, которое немного отступило во время работы. Поэтому они с удовольствием двинулись навстречу кухонным ароматам.

На кухне их встретила Дарья Семёновна, или для большинства сотрудников просто тётя Даша. Ещё в сентябре — это была дородная, с румянцем и красивыми ямочкам на щеках, улыбчивая женщина. Про таких часто говорят: «Кровь с молоком». В середине декабря её было не узнать: она побледнела, похудела, резко состарилась, но приветливую улыбку всё-таки не потеряла.

— Пообедать идёте? Да, знаю, главврач распорядился покормить вас. Кровь вчера сдавали?

— Да. Тётя Даса, а вы тоже донор? — Имя «Даша» было для девчонок трудно произносимым.

— У меня группа крови не такая. У вас, наверное, первая?

— Да, у нас первая!

— Видите, вам повезло.

— Повезло?

— Конечно, кровь берут только у универсальных доноров.

— Мы уни-вер-сальные? — с трудом выговорила Лусия.

— Считается так. Вашу кровь всем переливать можно.

— Тогда и, правда, нам повезло. Спасибо, тётя Даса.

Суп ели потихоньку, маленькими глотками, это непонятное месиво казалось им верхом совершенства. Приободренные обедом, пошли доделывать свою работу.

В конце декабря настроение не только у Мерседес и Лусии, но и у всех советских людей улучшилось. Фашисты под Москвой были остановлены, а пятого декабря Красная армия перешла в наступление. Враги от столицы были отодвинуты. Это вселяло надежду и в ленинградцев.

Приближался Новый год. Для раненых было решено провести новогодний концерт. Среди сотрудников госпиталя нашлись и певцы, и чтецы, и музыканты. Только танцевать никто не соглашался. А может, просто на танец не было сил?

— Девочки, — обратилась к ним старшая сестра, — Вы вроде до войны балету учились? Потанцуйте в концерте. Может, отрывок какой исполните?

— Из балета, наверное, нет. А вот испанский танец, наверное, сможем?

— Вот и хорошо. А то какой концерт без танцев?

Девчонки задумались.

— А что мы будем танцевать? — спросила Лусия.

— Не знаю. Хоту, наверное, не сможем. И подпрыгивать трудно, да и с колен не подняться. Давай сами придумаем танец. Некоторые движения уберём. Назовём просто: «Испанский танец».

— Давай попробуем, — согласилась Лусия, — нужно найти дома наши испанские юбки. Без юбок не будет хорошо.

— Поищем, они где-то лежали. Нам с тобой ещё нужно сходить в магазин. Дома, открыв чемодан, они увидели сверху свои летние платья и сарафаны. Эта цветастая куча вызвала у них чувство удивления и отторжения. Вещи показались странными и чужими. А ведь они носили их всего несколько месяцев назад. Откинув их за ненадобностью, на самом дне обнаружили нужные для выступления юбки. Встряхнув, примерили. И даже сделали несколько танцевальных па.

— А что, Лусия, станцуем! Мы же с тобой ученицы самой Галины Улановой.

— Конечно, Мерче. Только нужно репетировать. Мне, кажется, я уже всё позабыла за эти месяцы.

— У нас есть несколько дней.

Погревшись кипятком, они отправились отоваривать свои талоны.

Это был особенный день. 20 декабря 1941 года в Ленинграде было принято решение о специальном донорском пайке. И для выдачи его даже был открыт магазин на Староневском проспекте. Для девчонок это была сказка наяву. Конец декабря, когда пайка хлеба, чёрного с примесями Бог знает чего, составляла всего сто двадцать пять грамм, им в руки дали настоящее богатство. Впервые за несколько месяцев блокады они увидели белый хлеб, и норма его на день была двести грамм. В пайке были не только крупа, сахар и масло, но и маленький кусочек мяса и рыбы. Полагалось на день и пол-яйца, но им дали яичного порошка. «Может и лучше, — подумала Мерседес, — а то яйца могут разбиться». Но больше всего их обрадовала конфета. Последний раз они ели такую карамельку только в августе.

Голод приучил их не сразу набрасываться на еду, а есть понемножку, маленькими кусочками через большие промежутки времени. Они терпели, приказывая себе: «Подожди, подожди, пока нельзя». Через какое-то время ещё немного брали в рот, старательно пережёвывали и, как можно дольше, держали во рту. А какое страстное было желание наброситься и сразу всё и проглотить! Нельзя! Они это знали. Съесть сразу — было хуже, чем долго не есть совсем. Но вот от соблазна съесть конфету не удержались и, сразу же, у магазина, поделив её пополам, положили в рот. Это был верх блаженства! Вкус липкой карамельки с кисловатой тягучей начинкой останется в их памяти самой вкусной сладостью всей их жизни. А сейчас, даже в мороз минус тридцать с лишним градусов, показалось теплее.

«Теперь выживем. С таким пайком выживем», — думала Мерседес, идя с подругой на Тверскую, укорачивая свой путь, проходами по тропинкам, являющимися между ленинградскими домами-колодцами.

Серая тень надвинулась на них неожиданно. Злые колючие глаза, поднятый воротник и завязанная шапка-ушанка придвинулись вплотную к Лусии. Жёлтые, в тёмных наколках, крючковатые руки выхватили мешочек с продуктами из рук перепуганной девушки. Мерседес бросилась к подружке стараясь оттолкнуть бандита, но была сбита с ног. Видимо он был не один. Тяжело

поднимаясь с обледенелой тропинки, она обречённо поняла, что и её мешочка тоже нет.

Одинаковые мешочки для балетных тапочек они сшили из ткани, которую купили для оборок на юбки. У кого-то из учениц балетной школы были синие, у кого-то серые, и только у них с Лусией — красные. И они этим очень гордились. Но сейчас в этом мрачном, сером, замерзающем городе именно эти яркие мешочки стали их бедой, говорить о которой они никому не стали.

Опустошённые и разбитые они долго добирались домой. Во рту ещё держался вкус, прилипших к зубам остатков пуншевой карамельки. Десять дней до следующего пайка нужно было как-то держаться. Хорошо, что в детском доме вечерами они могли поужинать вместе со всеми. А нужно было ещё репетировать танец. Они заставляли себя это делать с трудом. В грязь лицом ударить было нельзя.

Голод снова подступил близко. Вместе с ним острее стал ощущаться холод, который моментально поселялся в их комнате, как только прогорала буржуйка. Огонь нужно было беречь. Они уже сожгли три табуретки и принялись разламывать этажерку, складывая с неё под кровать любимые книги. Книги Мерседас хотелось сберечь. Но иногда, кутаясь в кровати, всем, что только могла найти, она видела вверху на потолке это страшное мёртвое лицо. А, когда её начинало трясти от холода, это лицо нависало над ней, и его страшная гримаса сковывала тело девушки. Ей казалось, что сама она превращается в ледяную глыбу — в этот окоченевший на улице труп. Тогда она протягивала руку под кровать, доставала первую попавшую книгу и, по-предательски отвернувшись, боясь разглядеть, что это за книга, бросала её на тлеющие угольки. На короткое время вспыхивал костёр, на котором она хотела хоть чуть-чуть согреться. Но мгновение тепла было таким коротким! Эти голодные и холодные дни показались им вечностью.

Концерт было решено сделать после вечернего обхода в самой большой палате. До войны в здании госпиталя было какое-то учреждение, а эта комната, по всей вероятности, предназначена была для большого конференц-зала. Паркетный пол ещё хранил некие следы довоенной ухоженности, хоть местами его и начали снимать на растопку. В центре освободили место для выступления, в первый ряд поставили койки тех, кто не мог встать, затем расставили стулья.

И вот всё, наконец, готово. Концерт начинается. Мерседес и Лусия ждут своей очереди. Наконец, на скрипучий патефон ставится их любимая пластинка с испанскими мелодиями. Иголлка опускается на нужную дорожку, и звуки гитарного перебора, через который прорывается постукивание кастаньет, наполняет всё пространство. Девочки скидывают халатики и выходят в центр круга. Сначала медленно, потом набирая темп, выстукивают каблочки испанских туфель с туго застёгнутыми у лодыжек потёртыми ремешками. Раскрываются в полу-солнце пышные юбки. Взлетают крыльями руки танцовщиц, по которым соскальзывают к подмышкам широкие рукава, обнажая невероятную худобу и слишком выделяющиеся локти. Но это настолько обыденно, что проходит мимо внимания зрителей.

Танец захватывает. Его страсть и огонь пробуждают в человеке человеческое. Это — любовь, без которой бессмысленной становится сама жизнь.

— Мерче — шепчет Лусия, придвинувшись к подруге — я не могу больше, упаду.

— Отходи, дотанцую одна.

Мерседес, приподнимает подол, темп сапатеадо становится быстрее. Пятка — носок, носок — пятка. «Не смей падать, Мерседес! Танцуй, пока жива! Есть только ты и танец!» — приказывает она себе. Что чудится ей и всем вокруг в этом, ставшем вдруг оглушительном стуке? Не понимая, они предчувствуют. Её каблучки сейчас — будущий стук сапог по брусчатке на Параде Победы.

— Танцуй, девочка, танцуй! — Выкрикивает усатый капитан с ампутированной ногой. — Танцуй назло им! ¡No pasarán!

***

Аплодисменты. С нескольких сторон раздаются крики: «Браво»!

— Мама, я знаю, ты танцевала вместе со мной. Я помню, мама: «Есть только я и танец. Танцуй, пока жива!» Ты улыбаешься? Конечно, мама, я понимаю тебя. Что значит элементарная простуда по сравнению с алиментарной дистрофией.

Марина Кото

Мерседес Кото Сапико

*Александр Железов
(Россия, г. Ярославль)*

Документальный рассказ Владимира Смирнова «ГОРЯЧИЙ ЯНВАРЬ СОРОК ПЯТОГО»

ВЛАДИМИР СМІРНОВ

ГОРЯЧИЙ ЯНВАРЬ СОРОК ПЯТОГО

Освобождённая родная земля осталась далеко позади. Мы шли по земле польского народа, несли ему свободу и избавление от фашистского рабства. А там, впереди, лежала фашистская Германия, страна, откуда пришла война и куда теперь бумерангом она возвращалась.

В январе 1945 года наши войска развернули наступление с Сандомирского плацдарма. В огромном потоке войск — стрелковых, танковых, артиллерийских, инженерных частей и соединений — наступала и наша 100-я танковая бригада 31-го танкового корпуса, в которой я служил с 1942 года. В сорок пятом я стал помощником, а затем и заместителем начальника штаба бригады по оперативной работе. Скажу откровенно, должность эта одна из боевых и самых беспокойных в таком небольшом штабе, каким является штаб танковой бригады. У оператора никогда не было свободной минуты. Всегда он обязан знать обстановку, то есть что делают противник и свои подразделения, каковы возможные ближайшие изменения этой обстановки, каковы потери за только что минувший бой... Вот далеко не все дела, которые выполняет офицер — оператор штаба.

В то время бригадой командовал полковник Дмитрий Федорович Гладнев, тридцатилетний офицер. Он был невысокого роста, плотно сбит. На первых порах ко мне, как, впрочем, и к другим офицерам, он тщательно присматривался. Вскоре Гладнев стал мне полностью доверять, требовал, чтобы я находился рядом с ним, часто посылал в батальоны оказать помощь комбатам в трудную минуту, проверить, как выполняется приказ. Словом, как говорят в таких случаях, мы хорошо понимали друг друга.

В те январские дни бригада очень часто составляла передовой отряд танкового корпуса, шла впереди его главных сил, действовала стремительно, дерзко, порой неожиданно для врага, ставя его в трудное положение.

Танкистам приходилось нелегко. Они постоянно находились на холоде, без сна и отдыха, порой у них просто не было времени съесть котелок супа или солдатской каши. Уходили танки дальше на запад, и оставался в недоумении повар с полным котлом горячего обеда. А люди тем временем вступали в очередную схватку с фашистами.

Во второй половине дня 15 января бригада достигла реки Пилицы в районе Щекоцины, с ходу атаковала этот населённый пункт. И вот неудача. Мы потеряли два танка, несколько человек из состава экипажей, в их числе командира танкового батальона майора Погана. Как потом выяснилось, в Щекоцины фашистское командование выбрасывало из резерва части 10-й моторизованной дивизии, один из её батальонов уже успел занять оборону.

...Короткий зимний день подходил к концу. Приближалась ночь. Предстояло решить, что же делать дальше. Командир смотрел на карту, напряжённо думал и молчал. Самым выгодным был бы обход узла сопротивления, но на флангах его простиралась заболоченная пойма реки. Мы не сомневались, что она плохо промёрзла и танки вряд ли пройдут по ней. Но идея обхода уже захватила всех. Кто-то подал комбригу мысль, что надо обходить противника значительно севернее, где кончались и заболоченная пойма, да и сам узел сопротивления. Комбриг согласился. Дозаправили машины горючим, подкрепились и люди из своих неприкосновенных запасов. С наступлением темноты тронулись в путь.

Мне командир приказал двигаться с головным батальоном.

— Будешь помогать командиру вести колонну, чтобы не сбилась с намеченного маршрута.

Стояла глухая ночь, временами сквозь рваные облака проглядывала луна, освещая по сторонам девственно чистый, нетронутый снег. Я сидел на броне перед башней, обхватив правой рукой ствол пушки, чтобы не упасть при резких поворотах или торможении танка. Мы спешили, но продвигались по глубокой снежной целине медленно. Часто останавливались, сверяли карту с местностью. В эти минуты смолкал рёв десятков дизелей и наступала такая тишина, как будто и нет никакой войны...

У деревни Пшилек танки вброд преодолели реку Пилицу, которая здесь была неглубока и не столь широка.

Ночь. Мороз крепчал. И хотя мы были одеты тепло, холод проникал, казалось, в самую душу. Встречный ветер бросал в лица танкистов летящий из-под гусениц снег. Вот и шоссе, которое шло из Щекоцин на Ченстохову. Танки вышли на него и устремились на запад, к населённому пункту Накло. А чтобы двигаться быстрее, зажгли фары. Сделав это, мы без всякого сопротивления вошли в Накло. И были удивлены. Немецко-фашистские войска не открывали огня. В населённом пункте захватили несколько орудий, два танка, много пленных. Часть танков перекрыла дорогу на Ченстохову, а остальные с рассветом обрушились с тыла на противника, засевшего в Щекоцинах. Враг не ожидал этого удара и поспешно бежал из узла сопротивления. Смелый маневр увенчался блестящим успехом.

После, при допросе военнопленных, выяснилось, что немецкое командование приняло наши танки за свои, подхода которых оно ожидало с часу на час. И больше всего «подвели» немцев свет фар на наших машинах и то, что мы спокойно въехали в село.

За двое суток бригада преодолела около сотни километров. К вечеру 17 января наши танки промчались по улицам крупного промышленного и административного центра Польши города Ченстоховы и совместно с бригадой 3-й гвардейской танковой армии освободила его. Успехи бригады были отмечены благодарностью Верховного Главнокомандующего. Она получила почётное наименование Ченстоховской. А на другой день утром мы уже были в маленьком городке Клобуцке, километрах в сорока западнее Ченстоховы. Каждый день танки оставляли позади себя не менее чем по полсотни километров. В десятках деревень, сёл и городов нас восторженно приветствовали. Фашистский кошмар уходил в прошлое. Советские солдаты достойно и уважительно относились к местному населению, рассеивая остатки злобной фашистской пропаганды. Мне не забыть, как в одном местечке, где мы остановились ненадолго, одна женщина сказала, что она хотела бы видеть коммуниста. И когда ей ответили, что вот они, советские коммунисты, рядом с ней, она никак не могла в это поверить, заявив: «Все вы слишком хорошие люди».

Осталось в памяти и то, как мы пересекали бывшую границу фашистской Германии. Это произошло январским утром. Было около восьми часов. Наша колонна растянулась на всю длину большой немецкой пограничной деревни. Казалось, в ней не было ни одной живой души. Ушли, что ли, все? Но прошло несколько минут, пока стояла колонна; вот то в одном, то в другом окне осторожно зашевелились занавески. Потом в переулке показался старик, к соседу торопливо прошла закутанная женщина. Нет, не произошло ничего необычного, танкисты курили, перебрасывались шутками, балагурили. И ни один дом не сгорел в деревне, ни одна курица не исчезла, даже словом не обидели жителей наши солдаты. А ведь у них были и боль, и гнев, и велик был счёт к фашистским извергам за злодеяния на нашей земле...

Бригада снова уходила далеко вперёд от главных сил корпуса.

Мне запомнился разговор тех дней с представителем штурмовой авиадивизии майором Хохловым (не уверен, что точно помню фамилию), который находился у нас в штабе бригады. Он частенько просил меня поподробней ознакомить его с обстановкой.

— Где мы находимся? — обычно спрашивал он.

Я показывал ему на карте положение батальонов бригады, сообщал, что где-то, километрах в тридцати, передовой отряд догоняли другие бригады нашего корпуса.

— А где пехота? — задавал он следующий вопрос.

Тут я нередко смолкал, не зная, что сказать. И тогда Хохлов огорчённо заключал:

— Не понимаю я вас, танкистов. Гоните и гоните без передышки вперёд, куда, порой и сами не знаете.

— Ну, это вы уж слишком... А воевать только так и надо.

Я видел, что Хохлов уходил от меня не вполне удовлетворённый разговором. Поэтому, как только поступали новые сообщения, знакомил с ними майора.

Часть сил 1-го Украинского фронта, в частности, 3-я гвардейская танковая армия и наш 31-й танковый корпус неожиданно были повернуты на юг и даже на юго-восток. Нам предстояло нанести удар по силезской группировке врага. И вот мы рвёмся в польскую Силезию, на Глейвиц (Гливице) через Гросс-Стрелитц (Стшельце Опольске). Оживился противник, оказывает всё более упорное сопротивление, оставляет на дорогах сильные заслоны, устраивает засады.

Ревет на дорогах танковая колонна. Переливается над полями в морозном воздухе её мощный гул. Овладели ещё одним городом — Люблинец. 20 января около пяти часов вечера южнее Люблинца путь пересекла неширокая река Малопана. У этой речки были крутые, почти недоступные для техники берега. Но танкисты действовали стремительно и дерзко. Танки головной походной заставы с ходу проскочили по каменному мосту на тот берег, и только потом уже мы решили осмотреть мост. Осмотрели и ахнули: все его опоры были увешаны взрывчаткой, от которой тянулись провода куда-то в лес. Разумеется, сразу же оборвали их. Не задерживаясь, танки потянулись на тот берег. Вот уже переправилась и вся наша бригада, чтобы тронуться дальше. Но надвигалась ночь, и оставлять мост без охраны было нельзя.

— Вот что, Смирнов, — услышал я голос полковника Гладнева, — возьмите два танка и организуйте оборону моста на ночь, передайте его целым командиру соседней бригады полковнику Тимофееву. Он должен подойти где-то к рассвету.

Уже растворился в вечернем морозном воздухе гул уходившей танковой колонны. Серые сумерки всё плотнее окутывали окружавший нас лес и дорогу. На ней у моста две тридцатьчетверки. И передо мной элементарно простая задача — сохранить в течение ночи мост. В те дни по дорогам войны блуждали многочисленные большие и малые группы вражеских войск. Они стремились прорваться на запад, уйти от полного разгрома. И, уходя, взрывали на дорогах мосты, устраивали заграждения, кое-где встречали наши части огнём из засад.

Оборону я организовал из имеющихся сил. Один танк был установлен недалеко от моста на изгибе дороги, шедшей со стороны Люблинца, но так, чтобы экипажу был виден и мост, второй — на том берегу, куда ушла бригада. Танки были покрашены в белый цвет, различить их в темноте можно только с очень близкого расстояния. Не хватало автоматчиков или стрелков. С ними было бы и надёжней и веселей. А силы у нас были на пределе. Вот уже почти десять дней мы наступаем, ведём бои. Я знал, что, стоит человеку в таком состоянии расслабиться на короткое время, его даже на морозе сморит сон. И с этим нельзя было не считаться.

— В экипаже одновременно двоим не спать, — распорядился я. — Не смыкая глаз наблюдать за дорогой и лесом через полуоткрытый люк. Время от времени друг друга проверять, можно шёпотом разговаривать.

Думали мы и о том, как опознать тех, кто появится на дороге, — враг или свои. Обменялись мнениями и решили: пехоту и автомашины останавливать окриком: «Стой, кто идёт?» Если после небольшой паузы не последует ответа, открывать огонь. Опознать танки нам было проще. Все танкисты почти безошибочно отличали гул колонн тридцатьчетверок от вражеских колонн. А на малых скоростях у тридцатьчетверок всегда можно уловить характерное шлёпание траков о катки. С командиром второго танка (помнится, то был лейтенант Жаворонков) договорились обмениваться короткими и негромкими посвистами.

Наступила долгая холодная ночь. Постепенно и неотвратно холод охватывает всё тело, казалось, во всём организме не осталось ни одной тёплой клетки. И неудивительно, кругом заиндевелая броня, мы без движения, только смотрим и ждём. Через какое-то время, несмотря на отчаянное сопротивление, начали смыкаться веки. Два раза тихонько свистнул лейтенанту Жаворонкову. Тот ответил. Хорошо, значит, не спит. В следующую минуту уже самому грезится что-то приятное, тёплое и радостное, вижу какой-то летний пейзаж.

— Товарищ капитан, — за плечо трясёт командир танка.

— Да-да, спасибо, задремал.

Встряхнулся, приподнялся на сиденье, потопал ногами. И вдруг вижу: метрах в ста через дорогу перемахнуло человек пять в белых масках. Свои, враги? Решил не окликать, тем более, что они скрылись в лесу, уходят.

Часа в три ночи послышался отдалённый, сначала едва различимый, а затем явный гул двигателей. Просигналил Жаворонкову. Тот начеку. И вот уже совсем близко на морозе режут натушно автомобильные моторы. Чувствуется, машины тяжело гружённые. Жаворонков громко окликает. Шум моторов оборвался. Тишина. Пауза, казалось, затянулась. В этот момент гремит выстрел нашего танка. Высоко над лесом взметнулось пламя, которое разгоралось всё ярче и ярче. Затем послышался редкий глухой треск. Стало ясно — горели боеприпасы. Мы с тревогой ожидали, что же будет дальше, появится ли ещё противник и каким он будет? Через час пожар стал стихать. Пошли с Жаворонковым посмотреть, что же там происходит. Оказалось, танк Жаворонкова сжёг грузовик, доверху гружённый фаустпатронами. А вот вторая машина стояла целая, до отказа набитая продуктами: мясными тушами, консервами, ящиками со шнапсом, были даже бочонки с пивом.

— Пригодится в хозяйстве добро, — не без удовольствия произнёс лейтенант.

Перед самым рассветом в той же стороне, откуда пришли и первые машины, внезапно раздалось несколько пушечных выстрелов, а затем вспыхнула ожесточённая автоматная стрельба. Там завязался какой-то бой. Мы с Жаворонковым поспешили на его танке в сторону стрельбы. Проскочив километра полтора, увидели прямо на дороге и рядом с нею три вражеских зенитных орудия, поставленных без какого-либо определённого порядка, наспех.

— Бей! — крикнул я лейтенанту, и он сделал подряд два выстрела из пушки.

Стрельба почти сразу же стихла. Впереди что-то горело, в беспорядке стояли грузовики. Вскоре выяснилось, что эти машины принадлежат тылам нашей бригады. При подходе к той самой реке, где мы обороняли мост, они наскочили на батарею зенитных пушек врага. Но самое опасное состояло в том, что в той тыловой колонне двигалась часть штаба бригады, где находилось её боевое знамя. Едва не случилось непоправимое. Когда к вечеру того же дня я докладывал комбригу о перипетиях ночи, он крепко выругался в адрес тыловиков.

— Я им, чертям, постоянно твержу, чтобы не отставали от танков. Так нет же...

Уже почти совсем рассвело, когда подошла танковая бригада полковника М. Е. Тимофеева. Я доложил ему о ночном бое, сдал мост. Мы все сразу почувствовали некоторое облегчение. Экипажи позавтракали трофейными продуктами. Всем я разрешил по чарке шнапса. Кое-что из продуктов ребята взяли с собой в машины, пополнили запасы и наши тыловики.

В тот день танки бригады совершили большой рывок вперёд. В 23 часа 20 января они ворвались в крупный город Гросс-Стрелитц. Чтобы ошеломить противника, посеять в городе панику, перед тем как атаковать его, танки сделали по три выстрела из пушек, а затем на полном ходу устремились на улицы. Эффект от такого тактического приёма был необыкновенный. Танкисты наблюдали, как гитлеровцы удирали из города в одном белье. Удар был стремителен и неотразим.

В этом городе я присоединился со своей группой к главным силам бригады. Противник пытался задержать нас, предпринял несколько контратак, но успеха не добился.

Остаток дня мы отвели на то, чтобы танкисты дозаправили машины горючим, боеприпасами, отрегулировали механизмы. Подтянулись поближе и тылы после полученного горького урока. А 22 января бригада снова двинулась вперёд.

Силезия была близка. Почти сутки безостановочно мчались машины. И вот внезапно среди ночи остановились на подступах к маленькому силезскому городку Пейскрехам. На его окраине горела тридцатьчетверка из головной походной заставы. Танки остановились. Комбриг нервничал, недоумевали мы, штабные офицеры. По всем данным, в городке не должно быть значительных сил противника... Только что Гладнева вызывал по радиостанции командир корпуса генерал Г. Г. Кузнецов. Разговор был неприятный.

— Что вы топчетесь на месте? Ждёте, когда вам в хвост стукнут? — недовольно бросил генерал, и разговор на этом оборвался.

Вскоре Гладнев уже отчитывал помощника начальника штаба по разведке капитана Борисенко.

— Кто в городе? — сердито задавал он вопросы.

— Могли быть только мелкие группы противника.

— Мелкие, а танк горит. Ни черта не знают ваши разведчики, да и вы вместе с ними. Я отстраняю вас! — распалялся Гладнев.

Горяч был порой командир бригады. Конечно, нелегко было в те минуты и ему...

Капитан Борисенко был сравнительно новым человеком в бригаде, да и вообще на фронте, в действующей армии. Он прибыл к нам в декабре сорок четвертого, прямо из академии, незадолго до зимних боёв. Нас познакомил начальник штаба бригады подполковник Александр Фёдорович Смирнов, мой однофамилец. «Жить будем вместе, в одной землянке, да и для дела польза — разведчик и оператор в боях не обойдутся друг без друга».

При знакомстве Борисенко сказал, что по документам он значится Гавриилом Григорьевичем, но все его зовут Григорием. Так Гришей стали звать его и в штабе.

Мы быстро сошлись и даже подружились. Вечерами в землянке на Сандомирском плацдарме, раскочегарив железную печурку, подолгу беседовали в тепле. Я рассказывал ему о танковых боях, о последних сражениях лета и осени 1944 года, в частности о том, как бригада участвовала в окружении бродской группировки противника и её разгроме. И чувствовал, что Борисенко завидует старым фронтовикам. Я, в свою очередь, восторгался тем, что он уже успел закончить военную академию. В одну из таких бесед Борисенко сказал:

— Войну мне надо закончить, как следует, чтобы потом не грызла совесть, что большую её часть просидел в тылу.

Сейчас же он страшно переживал случившееся, не находил себе места и всё думал и думал, что же ему предпринять. Когда он вошёл в штабной автобус, было видно, как осунулось, сразу постарело его лицо. Густые чёрные брови сошлись на переносице, между ними стала заметной отчётливая складка, тёмные глаза светились откуда-то из глубины. Мы замолчали. Борисенко машинально мямл папиросу, и в наступившей тишине было слышно, как сыплются табачные крошки на развёрнутую на столе карту. Я старался успокоить товарища.

— Ничего страшного, Гриша, возьми себя в руки. На войне всякое бывает.

Но было видно, что он почти не слушает меня. Неожиданно Борисенко быстро поднялся и вышел из автобуса. За ним поднялся и я. Он побежал к бронетранспортёру разведчиков. Усиливался мороз, под ногами хрустел свежий снежок, который крупными хлопьями плавно опускался на землю. Борисенко толкнул в плечо дремавшего водителя.

— Заводи! Идем в разведку в город! — Он жестом позвал к себе сержанта, объяснил задачу командиру отделения группы разведчиков, подсвечивая карту карманным фонариком. — Надо очень внимательно осматривать перекрёстки улиц, подвалы домов, окна...

Я вернулся в штабной автобус и больше не отходил от радиостанции. Борисенко всё время докладывал о продвижении бронетранспортёра, делился по ходу своими соображениями. Это позволило представить действия разведчиков в деталях.

...Мягко шурша шинами по припорошенной дороге, бронетранспортёр подходил к подбитой тридцатьчетверке. Пожар в машине утихал,

лишь языки ослабевшего пламени лизали через жалюзи раскалённую броню. Танк стоял рядом с маленьким домиком в самом начале улицы. Борисенко передал, что танк, видимо, подбили фаустники. Это было похоже на правду, так как фашисты всё чаще и чаще оставляли своих смертников с фаустпатронами на путях отступления.

Бронетранспортёр устремился в черноту притаившейся улицы, которая уходила вправо от основной магистрали. По обе стороны стояли одно- и двухэтажные домики, низенькие заборы торчали из снежных сугробов. Было тихо, и ничто не говорило о том, что в городе могут находиться большие силы противника. Где-то впереди, то ли в окне, то ли на чердаке, вспыхнул огонёк и тут же погас. Разведчики свернули в переулок. Они собирались, сделав небольшой круг, вернуться на центральную площадь, а оттуда к своим. Противника не было видно.

— В городе противника не встретил. Продолжаю разведку, — передал Борисенко.

Бронетранспортер мчался по чужому ночному городу. Разведчики сделали последний поворот, чтобы выйти на центральную площадь, и в эту минуту темноту ночи белым росчерком разрезала ракета. Вслед за этим сзади глухо ухнул взрыв, раздалась автоматные очереди.

— Огонь! — крикнул Борисенко пулемётчику. Крупнокалиберный пулёмёт перекрыл автоматную трескотню.

Только что прозвучавший взрыв, такой ослепительно яркий, глуховатый, был взрывом фаустпатрона.

Какое-то время главная станция почему-то не отвечала, и Борисенко, видимо, волновался: ведь сведения так нужны были в штабе.

И все же вскоре мы пробились через помехи друг к другу. Я почувствовал, как обрадовался Борисенко, узнав, что мы продолжаем следить за работой разведчиков. Мы и в самом деле не отходили от радиостанции все эти минуты, казавшиеся необыкновенно долгими.

— Гриша, как там у тебя?

— Всё в порядке. В городе только отдельные группы фаустников. Доложи самому... Повторяю, в городе отдельные группы...

Голос Борисенко оборвался, станция умолкла. Наш радист всё повторял и повторял позывной разведчиков, но лишь неоновый значок индикатора молчаливо и одиноко мигал на панели, да тихонько потрескивало в наушниках.

...Забрезжил серый, неуютный рассвет. Танковая колонна бригады входила в городок, наполняя упругим гулом узкие аккуратные улочки. Я глядел на стены серых домов, на мелко дрожавшие оконные стёкла и думал о разведчиках, понимал, что с ними произошло что-то неладное, но хотелось верить — не самое страшное. Автобус приближался к площади. Неожиданно на углу одной из улиц мы увидели какую-то машину. Она стояла, уткнувшись носом в металлическую изгородь сквера.

— Да это же наш бронетранспортёр!

Мы подошли к умолкнувшей машине, я рванул ручку неплотно прикрытой дверцы. Борисенко сидел на месте командира, рука его лежала на карте, развёрнутой на коленях. Казалось, он вот-вот поднимет голову

и что-то скажет. Я взял Борисенко за плечо, стал трясти. Он не подавал признаков жизни.

Наша бригада спешила. Задерживаться дольше здесь мы не могли. Погибших воинов было приказано похоронить в городке. Я снял шапку, в последний раз постоял минуту около капитана Борисенко. И невольно подумалось: как много за годы войны потеряно замечательных друзей, которых мы вот так торопливо оставляли навсегда...

Немецко-фашистское командование до последних дней не хотело мириться с мыслью о потере Силезии — этого крупнейшего промышленного района. Но теперь он окончательно переходил в руки его истинного хозяина — польского народа.

Мария Дьяконова
(Россия, Санкт-Петербург)

ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС, И ДО, И ПОСЛЕ (продолжение)

ВСТРЕЧА С МАТИАСОМ

Я заснула так мирно, а очнулась так резко, будто меня шлепнули по лицу, и тут же поняла, что сплю, просто смотрю ещё один весьма безумный сон.

Место напоминало приграничную зону, шлагбаум в полосу перего-
раживал шоссе.

Земля отчуждения выглядела мирно: на ней стоял исполинский дуб, и с него слетали листья-вертолеты, я отметила, что здесь по-прежнему осень.

Карабинеры были в альпийских накидках и неспешно похаживали вдоль жёлтой разделительной полосы.

Зато по ту сторону шлагбаума стояли лёгкие заморозки, и трава была подернута инеем, как сахарной пудрой, и там пограничники, встав цепочкой, держали небольшую, но очень возбуждённую толпу.

Люди выкрикивали что-то бессвязное, насакивали на карабинеров, но потом отходили.

Перед цепочкой пограничников и толпой ходили какие-то люди в штатском, именно они оттаскивали тех, кто особо разбушевался, по-
дальше в сторону, уговаривая вежливо, но непреклонно.

Из толпы выделялся человек, который бился с особым отчаянием.

На нем была приметная меховая шапка-боярка, пальто было растёгну-
то, глаза горели настоящим отчаянием.

Какая-то женщина пыталась его урезонить, но он кричал ей:

— Молчи! Все ты, все из-за тебя!

И продолжал:

— Пустите, там остались мои картины, мои детища, они бесценны!
Это незаконно! Пустите, мне нужно обратно! Пустите!

Его опять стали оттаскивать.

Что-то меня кольнуло в сердце, мимолётное какое-то чувство или до-
гадка, я вспомнила слова Дреаса про безумного художника и его жену,
как он говорил, его звали?

А, точно, Матиас!

— Чего они бузят? — спросила я пограничника.

— Как обычно, мисс, хотят обратно; но уже на незаконных основаниях.

— А бывает, чтобы кого-то вернули?

— Не помню, мисс, чтобы такое было!

Пространство показывало себя с совершенно новой стороны — оно не принимало отступников.

— Есть ли возможность с кем-то из них поговорить?

— Зачем вам смутьяны? Знакомого увидели? — добавил он сочувственно, — но лучше вам их не слушать, они вносят сомнения и злость, а это — заразно! Хотя, если уж очень нужно, просто крикните погромче, это делать не запрещено.

— Спасибо! — искренне сказала ему я. Затем набрала воздуха в лёгкие и проорала:

— Матиас!!

Секунда, и человек в приметной шапке оглянулся с дикой надеждой.

Чтобы он нашел меня, я крикнула ещё раз, первое, что мне пришло в голову:

— «Пути креста»!

Такой реакции я не ожидала: мужчина замахал руками и заплакал.

Я думала, что ещё сказать важного, чтобы успокоить его, и крикнула вот что:

— Крис сохранил их! Они будут жить!

Матиас оттер глаза ладонью, поклонился мне в пояс и крикнул:

— У него остался ключ! Ключ! Пусть поищет!

Я кивнула и крикнула:

— Он найдёт, Матиас!

Маленькая женщина подошла к нему бочком и стала рядом.

Лицо ее было заплакано, но за рукав она больше Матиаса не тянула.

Я махнула им рукой на прощание, они мне тоже, затем они повернулись и пошли прочь.

— Надо же, — прокомментировал пограничник, — ушли! Похоже, вы сделали доброе дело!

— Знаете, как это, когда совесть спокойна? — спросила я его.

— Знаю, тебя отпускает, и воцаряется мир. Хорошее состояние!

— Вот и ему это было нужно.

— Так и думал, что у него совесть не чиста... Он тут три дня убивался: даже на коленях просил. Хорошо, что все закончилось!

Да, действительно хорошо!

Я протирала носком ботинка замерзшую лужу, и поскользнулась, размахивая руками...

— Что, что такое! Я-сан, очнись! — встревоженный голос Два вернул меня к действительности.

— Время! Сколько времени, Два? — мне нужен был маркер для встречи.

— О, Боже, полшестого, кара!

— Хорошо, запоминаем, в 5.30 я встретила Матиаса, — пробормотала я и снова уснула.

ПОСЛАНИЕ КРИСУ

Утром меня разбудил аромат кофе.

Два стоял рядом и тихонечко дул на чашку, чтобы я проснулась.

Я открыла глаза и потянулась к чашке, Два быстро наклонился и легонечко коснулся моих губ губами, а затем, подвинул мне подушку:

— Доброе утро, кара! — он подал мне чашку и смотрел, как я пью, морща нос, кофе был горячий.

Серые его глаза излучали веселье.

Так вот, каково это, когда тебя любят!

Он мне не говорил ещё об этом, но я чувствовала, что все действия Два исходили из этого центра.

Он щедро дарил мне себя, и это было так ново, что я ещё не знала точно, как себя вести.

Это не страсти в клочья, это не платонический полёт, это когда ты становишься источником радости.

Пока я мечтала, Два сообщил мне, тоном секретаря:

— В 5.30 ты встретила Матиаса, тебе нужно было запомнить, — он посмотрел на меня, — где ты снова была, Мэри, всю ночь?

— Какой ты молодец! Я почти забыла... Была кое-где и получила послание для Криса. Знаешь, что?

— Не знаю, — отозвался Два.

— Матиас и правда, оказался отступником. Ошибся ли он сам, или его спровоцировали, но он — предал идею. И страшно об этом сожалеет.

Но теперь я знаю точно, что в пространстве города раскаяния не помогают, и шанс даётся только один.

Вот почему я не буду искать Слушателя.

Хочу понять, что за шанс дали мне, нам.

Думаю, это важно, его не упустить!

— Дева Мария! С тех пор, как мы знакомы, я все пытался вспомнить, как оказался здесь. Я воспринимал свою жизнь, как своеобразное заключение... Ну, а если это не заключение, а шанс, то все вокруг меняется волшебным образом!

— Да, и тогда это не ловушка, а наша возможность! Понять в чем она — только и всего!

Мы вошли в церковные ворота и малость опешили...

Во дворе стояла деловая движуха: двор был расчищен, разрушенная часть церкви в новеньких строительных лесах, несколько фигамамов и халабуд разобраны, вместо них красовалась огромная армейская палатка на взвод.

О, диво! Опять появились те же, что и вчера, рабочие!

Но сегодня они вместе со студентами сноровисто разбирали сгоревшую часть церкви.

Руководила ими до боли знакомая спина!

Она обернулась: точно, это был ММС.

Он широко нам улыбнулся:

— А, чемпионка! Утречко!

— И вам здравствовать! Как фирма? — я его ни капли не боялась.

— Строчит указы, что ей будет! С сегодняшнего дня велено убогим помочь в возведении Храма Искусства. Так что увидимся ещё! — и он мне свойски подмигнул.

— Это ещё кто? — спросил меня на ушко Два.

— Это, как бы тебе сказать, из конторы судебных вершителей и знаков подавателей... (Надо же, как меня точно осенило). Я зову его ММС, обычно он гоняет Слушателя, но как мы видим не только.

Глаза у Два были круглые, но он уже привыкал.

В эту минуту я увидела Дреаса, что шел к нам, руки в брюки, в такой глубокой задумчивости, ничего перед собой не видя.

— Эй, Дреас! — позвала я, — эй, прием!

Он вышел из анабиоза:

— Ой, Я-сан, Два! Не заметил вас... Может вы мне объясните, что все это значит? Вчера эти люди рушили стены, скручивали студентам руки и ломали наши шалаши. Вчера Прораб сказал, власти решили все разрушить, как не оправдавшие вложений дело! Сегодня пришел вон тот мужик и сказал: «Будем строить ваш Храм искусства».

«Что? Да вы нам руки вчера выкручивали!»

А мужик говорит работягам:

— Так, касочки снимаем, и извиняемся от души! Что, ребята, не ясно?

Под его добродушным взглядом, люди и впрямь, сняли кепки и каски, и проговорили нестройным хором:

— Были неправы! Выполняли приказ! Простите!

— Вот, молодчаги! Вот и славно! Все мальцы? Все в порядке у нас? — обратился он к студентам. Те от обалдения молчали.

— Перезожу: Бог с вами, добрые люди! И вы нас простите! Так, что ли? — гаркнул ММС студентам.

Ребята энергично закивали, и кто-то даже выкрикнул: «Да, дяденька!»

— Вот и славно! — произнес ММС удовлетворённо, — и пошли работать, пошли! Мне, что-ли больше всех надо, вот люди-то! Ишь ты, «дяденька»... — крикнул он.

— Убейте меня! Я брежу! — проронила Вирджиния, скрестив руки на груди.

Вот такую картину развернул перед нами Дреас.

— Да, дела! — я не знала, что ещё сказать, потом нашлась, — Дреас, вот и накамлали! Все же этого, в общем, хотели?

— Ну, да...

— Вот и ответ от неба. Правда, в очень причудливой форме. Не будем искать подвох, просто примем это!

— Просто примем?!

— Да! Ты заметил, уже второй день стоит солнечная осень, а это о чем-то да говорит! Где, кстати, Крис?

— Вон там, — махнул рукой Дреас вверх.

— Ага, ну, мы пошли тогда, увидимся! — я двинулась дальше, а Дреас задержал Два, и о чем-то с ним зашептался.

Я нашла Криса одиноко сидящим на верхушке стены, между гором и церковным двором.

Он сидел, подтянув колени к груди, и неспешно курил самокрутку табака, который пах вишневым вареньем.

Хотя было совсем нежарко, на нем по-прежнему были шорты в цветочек, черные лохмы трепал ветер, взгляд отрешённо скользил по крышам города, раскинувшегося внизу.

— Привет! — начала я, но Крис даже не поглядел в мою сторону, — а отчего ты на меня злишься?

Крис молчал довольно долго и курил, потом потушил окурочек и сказал:

— Ты не выезжаешь, — и он вздохнул, — не в тебе дело. Эта жизнь хуже книжек Эрвэ Баззена, она дурной фарс. Я так разочарован! Что бы я ни делал, как бы ни старался, все мои усилия пропадают зря! Кого я пытаюсь обмануть! Я бесполезен, понимаешь?

— Матиас так не думает, Крис!

Крис взвился, как дракон, до небес:

— Ты ничего не знаешь о Матиасе, ты ничего не знаешь об этом!!

— Конечно, до этого я и не знала... Теперь знаю главное, что Матиас очень сожалеет о том, что сделал! Но у него нет больше возможности ничего исправить, а у тебя она есть!

Крис посмотрел на меня испепеляюще:

— Откуда тебе знать, — закричал он.

— Я разговаривала с ним. Он велел тебе передать, что оставил ключ. Его, я так понимаю, найти можешь только ты.

Крис вскочил, схватил меня за плечи и стал немилосердно трясти:

— Где, где ты его видела!!

— Отпусти, ты убьешь меня! — взмолилась я, и в тот же момент нас настиг голос Два:

— Оставь ее, Крис! Я тебе все объясню! — он настроен был так решительно, что Крис опомнился и отпустил меня. Даже выдавил из себя: «Прости».

— Вот так и делай благие дела... — ворчала я, чтобы замять страсти.

Два сел рядом с Крисом, тот предложил ему сигаретку, Два взял, но закуривать не стал. Я выжидала, что же Два скажет.

— У Я-сан есть одна особенность, Крис. Она может жить во снах, перемещаясь и действуя так же свободно, как мы это делаем в жизни, здесь, например. Ее воля там, остаётся свободной, она может делать всё, что пожелает, понимаешь?

Не знаю как ты, но я если вижу сон, могу только за ним следовать.

Закурить, например, по-своему произволу я точно не смогу. Но не Я-сан. Она встретила Матиаса в пространстве сна. Это было на границе между нашей реальностью и какой-то иной.

Он пытался прорваться обратно, но не мог.

Я-сан сказала с ним пару слов, сколько позволили обстоятельства.

Матиас просил передать тебе про ключ.

— Вот оно как. Забавно. Что же он конкретно сказал?

— «У него остался ключ! Ключ! Пусть его найдет!» — процитировала я.

Крис переваривал молча, ни на кого не глядя.

— Крис, — позвала я, — ты не веришь нам?

— Выбор у меня есть? Даже если эта история всего лишь бред Я-сан и свободные ассоциации, я могу поискать, что за ключ...

— Вот именно! — обрадовались мы с Два.

— Если что, зови! — сказала я напоследок, уже спускаясь со стены.

Я узнала много нового в словах Два: во-первых, я никогда не обращала внимание на то, что он называл «свободой воли» во снах.

Это, оказывается, бывает не у всех, это во-вторых, а в-третьих, чем-то это может быть полезно?

Во дворе работа кипела; мне же осталось одно дело: найти Вирджинию и предложить ей комнату у меня для мастерской.

— Кто Вирджинию видел? — у студентов и рабочих был «перекур», они сидели в куче.

— Вирджиния ушла, — ответил мне шупленький студент, назвавший ММС «дяденькой», — сказала, ей нужно успокоить нервы!

Ага. Нервы, значит! Хорошо, дело подождёт.

Я уже направилась к воротам, когда увидела комичную процессию — во главе шла веселая Тата, далее ее студенты с кульками и пакетами.

— Где тут у нас Академия театра? — звонко воскликнула она.

— Храм-то будущий? Здесь, милая, здесь! — отозвался галантно ММС.

— О, сразу видно, свои люди! — одарила его Тата улыбкой, — Vivat Academia! Заходите, ребята! Это вам дары академической солидарности!

Из пакетов были извлечены плюшки, колбаски и сыры, бутылки кефира.

Народ страшно обрадовался и зашуршал.

Я улыбалась: бутерброды нам воздались сторицей!

Тата и ее ребята наделяли всех едой, не исключая рабочих.

— Вы теперь семья! — приговаривала она, — коллективный разум и сердце, кушайте на здоровье!

Пока длилась трапеза, студенты вежливо общались друг с другом.

Но вдруг Тата поднялась и отозвала меня в сторонку:

— Я-сан, это, конечно, не мое дело, но дети говорят, что не знают, когда начало лекций! — почти возмущённо сказала она.

— Ну, да. Правда в том, что курс бросили. И педагогов-то, наверное, нет...

— Безобразие какое! Какая безответственность!

— Тата, могу я тебя попросить кое о чем?

— Конечно! — за что ее и полюбила, за эту безусловную готовность оказывать поддержку.

— Подумай, не могла бы ты прочитать для них лекцию?

— О чем?

— О сакральной эволюции человечества, — выпалила я.

— Ого! Девочка моя, растешь! Сама придумала?

— Придумала-то я сама, но не знаю, во что это выльется... — добавила я, думая о работе и проблемах.

Зато Тата поняла меня по-своему:

— Выльется в то, что ты их возглавишь, у курса должен быть капитан!

Святые Небеса! Это вообще не входило в мои планы!

— Ничего, ничего, — похлопала она меня по руке, — привыкни к мысли! Так что, завтра лекция?

— Здорово, спасибо тебе!

— Ладненько, есть вечер, чтобы все продумать.

И когда мы вернулись к обществу, раздался ее звонкий глас:

— Ну, что дорогие! Вас с почином! Завтра начало лекций в 11.00 (взрослые тоже могут послушать), а в 14.00 встреча с Мастером курса, то есть с Яма-ри-сан! Не опаздываем, поезд уедет, в вагон не впрыгнешь! До завтра всем!

Она и ее ребята поднялись и покинули нас.

Я стояла соляным столбом.

Два меня потряс легонько:

— Что это сейчас было?

— Это была Тата! И она решила, что у курса должен быть капитан.

Два закивал понимающе, но уточнил:

— Это же, вроде, очень специфическая тема, театр?

— Да... Очень забавно, как лотерейный билет. Я-сан психолог, конечно, зато я, насколько себя помню, ещё год назад, занималась редкой профессиональной темой: пластической драмой.

— Мадонна! Я даже не слышал о таком! — меня не порадовала его реплика, но я давно привыкла к реакции окружающих на мой род занятий.

Два уловил мое настроение:

— Извини, кара! Это мое невежество...

— Не страшно, зато я сейчас в выгодной позиции, правда? Мы можем это проверить...

— Как?

— Пойдем-ка, вот туда! — и мы направились бодрым шагом к Непостижимому сооружению, царственно парившему над городом.

СЦЕНА ИЗ КНИГИ: ИЕРОФАНТ

Мы играли с Два в свою любимую игру — поход в тридешатое царство: то спускаясь, то поднимаясь, как вела нас кривизна улиц.

Вот мы миновали хорошо знакомую смотровую площадку, ближе которой мне никак не удавалось подойти.

Кварталы вокруг стали более презентабельные, почти все они утопали в садах.

Мы рассматривали дома и обстановку.

— Надо же, не думал, что здесь такие шикарные резиденции, — заметил Два.

— А ты тут был?

— Никогда, если честно...

— Почему?

— Не довелось как-то...

— Думаю, не в этом дело. Кажется, чтобы дойти сюда без препятствий, нужно что-то совершить. По крайней мере, как я ни старалась ранее, проход сюда был для меня закрыт. Как я ни билась, мне было не пройти дальше площадки.

Непостижимое сооружение разворачивалось перед нами во всей своей красе: тысячи архитектурных деталей складывались в симфонию формы — оно было прекрасно, и осенний свет золотил витки спирально закрученной крыши, уходившей вверх.

Я задумалась о том, кто был этот человек, что придумал и воплотил в жизнь это чудо!

Мы добрались до улицы, огибающей ограду сооружения, и тут из-за решетки близлежащего сада меня позвали...

Я обернулась. В кустах жимолости затерялась терраска, на ней за столом, накрытым со всем пафосом английского аристократизма, сидел человек, которого я не сразу узнала.

— Кажется, это директор той самой моей «работы с проблемами», — шепнула я Два.

— Я-сан, мастер Витторио! Не зайдёте ли?

Два глянул на меня ошалело, но я и сама была поражена не меньше его.

— Удрать будет невежливо, — подбодрила я его, — пойдём!

— Калитка от вас справа, — проинструктировал нас директор.

Как два провинившихся школьника, мы, затаив дыхание, прошли по роскошному саду, и оказались на террасе.

— Здравствуйте, — сказали мы с Два.

— Здравствуйте, — ответил он, и очень непринужденно нам улыбнулся,

— Я-сан, Витторио, садитесь! Кофе?

Я радостно кивнула.

Исподтишка разглядывая хозяина, я вспомнила, как на совещании в ИЭПе этот же человек излучал скрытую силу.

Дома же от него исходил покой и расслабление.

Два сидел-сидел, потом не выдержал и сказал:

— Откуда вы меня знаете?

Директор вроде-бы даже удивился:

— В этом городе, вы — единственный человек, который ладит с башенными часами! Как можно вас не знать? И за время, проведенное здесь, вы такое рвение проявили, что это стало легендой! — директор весело засмеялся и обратился ко мне, — разве Витторио вам не рассказывал, что своя мансарда появилась у него только полгода назад? До этого, он, как пилигрим, жил в тех церквях, где оживлял часы!

Два вспыхнул.

— Витторио, тут нечего стыдиться, это была похвала!

— Вы поговорить хотели... — перевела я внимание на другой предмет.

— Хотел. Буду с вами откровенен, раз вы дошли до моего дома и умудрились встретиться с Матياسом, значит догадались куда попали?

— Не совсем так: я поняла, что Город — это пространство с особыми свойствами и «правилами игры». Оно даёт всем шанс сделать нечто важное. Оно «разговаривает» с нами и «подаёт знаки». И я не смогу выйти отсюда, не выполнив задачу, так?

— Это по-нашему! — улыбнулся директор, — меньше, чем за сутки вы инициировали целый ряд событий. Пусть это было в совершенно новом ключе, так даже интереснее! Раскрыть вам замысел я не могу, но из личной

симпатии могу дать подсказку: основное свойство пространства укажет, как действовать. А меня зовут Константин.

Последняя фраза прозвучала донельзя странно, «А меня зовут Константин», но я понимала, ничего случайного в его словах быть не может. Это имя что-то означает. Я силилась вспомнить перевод с греческого... Владыка, император, Иерофант?

— Спасибо, я пришла к выводу, что это правда поможет, только ещё один дурацкий вопрос: в этом контексте получается, что все едино, чем я буду фактически заниматься; исследовать глубины сознания или шариками на площади жонглировать? Главное, чтобы я выполнила тайную задачу моего тут присутствия?

— Все правильно, — разговор доставлял ему удовольствие.

— Камень сняли с моей души! Не то бы мне пришлось ехать в институт и врать вам напропалую: потому что тренировать актеров я точно могу, а насчёт исследований совсем не уверена!

— Необходимости нет. Я же вас позвал и говорил начистоту. Чем вам ещё помочь?

— Спасибо! ММС прекрасно справляется. Вот мне бы Козыря в поддержку, но он ни за что не согласится... — закинула я удочку.

— Я понял, — засмеялся Константин, — с новым поворотом судьбы вас, Витторио! — сказал он нам на прощание.

Мы побрели обратно, начисто забыв о сооружении. Два был в странном состоянии.

— Что такое?

— Знаешь, кара, мне надо выпить... Все, что я считал фантазиями и догадками, вдруг стало плотным и твёрдым. Кто же он такой, этот человек?

— Он назвал свое имя: император, владыка... Можем называть его Иерофант, как в картах Таро.

Любое пространство поддерживают силы. Им понятны законы, все организующие и принципы действия.

Уж не знаю как, мы случайно вышли из роли статистов и стали инициаторами событий, поэтому Иерофант и показался нам. Как-то думаю так.

— Я думал, что материя — осязаемая и надёжная вещь, она всегда «есть». В городе есть материя, но сам Город — искусно созданное пространство, как это возможно, скажи мне?

— Сама не знаю, но раз мы тут, такое возможно... Пошли, выпьем! Сегодня мы точно заслужили бонусы! Куда пойдём?

— К Фло, куда же ещё?

И мы бодро зашагали, день только начался, а мы будто бы два прожили, интенсивность!

У Фло было подозрительно пусто, и что ещё более странно, дверь была заперта и на ней висела табличка «закрыто».

Всё-таки мы потянули за дверную ручку и оказались в темном зале, где узрели следующее: прямо за барной стойкой, распылив локти, сидела изрядно подвыпившая Вирджиния, а напротив, крутя рюмку между пальцами, расположился Флориан.

Вирджиния рыдала, а Фло слушал:

— Он соблазнил меня, понимаешь? Бессовестно соблазнил и бросил! Я же примчалась сюда, как дура! «Вирджиния, ты лучшая...» Как же! Он дал мне костюмы, а этому дурачку самонадеянному, Крису — маски! Понимаешь ты? Маски!

Фло закивал, все, мол, понимаю.

— Ни черта ты, Фло, не понимаешь! Я, Вирджиния, просто богиня венецианских масок! Не то, что это чучело из Прованса! О чем они там шептались в подвале, а? Что скрывали от меня? Вот и допрыгались: где наш прекрасный Матиас? Нигде. Он нас всех бросил! Наливай! Я хочу умереть!

Фло нас заметил. Мы приблизились.

Действительно, я могла бы догадаться, куда пойдет выпивать наша звезда!

— Нальешь и нам, Фло?

— Ну, и денёк! Ещё трёх нет, а вы пить собрались, — прошепел Фло и не понятно было, то ли он рад, то ли хочет нас сбавить.

Но по рюмке он нам налил.

— О, смотрите-ка! Японка здесь! Фло, она здесь! Гордишься, наверное: храбрая такая! Пришла, фыр-фыр, все ее послушались... Скажите! А сознайся, что ты с ним сделала, а?

— Думаю, загнипнотизировала, — почти правду сказала я.

— Если так, то хорошо. Хорошо, что не соврала! Я ложь вот так чую, — и Вирджиния смешно втянула носом воздух.

— Вирджиния, ты нам нужна! — начал серьезно Два.

— Да, красавчик, как интересно, теперь я всем нужна! Ну, и зачем?

— Понять, что же задумывал Матиас.

— Ха-ха-ха. Я-то знаю. Вон, спрашивайте дурачка-Крису!

— Надо ее уложить спать, пока она не наговорила лишнего. Смешная девчонка! — Фло встал и ласково взял Вирдж за руку, — пойдём, отдохнём, скучно с ними!

— Ты это слышал?! — возмутилась я, а Два мне благодушно улыбнулся.

Флориан вернулся задумчивый.

— Если я понял правильно, у церковного двора продолжаютсЯ безумные события, и то, что вчера «запретили», сегодня «разрешили»?

Вирджиния пришла сама не своя и стала буянить, она цеплялась к людям со словами: «А вы бы что сделали на моем месте, если бы вам скручивали руки?», и распутила посетителей.

Мне пришлось извиниться и всех выпроводить.

Она, конечно, красотка! Захмелела с трёх рюмок и приступила к главному: ей очень нужно было поговорить о некоем Матиасе, что сбежал. Рассказала мне, когда увидела его впервые, и он рассказал ей о замысле спектакля, она просто влюбилась!

Всё повторяла: «Замысел Матиаса гениален так же, как «Метаморфозы» Овидия!»

— Ты помнишь, о чём «Метаморфозы»? — обратился Фло ко мне.

— То-то и оно, что нет... Расскажешь?

— Не расскажу, именно эту работу Овидия я не прочитал!

— Что-же нам делать-то? Ключ почти под носом и сейчас уплывёт от нас...

— Придется тебе, кара, отправить Фло в Овидиевские времена, — предложил Два.

— Библиотек, я так понимаю, тут нет...

— Точно нет! — сказал Фло.

Я сначала восприняла слова Два, как штуку, но быстро поняла, что в этом точно, есть смысл.

— Теперь мне нужен маркер, ребята!

— Маркер?

— Образ, точный и яркий, на который я могла бы опереться.

Фло метнулся и принес фолиант тех самых «Метаморфоз», но на греческом.

Зато на титульном листе красовалось изображение — барельеф Великого Овидия.

— Н-да, мы не ищем лёгких путей! Иди сюда, Фло, расскажу, что делать.

(Продолжение следует)

*Ирина Уральская
(Казахстан, г. Уральск)*

НОЧЬ НА ОКРАИНЕ (Повесть - фэнтези)

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Природа и человек в единстве замысла Творящего
в повести Ирины Уральской «Ночь на окраине»*

С большим интересом прочитала повесть Ирины Уральской «Ночь на окраине». Это философско-фантастическая проза. В судьбах героев раскрывается и развивается вечно жизненный вопрос — Кто мы? Зачем мы?

Реально существующий ученый мир познает в научном и метафизическом аспектах процессы осознания человеком своего места в системе Мироздания и моделирует контуры связности явлений разумного мира.

Трансформативные переходы множественности состояний, гармоничная сингулярность проявляет себя в точке сборки коллективного Разума. В хаосе разрозненных флуктуаций возникают контуры самоорганизующихся, самоусиливающих связей ЧЕЛОВЕК — ВСЕЛЕННАЯ, связей гибких, адаптивных, способных к обновлению.

Сочетание реального и предположительно возможного — главная интрига повести Ирины Уральской «Ночь на окраине».

Звезда мелькнула в небыльном сиянии
Заговорила Светом, а не Звуком,
Роскошное оставив одеянье,
Легла нагой в протянутую руку
главной героини повести Ларисы — такой земной, очаровательной, подвижной, живой и непредсказуемой в действиях и поступках.

Судьбу Ларисы перевернула встреча с инопланетным Разумом, практически взявшем в плен её земное сознание и жизнь, разлучившим с семьей, детьми, но открывшим ей видение происходящих событий в панорамном, планетарном масштабе.

Сколько теперь таких, как она, живет рядом с нами на планете Земля. Какая у них задача?

Для Ларисы важно вернуть первозданный вид родной Уральской Природе, великой реке Урал.

Природа и человек в повести Ирины Уральской находятся во взаимосвязи и единстве Замысла Творящего — этой великой Сути Мира.

Ирина Уральская описала в своей повести такую знакомую ей с детства, такую понятную и неброскую природу Уральского края, её главной реки Урал, заболевшей, но по-прежнему Великой. Любящему сердцу героини повести эти родные места дороже, чем ослепительный блеск заморской красоты.

Все в прозе Ирины Уральской искрится поэзией, как трава на рассвете от утренней росы. Каждая былинка раздольной степи живет особенной жизнью.

Язык автора — своеобразный народный, с местными колоритными неологизмами. Он мог сложиться только в тесном общении человека с природой, в труде, в простоте и мудрости местного населения. Открываешь книгу и получаешь в награду для себя это разнотравье авторского языка. Слова у Ирины Уральской цветут в аромате смыслов и значений. Они то шелестят, как травы, то журчат, как родники, то пересвистываются, как птицы.

Пишет Ирина Уральская о Человеке и Природе со знанием дела, потому, что сама любит Природу Урала, обладает при этом обширными познаниями в области её истории, культуры. Автора не интересует наносное, её интересует та мечта о возрождении величия реки Урал. Эта мечта живет в сердце каждого жителя этого Края — будь то рыбак, охотник или ученый.

В Уральской Природе столько прелести, что всем хватит её красоты и вдохновения от единения с ней на тысячи лет вперед. А ведь красота Родной Земли — вещь священная, великая вещь в нашей жизни.

Без понимания этого как может жить человек!

Природа берет в плен, возвышает человека и приближает его к тому состоянию, когда он действительно становится её частью.

Природа и люди слились в повести воедино в великолепии таинственной красоты. Звездное небо, торжественное и необъятно высокое, раскинув свой шатер, влечет к себе человека в своем таинственном величии. Станные байки об инопланетянах слушает ночь. Живая и звездная, она манит, зовет в путешествие к Звездам. И в этот момент каждый человек как бы чувствует стремительный безостановочный планетарный бег.

Все должно быть в единстве: человек и природа. Это истина. Её только нужно понять и жить с ней, не нарушая гармонии красоты земли, её рек. В жизни всё циклично, продумано и мудро. Человек живет в лоне природы, природа — в каждом из нас. Это единство нельзя нарушать, нужно беречь, понимая, что это дар жизнеутворяющий, в нем скрыта суть всего живого на Земле.

Удивительное чувство причастности испытываешь вместе с автором при описании природы. Вот главная героиня Лариса стоит в степи и смотрит в небо — манящее и огромное. И всё в один миг вдруг заструится, задрожит и оживет.

Вольная и свободная природа не терпит насилия, её нельзя убивать, всё в ней должно жить естественно до своего предела. Реки нельзя засорять, убивать в них жизнь ради удовольствия человеческого, используя временные выгоды!

Повесть Ирины Уральской «Ночь на окраине» нужная, своевременная.

Автор поднимает на обсуждение читателей проблемы экоса родного Уральского Края и рассматривает их на глобальном Вселенском, инопланетном уровне в жанре фэнтези, еще и потому, что не решаются они пока в реальной жизни.

Галина Челядинова

Бизнес-тренер Корпоративного Университета Н. А. М. К. (группа металлургических предприятий Новолипецкого металлургического комбината). Работала в области административных технологий. Изучала Организационную психологию и управление персоналом в York Universitet Toronto

Часть 1

ЕСТЬ КОНТАКТ

Облака плыли в нестерпимо ярком небе. Горело солнце. Пыль и жара были где-то совсем рядом. На пульте шел приём телефонных звонков, запись в журнал регистрации хозорганов, проверка сигнализации и прочие рабочие моменты. Время текло медленно и скучно. Без конца звонил телефон. Большая тяжелая трубка повторяла одни и те же фразы. Схема приема объектов под охрану была проста. Все сдающие под охрану продавцы или владельцы квартир, или другие люди, назывались хозорганы. Они должны сдать объект под охрану, и так же при снятии его с охраны назвать кодовое число.

Разговор короткий:

— Алло, говорите громче, 23-25? Кто сдал? Мальцев? Моя фамилия Димиденко, не Димденко, и не Димидиенко, и не Дмиденко. Не ломайте мне руки. Сейчас проверю. До свидания.

Уф, поправила прическу, пышную копну подкрученных по ночам темно-русых волос. Успокоилась. Хотела глянуть в зеркало, но в разбитый осколок зеркала не принято смотреться. Я и так знала, что на мне давно не модная, болотного цвета блузка-батик с пуговками и юбка гаде. Глаза красила густо, подводя длинные стрелки, удлинняя круглые распахнутые глаза. Не глядя, сунула руку в сумку и достала блестящую перламутровую помаду, не глядя же быстро смазала губы.

Работала по инерции, в голове прокручивая картину переживания вчерашнего дня. Последние слова мужа Ивана, естественно о разводе, и мечтала, как бы отомстить своему когда-то обожаемому мужу путём измены. Для измены кандидат жил напротив. Несколько лет безуспешных ухаживаний. Кричания под балконом. Антибанов Сашка. Я вздохнула. Все-таки, в девяностые годы, при полном развале Союза, мне повезло. Работа была не пыльной и спокойной. Брат Николай помог найти. А как без блата в наше время? Брат Николай работал в Отделе охраны, начальником пульта и уже дослужился до старшего лейтенанта. Все, кто был в Поссовете, давно ушли домой, а мне предстояла ночь еще длиннее, чем день. Когда она настанет, становится жутко и тихо. Здание поселкового совета стоит на окраине города. Зачаганск. За рекой Чаганом. Рядом школа № 20, и между школой и Поссоветом, лесок. Недавно в этом леске солдаты чуть не изнасиловали девушку, знакомую моей операторши. Она прибежала зареванная на пульт и Ирина Захаркина помогла ей справиться с неудачей жизни, успокоить по-житейски.

— Не думай об этом, Манька, — говорила Ирина, — успокойся. Мы пойдем в часть и заяву накатаем. Или я скажу соседскому Вовке, он соберет ребят, и набьем их подлые солдатские хари! Что, думают нас защитить некому?

Значит недалеко был солдатский КПП и их служебные здания. Еще пара пятиэтажек и частный сектор. Недавно стали давать тут землю под застройку домов. Работу Коля нашел мне такую, где я была бы одна. Неуживчивый характер и неумение подчиняться служили мне плохую службу. Когда я впервые вошла в комнату и сразу мне не понравились клиенты, матерящиеся при сдаче объектов. С улыбкой вспомнила, как бросив служебное помещение, пошла выяснять отношения, и гневно спрашивала кассиршу кинотеатра «Дружба»:

— Девушка, с какой стати вы матерились и кричали на служащую охраны пульта, то бишь на меня, — важничала я.

Смущенная девушка, лет сорока, отвечала, не ожидая наскока из-под угла:

— Вас как зовут?

— Орхидея Ивановна! Вам зачем? Я не знакомиться пришла!

— Да вы простите, запарилась. Я на пульте всех знаю, а вы новенькая?

— Ладно, — улыбнулась я, — шучу я. Меня зовут Лариса. Вы уж, пожалуйста, в трубку больше не орите. Все-таки мы милиция.

Потом летела назад, благо это было недалеко, вдруг заметила Кудаисова Лешу, начальника Пульта охраны (всех казахов в советское время переименовывали на русский лад). Фигура его длинная и худая, с огромной фуражкой и кокардой, выделявшаяся на фоне белой стены, не обещала ничего хорошего. Под мышкой он держал папку с документами, обязательный элемент настоящего мента. Он гневно и ошалело смотрел на новенькую, и терпеливо объяснял, притормозившей сходу, мне, сколько объектов находится под охраной пульта. Как нельзя ни на минуту даже в туалет, оставлять объекты без надзора. В конце концов, взял объяснительную (которую положил себе в карман на долгое время, надеясь на еще один косяк, и все тогда, аут, увольнение). Я попила чай на ходу и взялась читать книгу, первоначально задержав штормки. Сумерки заволокли комнату, потянулась включить свет, задела лампу, и грохот свалившейся книги гулко разнесся по длинному коридору. Опять мыши шуршат или еще кто-нибудь, встревожилась я. Прислушалась. Дверь длинного коридора была по новой моде стеклянная и выходила на злополучный пустырь. На этом пустыре всегда росли одуванчики. Хотелось бегать и собирать их. Я любила колючие осенние цветы или попросту колючки и ставила их в вазы. Одуванчики тоже гнездились всю зиму на подоконнике. Татьяна, соседка и многолетняя подруга, говорила, что неживые цветы держать в комнате нельзя.

Ночью вырубился свет. В этом 90-м году веерные выключения электричества были сущим мучением для охраны. Пульт засвистел и рация захрипела. Стала вызывать мотоциклистов 20-го маршрута. Называть им кодовые числа:

— 23-25, 24-15, 27-45, — командным голосом говорила я быстро, и они тут же начинали проверку объектов.

В комнате стихло, наконец, и только пощелкивание и потрескивание рации раздавалось в тишине. Как там дверь стеклянная? Пойду, гляну. Всегда боялась, что в эту дверь бандит «нечаянно» залезет. Сквозь стеклянную дверь разлилось голубое сияние. Яркая звездочка заметалась в небе и стала приближаться очень быстро. Я рванулась к выходу, слетела со ступенек

и застыла. Хотя делать это было, строго говоря, запрещено. С детства не боялась неба и неожиданностей. Звезда быстро превратилась в растущую точку, а потом в шарик. Яркий и прозрачный, он метался и чертил хаотичные линии. Наконец, он плавно, как кленовый лист, начал падать, и в течение нескольких минут или секунд приземлился на пустырь. Да, совсем вылетело из головы, к ночи на небе появились тучи, а сейчас они сгустились, и поднялся ветер, и «казахстанский дождь» закрутил пылещу. А сейчас, когда я вышла, вроде бы крапал дождь. Всё мое сознание было в тумане. Вспомнить подробности, потом я не могла. Был ли ветер или шел дождь. Темь ли была, или сначала была темь, потом окатило ярким светом зари. Уж очень нереально. Но непогода была вне моего сознания. Захлестал по улице дождь, сверкнула молния и заревел гром, а я стояла, как вкопанная, не отрывая глаз от летящего предмета. Прозрачный шар плавно вошел в землю (примерно мне по колено), взрыхлив поверхность, и задымился. Тогда только я очнулась и побежала к нему. Шар прозрачный, если там живое существо, я увижу. Ясно же, что случилось что-то, думала я. Ну, конечно, инопланетянин. У нас таких шаров еще не изобрели. Не успею, сторит еще. Я бежала вся мокрая, как курица. Дождь лупил по плечам и лицу, и по голове моей непутевой, не думающей о собственной безопасности. Когда добежала, путаясь в колючей траве, шар загорелся. В кресле и вправду сидел поникший силуэт, откинувшийся назад, странный, страшный, на мой взгляд. Роста чуть выше моего, без шлема. Окна аппарата при соприкосновении с землёй на скорости и без определённой подготовки были разбиты.

Значит, наш кислород ему не вреден, летали пугливые мысли. Достать его было проблемой. Шар был все же огромен для меня. Рассматривать его было некогда. Надо как-то проникать внутрь. На стекле была продавлена пятерня. Я вложила свою руку и пыталась крутить, и давить в разных направлениях. Видела где-то в звёздных фильмах. Стекло выдержало и открылось. Но была еще и невидимая преграда. Около самого «человека» биополе. Включился и стал переливаться красно-зеленый цвет. Тревожное биополе. Это чтоб испугать меня, подумала я. Не тут-то было. Земной человек, интересное существо, его пугает малейший шорох в темноте за спиной, прикосновение маленького паучка или паутинки к лицу, мокрица, ползущая по своим делам, ужик в кустах или в воде, лягушки, квакающие в камышах у реки, или летучие мышки, летящие на свет божий, но в каких-то по настоящему страшных ситуациях его не остановить ничем. Ни огнем, охватывающим все большую территорию, ни светом, переливающимся из ниоткуда, ни инопланетянином, оглушённым при посадке незнакомого летательного аппарата. Вдруг он взорвётся? Сердце сразу заныло. Вездесущий нос мгновенно почувствовал гарь и копоть пластмассы. Едкий удушающий запах и примесь совсем незнакомых материалов и их запахов. Странное существо открыло глаза, если эти студни можно назвать глазами, нажало кнопку на груди, невидимой преграды не стало. Он будто звал меня. Я это почувствовала, чем, не стала разбираться. Стала неуклюже громоздить его на спину, стащила с кресла и поволокла к выходу. Огонь все быстрее захватывал территорию. А она и не маленькая, подумала я, эта территория шара. Он открыл глаза и шевельнул пальцами, между пальцев-щупальцев

показался прозрачный шарик и он судорожно стал катать его, пытаясь найти нужное положение, и говорить на каких-то земных языках. Раздалось бормотание и как в радио обрывки английского, итальянского, немецкого:

— Hello! Bonjour! Shalom! Buena's dias! Konnichi wa! Merhaba! — трещало в его «рации».

— Давай быстрее, миленький, хороший мой, — лопотала я, пытаюсь тащить по скользкой, и сразу ставшей липкой глине, по горелой земле, по выгоревшей вокруг при посадке шара траве.

Он мотал головой и пытался вертеть шарик в руках, что меня страшно раздражало. Наконец, он вставил шарик в коробочку, прикреплённую на груди, и из коробочки на чистом русском языке стал вещать голос. Вернее рот он раскрывал и бормотал свое, а коробочка переводила:

— Вернись, вернись быстрее! Там всё моё! В «квадрате».

Он сполз с меня. А я, проклиная всё на свете, помчалась в шар. Тыкаясь, как кошка в темноте, по углам. Про себя думала, дети останутся без мамы, две дочки и псина. Зато мужу, наконец, насолю или ему повезёт, когда меня не станет? Останется ему же прекрасная квартира в новом четвертом микрорайоне с балконом и отоплением и паркетными полами, сияющими, лаковыми. Тьфу, чёрт! О чём думаю!

Через тернии — к звездам, горестно думала я. Где же этот «квадрат»? Мысли петлялись и путались. Вдруг стало внутри головы ясно, мои мысли исчезли, как будто за меня кто-то думал. Зеркальный, квадратный сундук, килограмм на 15, был под панелью передвижения. Быстрее, быстрее, — думала я, дым ел меня изнутри. Огонь распространялся быстро. Над панелью был экран звёздного неба, там метались точки, и это на секунду отвлекло меня. Вернулась к телу, лежащему на земле. Он немного оклемался. Открыл панель на сундуке, поработал с кнопками управления. Вдруг огонь, летающий объект и все это место стали прозрачными, невидимыми глазу, не сразу, а постепенно. Сначала, сквозь растворяющееся марево, исчез догорающий шар. А потом стерлись все остальные следы, обгоревшие кусты, дерево, обломки. Мое любимое выражение «Портал открылся» — сработало. Только обгоревшая трава осталась и гроза, душившая по плечам и двум головам. Он и я на траве.

Некстати вспомнился орел с поломанным крылом в нашем старом доме. Ваня принес его и кормил. А он все равно сдох. Не жилец был, если крыло сломано. Вот с этим орлом я и осталась один на один.

Да еще сундук. Не потяну два предмета. Потащила по очереди. Костей у него не было, мягкое тело, ничего не упиралось, не тыкало в спину. Пришелец легче нашего мужика, хотя я их не носила на себе. Как там санитарки на войне, по несколько человек солдат выносили из-под огня? Рука свешивалась перед моим лицом, и я невольно разглядывала. Говорили когти у них, а тут длинные тонкие пальчики, правда, с перепонками. Что за дурацкие мысли? Мысли глупые, сама грязная, еще подумает, что все женщины у нас такие же страшные. Дождь кончился внезапно. Кино бесплатное. Остановилась передохнуть, вытерла лицо рукавом. Слава богу, опять некстати, подумала я, двуногий, двурукий. Что теперь делать? Он кое-как пе-

редвигался. Затащила в комнату, где пульт охраны. Пульт уже заработал, рация запищала, горел свет. Я кинулась отвечать, переключать ключи. Работа не ждала. Хорошо хоть «тревог» не было. У нас была подстилка неизвестного происхождения, общая, иногда ночью можно было полежать на стульях, сдвинув их. Вот туда и определила дорогого для Земли гостя. Великосветский прием, прямо скажу, не удался. Как у нас ведется, включила чайник. Умылась и ему предложила. В углу стоял обычный умывальник. Посмотрела на свой вид в разбитое зеркало на стене. Ужаснулась. Какая там прическа, завивка, косметика. Шел час за часом, он лежал с открытыми глазами, вроде в сознании. Завтра суббота. Сюда никто не придет, можно еще сутки отдежурить.

А может скорую помощь вызвать? — горестно думала я.

— Не надо! — ясно сказал он, без всякой корбочки, и ноги у меня подкосились. Значит, читает мысли. А мне скрывать нечего, безрассудно подумала я. Думать о хорошем не могу, чего тут хорошего. Даже если увезут, лечить не смогут. Что они в инопланетянах понимают, если в своих земных болезнях не разберутся, еще отравят. Вопросов даже у меня море, а к нему сейчас радио, телевидение, и родное «Приуралье» пожалует, и КГБ, и вообще спрячут от греха в бункере.

Первый контакт. Посланец из космоса. А со мной что будет? Ликвидируют, с ужасом подумала я. Да таких контактов полно было, все покрыто мраком и законспирировано, а может и всерьёз никто не занимается. Зревший против правил протест оформился. Не до чего ему, это сразу видно.

— Я хочу остаться здесь, на Земле. Мои не отпускают. Во мне много человеческого. Буду полезным.

Так коротко и ясно.

— Ладно, разберёмся.

Я отвела его по лестнице на второй этаж.

— Сиди, не высывайся.

Утром пришла Ирина Захаркина, сменщица. С быстрыми, как черный уголь глазами, стройная и точёная фигурка была предметом разговоров досужих сплетниц, душа открытая и распахнутая. Добродушная и веселая девушка. Волосы, крашенные перекисью водорода, сияли и зубки тоже. Губы сочные и спелые, малинками краснели издали, грудки торчком, и даже короткая чёрная юбочка красила ее.

— Что это с тобой? Как будто на сеновале всю ночь была, — она радужно засмеялась.

— Ага, на траве валялась с инопланетянином, — буркнула я, — такая смена была, гроза, дождь. Пришлось к ребятам выходить, вручную на бумажке писать и передавать объекты, — врала я самозабвенно, — вся вымокла до нитки. А завтра с дочей в больницу надо. Я сегодня еще останусь на смену. Что поделать, надо.

— Ла-а-ды! — протянула Иринка Захаркина, — Мы купаться поедem со своим.

— Какое купание, дождь же был?

— У него машина «Жигули», там место есть недалеко от Чагана... пашлычки... коньячки... А тут работа! Вот я сейчас ему и позвоню...

Телефон для связи был устаревший с круглым номеронабирателем и тяжелой трубкой. Иринка тут же набрала, и я знала, какой номер. Поэтому и не спросила из бабьего любопытства. Она коротко сообщила новости, и промурлыкав, положила трубку.

Моё счастье сидело на втором этаже, голодное.

Она быстро собрала манатки, и учесала в сторону «моря», то бишь, реки Урала или Чагана.

Я уныло поплелась на второй этаж. Надо везти его домой. А у него рожа. Огромные глаза кое-как оформились к утру, нос то появится, то вроде пропадёт. Он пытается из себя человека что ли изобразить? К утру стал больше походить на человека, а я на общипанную курицу, хоть сейчас в суп. Мимо окон шли люди, гуляли. На детскую площадку прибегали вольные земные дети и орали во всю мощь своих глоток. Мамаши и бабки чинно сидели на лавках, как скворцы на солнышке. Как мимо всех провести незаметно такого необычного человека? Надо ехать домой и оставить его на пульте. Может, повезет, и никто не вспомнит меня пока, ну уволят, в крайнем случае. Дома Иван самый надёжный в мире человек, хоть и муж. Я объяснила, как отвечать на вызовы рации и передавать тревоги, закрыла его на пульте и вышла из здания Поссовета. На пустыре уже ходили и измеряли опаленный круг люди в темных плащах, и солдаты толпились в сторонке, и черная «Волга», и зеленые военные газики стояли по бокам. Не было ни одного репортёра и газетчика. В нашей стране так, если надо раздуть новость, её раздуют. Если не надо и опасно волновать народ, все тихо и шито-крыто. Сейчас передвигаться нельзя нам с чужим человеком без паспорта. Сев на автобус № 5, поехала на остановку Гагарина.

Ваня копался в машине, неторопливый и важный, и глыбистым айсбергом возвышался в большом заросшем саду на пяточке для машины. Дом этот был огромный и двухэтажный, принадлежал его семье, и ему было сто лет. Дед, яицкий казак, строил. Бревенчатый, с резными окнами и фронтоном, врос он в землю первым полуподвальным этажом. У нас же была собственная квартира на окраине города, только в противоположной стороне от работы. Ванька на меня даже не взглянул. Мы же пытались развестись позавчера, о чем говорить. Путано и сбивчиво я выложила историю с ходу. Повисла на руке, а этого он просто терпеть не может. Но Ваня есть Ваня. Остыл и спросил:

— Когда отвезти?

— Ночью, ночью. Сейчас там незаметно не проехать.

Еле, еле доплелась назад. Жара разыгралась, душный воздух плыл и испарялся. Голова ватная, ноги тоже. Навалилась нечеловеческая усталость. Вхожу, моего знакомого нет на пульте, а сидит приятный мужчина, странно знакомого вида. Посмотрела на фото артиста Еременко, вырванное из журнала и висевшее на стене. Точно он! Я на всякий случай сказала:

— Здравствуйте! — пытаюсь пожать руку. Кости были, значит, землянин. Кто он? Заметались мысли. Наверное, милиция забрала пришельца. Решила притвориться овощем. Ничего не знать.

— Это маска, — он показал на свое лицо. — Маскарад, пойми, — сказал brutalный мужик, — и костей в теле нет, у вас — скелет, у нас — нет. Мас-

са плотнее там, где надо. Усилием воли можем форму менять. Стустки формировать. Плавить. Это нетрудно и легче путешествовать без костей по мирам. Атомы расщепляются легче. Мы давно избавились от костных тканей и форм, и скелета.

Тут мне стало основательно плохо, и я полезла за таблетками. Он положил мне руку на темечко. В голове замелькали радужные картинки, светотуннель, бабочки...

Полная отключка. Очнулась, — темно. Ночь выползла из окон и смотрела злое. Это был даже не сон, провал памяти без сновидений. Надо сказать, проснулась свежей. Давно не чувствовала радости от просыпания, затекали руки, спина болела и что-то колотилось внутри, тридцатилетнее сердце видно остывало и давало такие толчки с перебоями. А тут на удивление полное обновление организма! Щенячье чувство радости обуюло меня. Волна неподходящего этому месту тепла и света обдала и захватила полностью. И еще чувство зверского голода. Гудки автомобиля раздались совсем близко. Мы вышли под старое звездное небо. Ванча, так я называла мужа в минуты близости и хорошего настроения, поздоровался важно и торжественно. Миссия спасения прибыла на старом автомобиле «москвич» зеленого цвета. Открыл дверь, не спросив, и так и не сказав ничего, даже не удивившись облику почти земного мужика. Мужик тоже ничему не удивлялся и тоже хранил молчание сфинкса, будто наперед все знал про нас.

Оставшись одна, поела, попила, поработала, спать не хотелось совсем.

Ночь прошла спокойно. Утром сдала смену и бегом домой, умирая от любопытства и тревоги. Как они там?

Часть 2

РАЗГОВОРЫ ПО ДУШАМ

Тихая дрема автобуса выветрилась из памяти. Нетерпеливо дошла до своей квартиры на втором этаже, мечтая прежде всего о горячей воде, ванне и тарелке супа ролтон. Сухая вермишель с пакетом китайских приправ и называлась ролтон. Говорили, что сделана она из лягушачьего мяса и водорослей.

Ванча был на работе, дети, наверное, в садике. Ванча изготавливал зубные протезы, и был зуботехником по своей основной профессии. Модели челюстей украшали полки нашего дома. Маленькая Алиса, увидев однажды зубной протез, принесла его мне и сказала: «Это бабуля зубы потеряла, отнеси!»

А где мой знакомец? Тихо прошла по комнатам. Он сидел в спальне и колдовал со своим ящиком. На нём был спортивный костюм моего мужа, висевший мешком. У ящика был экран, он светился.

— Это что такое? — не удержалась я от вопроса.

— Сервер, связь мы осуществляем не через телефоны, через глобальную сеть земли. Просто у вас в городе это еще не развито, но через лет десять вы все будете общаться по компьютерам и телефонам нового времени, — сказал гость с мокрыми волосами.

«Значит, ему не чужда и наша вода, и чистота», — думала я.

Кровать, заправленная покрывалом, диванчик и два книжных шкафа с русской классикой, доставшейся от мамы, вот и весь набор мебели, окружавший его. На стене нарисованная на обоях картина-релакс младшей дочери Ирины, Солнце-Апельсин. Да на другой стене улетающие вдаль утки с берега реки. Я разрешила детям разрисовать комнату, потому что обои были настолько старыми, что повредить этой комнате ничего не могло.

Видеть компьютер я не могла. Не было у нас такой техники в городе. Я работала раньше в Госбанке, у нас была ИВС — информационно-вычислительная станция с перфокартами, с гудящими машинами, табуляторами, перфораторами и другой устаревшей техникой. Потом появился ВЦ — вычислительный центр, целый зал занимал компьютер, списанная техника из США. Я работала на терминале, и мы играли в лабиринт и другие игры во время обеденного перерыва.

Он хлопнул беззвучно крышкой и закрыл ящик. Сел и так строго посмотрел на меня с моим любопытством, что я тут же сбежала в ванную, схватив халат. Раскиснув, выползла, и с мокрой головой потопала на кухню. Мне все равно, чем питаться, лишь бы съедобно, но что ему дать?

Открыв холодильник, задумалась. Как же его зовут, чем кормят? Он появился на пороге и молча смотрел, как я готовлю на стол. Вопросы так и вертелись на языке, и почему-то вызывали смех. Он тоже улыбнулся.

— Давайте познакомимся. Меня зовут Лариса, а вас как?

— Знаю, а меня зови, как тебе нравится, — весело сказал он, притулившись у белой двери.

— Надо вас назвать так, чтоб в глаза не бросалось. Например, Ричардом или Степаном, конечно, хочется Ауриком или Инопланом, — я опять засмеялась.

Такой характер, как отпустило, стало весело и легко.

Он на несколько минут вышел в спальню. Принес готовый паспорт на имя Сергея Косина. У меня кусок в горле застрял и вызвал удушающий кашель. На паспорте была моя девичья фамилия. Вот это братец!

— Мои братья, Валерий и Николай, конечно, будут рады инопланетному брату, с детства, можно сказать, мечтают побрататься. Только как вас познакомить?

— Подумай, — строго сказал он.

Такое впечатление, что я гость, а он хозяин в этой жизни.

Мы сидели, кушали немудреную еду и молчали, я не заметила, что и он присел к столу и ест то же, что и мы.

Вопросы роились сами по себе, но задавать их такому неприступному существу совсем не хотелось. Вдруг помимо воли я задумалась, и прямо передо мной поплыли странные картины, явно не моего уровня воображения. Плыли, клубились, и складывались в определенные видения, вихревые столбы, и голубые и серебристые облака, неслись в обратную сторону реки времени. Я ясно видела неземных людей, меняющих лица, как маски, видела прозрачные сооружения, летательные аппараты, неизвестные растения. Жизнь отличалась тем, что текла быстро. Мелькали уже другие планеты

и другие существа наполняли их. Деформированные головы, другие туловища, разнообразие существ, неизмеримое никаким земным суждением и воображением. Непропорциональные, маленькие люди были с длинным туловищем и зеленым цветом кожи, жители сумеречной планеты нашей галактики. В одном видении я сразу узнала Землю много тысяч лет назад. Летающий объект, приземлившись на краю скалы, и море или океан, расстилавшийся в спокойной спящей глади солнечного дня. Инопланетяне наблюдали за людьми. Женщина и двое детей купались. Довольно смутное изображение с помехами. Как будто картина стерлась и устарела. Ясно слышала шум волн и ветер, воющий в скалах, и потом крик, разорвавшийся во времени и дошедший до меня уже искаженным, и все же ужасным видением киноленты. Женщина закричала, на лице её отразился ужас. Её кто-то тащил в воду. Огромный червь то появлялся над водой, то кольцами свивался под ней. В прозрачной воде билась живая женщина. Потом она совсем исчезла, а перепуганные дети вбежали на склон.

— Да, это было. Это моё прошлое. Вернее, мои предки. Я родился от земных людей, уже потом, через много лет, научился управлять материей и временем, распоряжаться пространством и подчинять его себе, с помощью галактической техники. Необъяснимое чувство зовёт меня на Землю. Беспредельный космос трогает мою сущность. Я изучаю Землю и её проблемы, но и другие планеты тоже. Сейчас здесь опасная зона. Вернуться мой долг. Помочь или погибнуть вместе со всеми в хаосе войн и следующего катаклизма. Всемирное потепление может привести к таянию ледников. К гибели многих материков. А вирусная атака с другой планеты по общему согласию межпланетного разума поможет, как они думают, очистить Землю от мусора и пыли, спасти от таяния ледников и глобального потепления. К вам посланы тысячи разумных существ волонтеров, чтоб предотвратить гибель планеты. А вирусные атаки будут происходить часто. Это будет самое тяжелое испытание перед..., ну не будем так далеко заглядывать. По вашим расчетам сегодня 1990 год, это будет примерно через 25-30 лет.

— Мы живем тихо, — наивно сказала я, — может, обойдется?

— У вас Земля гудит под ногами. Она движется, и сбросит вас, как ненужный мусор, и зальет свои раны океаном.

— Не может быть, — заулыбалась я. — Войны на Земле были всегда. Люди гибли и от голода, от нашествий инопланетников, от разных болезней. Одни гибли, а другие поколения жили в богатстве и сытости. Чем же наш век отличается от других веков?

— Злостью людей, научными открытиями, огромным количеством оружия. Отравлена вода, земля, воздух. Люди-носители генов всех поколений, начали рождать детей с ограниченными возможностями, больных и слабых детей. Мутируют мужчины и перерождаются в женское начало. Скоро по земле будут ходить мужчины, называющие себя женщинами. Это противоестественно, но необходимо, чтобы истребить слабых и больных. Уничтожить землян испорченных и несущих больные гены. Всё это я вам в упрощенном виде представил, — он перестал жевать и задумался, вид

опущенных плеч вызвал во мне жалость, хотя жалеть надо было нас, со всем хаосом, творившимся на Земле.

— Мужчины превращаются в женщин. Я слышала о геях. Ужас, но они наверное не виноваты, — сказала я.

— Люди потеряли связь с природой. Это наказуемо, по всем законам Великой стратегии. Выйдя в открытый космос на своих несовершенных кораблях, вы стали загрязнять и космос, нашу матрицу.

Он так посмотрел на меня строгим плавающим взглядом, пронзая насквозь, что мне стало стыдно за себя и за человечество в целом.

Было не до смеха, как будто я и правда виновата во всем. Хотя, каждый и так знает и носит в себе, как камень, все проблемы Земли, вместе со своими маленькими проблемами.

— У тебя усталый вид, иди, отдыхай, — он и сам оглянулся, где бы ему подремать, я определила его в зале, на большой мягкий новый диван.

— Это он мне? — думала я, идя в спальню и зевая.

Опять сон был легким и цветным. Я летала, разбежавшись по луку, над цветущей майской Землей.

Летать во сне очень легко, разбегаешься и как на лыжах летишь, раскинув руки. Только захоти.

Проснувшись бодрой и легкой, как стрекоза.

Прокрутила в голове все события и свои собственные запущенные домашние дела. Ничего не успеваю. Надо за дочкой в садик напротив. Моя скучалочка сделала выговор, что я пришла не первая, а вторая за ней.

— Мамочка, я сегодня нарисовала Луну и звезды, и тебя, и меня на звезде!

— О! — сказала я, — и ты у нас звездная дама. — Я буду звать тебя Аэлита.

— Я Ира, не путай, — пошли домой.

Дом был через дорожку.

Алиска давно пришла со школьного лагеря и сидела с новым инопланетным товарищем, чертила какие-то фигуры, явно с удовольствием.

Ужин, вечер, телевизор.

Вечером за два часа поднялось тесто. Я быстро поставила растаиваться два пирога с рыбой. А потом испекла и помазала маслом и болтанкой из яйца золотистый пирог. Он сиял своими заплетенными в косичку округлыми боками и выглядел очень аппетитно.

Заглянула на огонёк соседка и Татьяна Жёнова, с которой очень хотелось поговорить, но не очень...льзя. Я налила ей чай «Асан», отрезала кусок пирога с рыбой. Тут выключили свет. Пришел с работы Ванча. Съел пирог и в самом благодушном настроении взял в руки баян. Только он заиграл, и сразу завyla собака. Все окружили его. Начался вынужденный концерт. Дети пели наперебой с собакой Линдой, которая поскуливала, и длинно подвывала, частушки:

На столе стоит стакан
А в стакане таракан,
Мама думала малина,
Откусила половину,
Папа думал огурец,
Откусил другой конец.

Пели дети наперебой, подплясывая. Я принесла свечи в зал, пришел Игорь, сынок Татьяны, и тоже принес радостного веселья своим улыбающимся, довольным видом подзаводя девчонок:

— Ну, где ваш «I love you»?

Девчонки прыснули, зная, что так он называет салат Оливье.

Леша не переставая, играл весь вечер:

Не ходите девки замуж
за Ивана Кузина,
У Ивана Кузина
большая кукурузина.

Потом пошла любимая песня старика отчима:

«На Муромской дорожке
Стояли три сосны».

Но самое смешное, когда мы с Татьяной пели под баян современную песню «Дым сигарет с ментолом».

Потом пришел муж Татьяны и всех своих забрал домой.

За окнами чернела чернильная ночь, а созвездие Орион нахально глядело в окна.

НОЧНОЙ ДОЗОР

Ночь — я до сих пор боюсь вспоминать эту ночь.

Ночью я проснулась от чувства голода, пошла на кухню и, взяв в холодильнике жареную курицу, быстро съела её, стараясь не думать ни о чём таком... От меня приятно запахло пряностями.

Только заснула, ворочаясь от чёрного чая, и тут же проснулась от жутчайшей тревоги, кто-то трогал меня. Ощупывали мои полные ноги, средней плотности талию, далее и выше выпуклости лица. Волосы как бы сами по себе зашевелились, наэлектризовались и встали дыбом. Я чувствовала это всей кожей, хотя была под одеялом. Разлепила глаза, и первое что увидела яркость двух пятен на стене. Потом пятна ожили, округлились, внутри появились зрачки неестественного синего цвета. Блестящие артерии и кровеносные сосуды. Они плавали по комнате, как большие яичницы. Ощупывая каждый предмет, появлялись то здесь, то там, то ползали по другим комнатам. Я прижала к себе младшую дочку Ируську и одной рукой потянула одеяло на Алису, боясь даже думать о чём-то плохом. Яични исчезли вместе с лучом света из окна. Ах, еще и луч. Что там еще было за окном, я не проверяла. Сжавшись в холодный, стучащий зубами комок, так и просидела на кровати до утра.

Утро выдалось солнечным и птице-щебетливым. А какие у нас птицы в Западном Казахстане? Воробьи, да вороны с голубями. Все. Они следят за нами из всех окон и с нескольких тополей. Ждут подачки. Я распахнула окно и стала кормить крошками птиц, кидая им еду на козырек. Все остатки я бережно отдавала птицам к неудовольствию соседей. Они слетались стаями под окно, сидели на ветках, густо осыпая своим помётом соседские машины.

— Привет, Лариса! — крикнула баба Маша, — ишь какой концерт вчера закатили! Мы так слушали. Света нет же, вот и было нам развлечение.

— Спасибо, — засмушалась и закрыла окно.

Я подошла к зомбо-ящику и включила передачу про инопланетян. Благо, про них телерадиовещание девяностых вещало день и ночь. На моих двадцати каналах всегда можно найти передачу «Очевидное — невероятное», или еще передачи наподобие этой. Двое ребят видели существ треугольной формы с крыльями и тому подобное. Американцы вели наблюдение за инопланетянином с разбившейся тарелки. Вторжения были, есть и будут. Рассказывали про Леонова космонавта, который делился своими наблюдениями, и особенно удивлял выпуск почтовых марок, с будущим космической эры. Откуда он мог это знать?

Советский космонавт Алексей Леонов в программе «Звезда на Звезде» ответил на вопрос ведущего Леонида Якубовича о разумной жизни на других планетах во Вселенной.

«Вы верите, что мы не одни?» — спросил Якубович.

«Верю, конечно. На сегодняшний день, используя самые последние астрономические приборы, мы точно можем сказать, что существует один миллиард Галактик, как наша. А в них 400 миллиардов звезд. Ясно, что если мы возьмем другой телескоп, разрешающие способности которого будут больше, мы еще найдем звезды. И почему, если у нас здесь произошло такое (появление разумной жизни), где-то не может быть?» — ответил Леонов.

Также космонавт подробно рассказал в программе «Звезда на Звезде» о своем выходе в открытый космос, о судьбе скафандра, проданного в США на аукционе, перестрелке в Кремле в 1969 году (это о покушении на Л. Брежнева, он находился тогда в машине с ним) и о гибели первого космонавта планеты Юрия Гагарина (много говорили о том, что Ю. Гагарина забрали инопланетяне).

Другие люди видели шары, капсулы и рисунки на полях. Но никто не приблизился и на йоту к истине. Зачем и откуда они летят к нам? Зародилась ли жизнь на Земле с помощью инопланетного вмешательства?

А живой получеловек сидел на моей кухне вчера. Этот человек мог считывать мысли, как с книги, разговаривать со мной, передавать мысли на расстояния и легко изменять свою внешность, знал нечто большее. Мог ли он перейти свободно в прошлое и в будущее? Видимо его все же искали. Почему не могли найти? Да потому, что он все же землянин наполовину и растворился среди нас. Сейчас находился в столетнем огромном доме. А свёкор со свекровью выехали к дочери в посёлок Бурлин.

АНТИБАНОВ

Прошло три дня. На четвёртый день, я как всегда, пошла на работу. Опять звонки, фамилии, тишина дневная. Читала «Даму в очках и с ружьём в автомобиле». Захватывающая вещь. Море плескалось, автомобиль отсвечивал свежей красной краской. Дама захотела и переспала с совершенно незнакомым мужчиной. У нас такие нравы, что с собственным мужем переспать трудно, даже если очень захочешь. Так и слышу Ванино:

— У голодной куме — одно на уме.

Желание быстро пропадает.

Поэтому подавляешь в себе эти самые желания, естественные чувства, не говоря уж о любви.

А как мне нравится Сашка Антибанов. Женатый Сашка жил напротив. Все как на ладони. Он часто стоял на балконе, и сверлил своими глазами на расстоянии все мои передвижения. Не знаю, что роилось в его голове. Но видно, что-то не очень льстившее мне. Мужиков в моем доме было всегда полно. Братья приезжали мыться и курили полуголые на балконе. Сашка там землю рыл копытами. Он часто кричал мне что-нибудь с балкона, типа: — Куда пошла?

Мы вечерами уходили с подругой ловить ее мужа на горячем. Ловили, ловили и не могли застукать. А Сашка что-то себе мыслил. На Пасху явился под балкон и кричал:

— Лариса, выйди, ну выйди, пожалуйста, я вот яйца принес, христосоваться.

За пазухой лежали разноцветные крашеные яйца, а в карманах конфеты. Пьяный и черный, с раскудрявившимися волосами Сашка был красив красотой необыкновенной. Щедрый и в новом спортивном костюме «Ади-дас», производил впечатление на женщин всех мастей. Сашка был женат уже пятый раз. Официально. Не знаю, как там у него было, но болтали, что с первой женой он не провел и медового месяца. Застукал с другом, пьяную, прямо на свадьбе и ушел. А вот с Анной жил уже давно, имел семилетнего сына тоже Сашку. Анна с его матерью работала на ликёрке, и когда очередное ОБХС выявило огромную недостачу винно-водочных изделий, её посадили. Да. В тюрьму. Из тюрьмы она к нему и приехала, к внезапно разбогатевшему, в новую квартиру. Мать купила, главбух Ликеро-водочного завода. Красива новая жена необычной красотой. Гибкая, с быстрыми лисьиими глазами. Губы как бы размазанные по узкому лицу. Прическа с мелкими завитками всегда высоко стриженная, в очень хорошем салоне красоты и ногти кровавые и длинные. Не чета моим ногтям — обломышам. Стройная походка, новые наряды и совершенно нелюдимая с виду. Такая ему была под стать. Это всё я потом из нашей душещипательной беседы выяснила.

Он постучал в дверь и стал кричать на весь подъезд:

— Впустите, впустите.

Я вынуждена была открыть дверь.

В соседней комнате спал муж, который так и не вышел.

— Христос Воскрес! — и он смуглыми пальцами с выпирающими костяшками стал расстегивать куртку и доставать крашеные яйца, и конфеты из всех карманов стали сыпаться, сыпаться. Я неловко подбирала их.

Кстати, дело было глубокой ночью. Я писала конспекты. Училась тогда в Строительном техникуме.

— Тебя хоть как зовут?

— Саша Антибанов.

Так и познакомились, с тех пор «химия» всегда была между нами.

Секс был всего один раз. Он вдруг пришел, узнав, что мы разошлись. А мы с Ванчей то расходились, то сходились, так что это нетрудно было узнать. Я стояла по вечерам у окна, и это было знаком. Он постучал и вошел в квартиру. Я почему-то сразу поняла, это он. Он был так горяч и быстр,

что не пришлось ни о чем думать и стесняться. Завелся, как видимо он делал это не раз. А мне было не по себе. Не было никаких слов, обещаний, ласк. Голый секс. Потом он быстро оделся, так же ничего не сказав, открыл дверь и стал спускаться по лестнице. С огромным сожалением я смотрела ему вслед. На прощание я сказала:

— Больше не приходи, — я закрыла дверь и прижалась к ней, как к живому, большому, понимающему существу.

Сашка начал ездить в Польшу, перегонять машины и продавать. Но всё как-то не ладилось. С бизнесом, с женой. Деньги, как приходили, так и уходили. Жена влюбилась и завела себе нового парня. Сашка от горя гулял с еще пушей силой. И пил, пил.

С его сыном я познакомилась тоже случайно. Часто видела мальчика одного. Во дворе. А тут стоя в лавку в длинной очереди за дефицитными носками, слышала разговор и крик или вскрик:

— Не пойду!

— Саша, ну вот уже восемь часов, твоих нет. У меня тоже дети. Пойдем. Потом папа или мама тебя заберут.

Воспитательница уговаривала светлого кудрявого мальчика, а он сопротивлялся, насупившись. А меня Сашка видел не раз. Я ж под их окнами всегда занималась с детьми. Играла с ними в футбол, мы устраивали детские концерты перед домом и играли в другие игры. Меня все дети знали еще и по собаке спаниелю. Я подошла и попросила воспитателя забрать мальчика к себе:

— Я соседка, — соврала я. — Папу и маму знаю хорошо. Как увидим свет, сразу и пойдем домой.

— Ладно, — согласилась уставшая воспитательница.

Так и не купив носков, мы отправились к нам домой.

С тех пор мы подружились и с Санькой. Мы так и сделали. Накормила для начала, потом он играл с моей Ируськой. Увидев свет, я отпустила его домой.

Сашок был тоже необычайно красив, кожа была неестественно белой. Будто он никогда не загорал. Он полюбил бывать у нас. С садика я стала забирать их двоих, Ируську и Санька. Часто родители забывали про него. Приходил поздно дед, смущаясь и топчась в дверях, забирая Сашку, обязательно с кухни, жующего и счастливого. Он у нас и ел, и играл, и чувствовал себя, как дома. Всегда бегая во дворе, бежали в детский сад, и там у них был свой штабик, под крыльцом. Он палкой отгонял мальчишек, а позади Ируська маленькая и юркая тоже с палкой. Оба беленькие и кудрявые, как брат с сестрой. Новый дружок щедрый был до неуправляемости. Папка Александр с Польши привозил всякие экзотические вещи. Напитки, сухой «Несквик», шоколад. А сын Сашка с банками и конфетами бежал через двор, неся все это своей подружке, получал за это нагоняи. За ним неслась ватага ребятни в надежде поживиться. Я советовала ничего не носить, но жвачки «Бубль Гум» и шоколадки «Сникерсы» постоянно пополняли наш рацион. А однажды Иру застучала под балконом, а Сашка с балкона кидал ей огромных лещей свежего посола. Это уж слишком, подумала я, и отправляла с рыбой домой. Ох, как не хотелось ему возвращать награбленное.

А старший Александр приходил за ним тоже, топчась у двери, или я вела маленького Сашу к ним. С ингалятором. С кактусом, который понравился малышу.

Все это было сладко вспоминать, сидя на пульте в гордом одиночестве и держа книгу в руке.

Часть 3

Все страшнее и страшнее.

Я стала молиться. Молитвы это новое для меня хобби. Я стала недавно верить в Бога. С Богом мне было и на пульте не страшно и в жизни. Господи, помоги мне избавиться от этого чёрта, с его бредовыми, даже не знаю какого цвета глазами. И ноги у него тонкие. Среди моих мыслей не было глобальных и масштабных, работая, наконец-то забыла настоящее, и этого чёртового мужика у меня в квартире.

Потекли минуты блаженной тишины. Как вдруг страшный грохот сотряс все здание. Посыпалась штукатурка, вылетели стёкла. Закружились и полетели предметы со стола, как осенние листья. Сработали все ключи на пульте управления, в рации послышались голоса.

Я помчалась по коридору, как по туннелю, так чёрен он был, и там за углом разверзлась передо мной пропасть, то есть я это преувеличиваю со страху. Так вот среди грохота, огня и дыма я увидела огромную летающую тарелку, которая снесла весь лестничный пролёт, воткнулась прямо в стеклянную раму, соединяющую первый и второй этаж, разнесла вдрезг, массивные двери, и сама при этом не пострадала ни на грамм. Я пропала. Наверное, я закричала, и от страха, и дыма, и копоти рухнула на пол, потеряв сознание.

Очнулась уже в другом пространстве.

Первая мысль была, что меня выгонят с работы, вторая мысль, что надо сообщить по рации о случившемся. А тут лежу, развалившись.

«Открывай глаза», — приказала я своему сознанию.

Меня окружали колбы, трубки, стерильная чистота больницы будущего, как в видеофильме.

Никого нет. Пошевелилась и приподнялась. Лежу совершенно голая. Сквозь прозрачный пол, внизу подо мной, пролетал туман. Клочьями облака. Внизу сверкает огнями город, наверное, земной. Не сильно быстро, а плавно, а потом рывок, и расплывчатые огни теряются во мраке ночи. Подо мной просто бездна. Страшно, жутко и красиво. От восторга и страха можно чокнуться. Наверное, я умерла. Свет слепил, и слепил, и я закрыла глаза, будь что будет. Хотя, ничего не болело, по-житейски думала я. Через некоторое время оглянулась на шорох. Мне показалось, из ниоткуда появился человек или может не человек, лица не было видно за маской, в сером комбинезоне. В руках приборы. Он с деловитым видом подключал и отключал приборы, то и дело глядя на экран монитора. На экране под моим косым взглядом появлялись мои внутренности, он приближался, рассматривал, тут же печатая информацию на другом компьютере. Посмотрел на меня, я тут же зажмурила глаза. Он подошел к кабинке, похожей на душ, зашел и нажал кнопку. Полился поток света, его пронзало, как молнией,

радужными потоками. Минут пять было видно, как он поворачивался и как бы мылся, подставляя себя под лучи света. Потом он исчез. Открыл кабинку, и я не увидела, куда скрылся человек или иное существо.

Стараюсь ни о чём не думать. Звёздное небо. Время летит вместе со мной. Я встала. Врезов и пристёжек не было. Увидела комбинезон, сверкающий белизной, маску, видимо на лицо. Бахилы. Все одела. Ткань была мягкой и облипающей, и дышащей. С толстыми прожилками проводов. В утолщения, видимо, подается подогрев. Там на груди были кнопки, нажала красную, стало теплее. Только сию минуту поняла, как я замерзла. Подошла к большому мерцающему экрану, похожему на зеркало, в мой рост. На экране при определенном приближении была видна вся моя группа мышц, надо сказать, хилая группа. Еще шаг ближе, стали видны внутренности, в их самом естественном виде. Вижу печень, почки, матку (с интересом и тайным страхом, уф, не беременна). Еще шаг, увидела сосуды, наполненные кровью, пульсирующей при каждом биении сердца. Я долго играла, то отходя, то подходя к экрану, рассматривая свои органы. В жизни я страдала желче-каменной болезнью, желчный был переполнен, и я всегда болела, падала в обморок. Я высматривала у себя причину болезни, и видела в желчном пузыре яркий камень со стеклами и известниковыми, бриллиантовыми камнями. Вот почему их не видно было нашей, земной технике на рентгене. Желчный пузырь выделял желчь не активно, замороженный ярко-светившимся камнем. Есть не хотелось, глядя на это удивительное зрелище. Мой скелет поднимал руки, двигался и скалил зубы.

Значит, этот появившийся человек не мои внутренности смотрел, а свои смотрел. Всё ли у него там в порядке. Утренний моцион. Так же как и мы, утром причесываемся, чистим зубы, умываемся. Я осторожно вошла в кабинку и, закрыв дверь, включила кнопку. Меня пронзало световым потоком. Я теряла связь с действительностью, потом мне стало больно, адски больно. Меня начало трясти и все во мне раздиралось на части. Камни и сгустки просто пошли по всем артериям, венам, и желчным и кишечным путям. Я не помню, что со мной было дальше. Очнулась я опять на кровати. Если эту висящую в воздухе штуковину, качающуюся при каждом шевелении плоскую штуку, можно назвать кроватью. На ней не было ни одеяла, ни простыни. Даже материал, не знаю какой. Голова была ясной и свежей, а тело удивительно молодым и здоровым. Последнюю часть этого зрелища. Мне помогли. Это ясно. Для чего им меня спасать, и лечить, пока наоборот, неясно.

Никто не интересовался мной, но я чувствовала несвободу. Где и к кому я попала? Мне не терпелось увидеть их. Вспомнила все страшные видеофильмы и книги, и что плохого пишут и показывают в них. Об их негуманных опытах с человеком. Стало жутко. Увидела, доска висит в воздухе. Потрогала, не качается. Стол. Ниже к ней приставлена типа скамейки, доска поменьше. Села. Как Маша в домике медведей. Она-то убежала, в конце сказки. Кнопки. Нажала одну. Из окошка напротив приплыл стакан воды. Кажется по воздуху, потом пригляделась по плотному потоку воздуха. Нажала вторую кнопку, приплыла пластиковая на вид тарелка, герметично закрытая с дырочкой и крышкой. Отвинтила крышку, попробовала на вкус,

бульон. Крепкий, пахучий. Куриный или говяжий непонятно. Травяной скорее. Третья кнопка, все ушло обратно. От бульона стало сытно на желудке.

Все мне было любопытно, как молодой неопытной особи женского пола, человеческого подвида. Я стала исследовать стены, может тут дверь есть?

Подошла к стене, потрогала, и неожиданно открылся проём, за которым появился следующий отсек с огромным светлым коридором и разветвлёнными бесчисленными коридорами.

Я, испугавшись, отошла, подошла к следующей стене, открылся проём в другой отсек, это видимо был пульт управления. Там сидели несколько людей в комбинезонах. Перед ними был огромный пульт управления, с мониторами и приборами. Я отошла опять, и опять ход как отворился, так и затворился. Видимо, адекватное автоматическое открывание и закрывание дверей, оборудуются датчиками, реагирующими на движение, я что-то помнила из новых рассказов моего нового знакомого с чужой планеты, Сергея.

А потом появились, как в старом сне, два моих брата. Причем, один давно умер. А второй жив и сейчас, Николай, ремонтирует мотоцикл Иж-Планета спорт. Я уже поняла, что по неуловимым признакам, это не братья по крови, а братья по разуму, так сказать. Подстроились под мои вкусы, изверги.

Мы долго говорили.

Они выразили благодарность о спасении инопланетянина.

На вопрос о будущем рассказали, что маленький Сашка младший умрет от лейкемии в десять лет, а старший станет закоренелым бандитом и наркоманом, и что у него, как мне и снилось потом, будет молодая жена, с сыном от прошлого брака и родится еще сын. Я смогу видеть ауру человека, и видеть сны, предсказывающие будущее. Проживу тихо и буду сочинять стихи и писать прозу. Дети мои вырастут, и многое другое. Относительно Земли в целом ничего успокаивающего. Нельзя мне представить себе, что будет. Я не могла представить безлюдные города. Когда они показывали мне картинки будущего, я не могла понять, куда делись люди. Италия без людей. Красивые улицы пусты и печальны. Хотя также светило солнце и не было никаких видимых причин исчезновения людей. Видела войну на Украине, разгромы в Америке, и бунт в Белоруссии...

Все это было не охватить никакими моими чувствами. Мне сказали, что помнить и знать мне это надо. А вот говорить об этом я не смогу. Будет наложен гипноз на уста. Я спрашивала о Библии. Мне сказали да, люди были высокими. Вследствие притяжения Земли, потом притяжение усилилось, сгорела часть ядра. Люди изменились, стали ниже ростом, их количество увеличилось. В будущем появятся машины на солнечном топливе, солнце станет гореть еще сильнее, и пять миллионов лет, отсчитанных нашими учеными на сгорание Солнца, уменьшатся. В общем, все это было непонятно. В физике я не очень понимаю и могла перепутать многое из сказанного. Они покинули комнату. Было долгое ожидание.

Вдруг внизу, в большом отсеке, открылся люк, потом еще резервуар, я увидела землю, огни стали приближаться, выбросив луч, дискообразная

тарелка пошла на посадку, опалив круг метров десяти степной поверхности, меня вытолкнули, и я пошла по световому лучу. Он медленно опускал меня на землю. Я увидела моего человека, он шел мне навстречу. Кивнул, как старой знакомой и сказал:

— Жди. Ящик береги. В компьютере будут послания в почте. Читай.

Кожа и тело его деформировалось, превращалось в первоначальный вид и облик. А потом и вовсе превратилось в сгусток энергии. Всосался в отсек, и инопланетная лодка ушла в раскрытое пространство. Миг, и её нет.

Вместо меня значит, его возвращали. Иначе б он не вернулся. Подумала я. На этом всё? Я посмотрела с сожалением в небо и по старой земной привычке помахала вслед улетевшим. Но вдруг портал надо мной открылся и на землю брякнулся, прям ниоткуда, черный длинный предмет...

1990-2020 год

*Наталья Менендес
(Россия, г. Кинешма)*

«ТВОРЯНЕ» С ВОЛЖСКОГО БЕРЕГА

Прошло три десятилетия после развала Советского Союза, а российская литература всё ещё не может восстановить то бывшее влияние, которое когда-то имела в советском обществе. Центробежные тенденции, развалившие некогда монолитное единство Союза писателей СССР, на разорванном полотне российского литературного пространства, наклепили огромное количество пёстрых заплат различных, уже не профессиональных, а общественных литературных организаций и, к сожалению, ещё больше усложнили творческую жизнь профессионального писателя. Вопрос, конечно, можем ли мы употреблять слово, профессионального? Если не стало в новом государстве и профессии такой — писатель.

Один из писателей, мой коллега по литературному творчеству, о котором здесь тоже пойдёт речь, называл своих собратьев по перу «творянами», и мне название это и приемлемо, и приятно. Но дело не в том, как именовать коллег моих: поэтами, писателями или просто литераторами, главное, что все эти годы претворение в жизнь любого, даже не очень большого литературного проекта становится всё сложнее. Пока жизнь «творянина» — литератора не облегчила и проявившееся в прошлом году слабое дуновение центроостремительного направления в виде создания АСПИ (Ассоциации союзов писателей и издателей), хоть многие писатели и связывают с этим явлением свои

надежды. И если писатели признанные, да и менее известные столичные, могут прислониться к богатому городскому бюджету, или к крупному издательству, то более тяжело живётся российскому литератору в глубинке. Там уж твори, а потом и претворяй, всё, что натворил сам, как тебе сможет. А как? На свои кровные, что, конечно, обидно, итак писательский труд совершенно не оплачивается, или ищи спонсора, что в провинции достаточно сложно.

А ведь полноводная река российской литературы потому и полноводна, что наполнена она стекающими в неё ручейками, и освежаются воды этой реки бьющими где-то на просторах страны родниками. И важно, чтобы ручейки и родники эти были с чистыми водами, не загрязнёнными в угоду рынка и потребительской культуры, хоть, чего греха таить, наша столичная литература во многом и направляет в эту сторону тех, кто берёт её за образец. И поэтому, мне особенно, приятно представить двух самобытных писателей из нашего небольшого волжского города Кинешма — Вениамина Захаровича Никишина и Владимира Николаевича Говоркова. Первый из поколения людей, юность которых была опалена войной, второй — родился уже в послевоенное время, но военный след яркой полосой проходит и в его наследии. Творчество одного проявило себя в тяжёлые 90-е годы, а второй в основном публиковался

с конца 90-х до середины второго десятилетия 21 века. Они были хорошими друзьями, а Владимир Николаевич считал Вениамина Захаровича ещё и своим учителем.

***

В декабре 2012 года в центре города Кинешма Ивановской области появилась скромная мемориальная доска, посвящённая Вениамину Захаровичу Никишину, на доме, в котором он проживал достаточно долго в послевоенное время. А в 2014 году вышла книга, включившая в себя большую часть его литературного наследия, которую издали на свои средства друзья писателя. В ней, наконец, достойно переиздана его первая книга рассказов «Апельсин на ладони» и другие произведения, не опубликованные ранее.

Кинешемцы по праву могут считать Вениамина Захаровича своим земляком, так как более 60 лет он прожил в нашем волжском городе, где работал, писал, с головой погружаясь в очередное новое увлечение. Вениамин Захарович Никишин был настоящим волжанином, при этом оставаясь сибиряком, не потерявшим свою душевную связь с местом, откуда был родом, а родился он 19 декабря 1926 года в селе Одино Мокроусовского района Курганской области.

Отец его был рыбак и охотник, а дед в дореволюционном прошлом гусарский полковник. Вениамин Захарович очень гордился своим дедом, который во время гражданской войны был командиром партизанского отряда на стороне красных. Дважды он был приговорён к расстрелу колчаковцами, но, к счастью, остался жив. В своей автобиографии писатель вспоминает, что очень уважал свое-

го отца, но деда любил больше. Не случайно многие его кинешемские друзья отмечают в нём родовую генетическую гусарскую удалость и честь.

«Я отцовский сын,
Деда вольный внук.
И в плечах аршин,
И подковы гну».

Семья очень пострадала в 30-е годы. Дед, несмотря на его героическое прошлое, связанное с Гражданской войной, был арестован за то, что когда-то служил в царской армии, а отца необоснованно обвинили во вредительстве в период его работы председателем сельского совета. Отец был сослан в Салехард и вскоре, уже вернувшись домой, умер от заболевания лёгких.

Мама Вениамина Захаровича с ним и его сестрой переехала в Кинешму, а, вскоре, выйдя замуж, уехала к мужу в деревню Грибино Кинешемского района. Вениамин Захарович был ещё школьником, но возвратился в Сибирь к своей тёте, у которой он жил и раньше после ареста деда и отца. В Кинешму он вернулся перед самой войной.

В 1942 году В.Н. Никишин окончил школу ФЗО и был направлен на военный завод в город Ковров. Это стало трагической страницей в его судьбе. Из-за невыносимого голода он сбегает с завода. Это был поступок, который в годы войны карался очень жестоко. В 16 лет он был осуждён заочно, без присутствия на суде, на 8 лет колонии строгого режима. Позднее он был арестован и направлен на соликамский лесоповал, а затем на рудник Бодайбо. В своих воспоминаниях он пишет: «На заводе я «заработал» по особому указу срок 8 лет...» Через два года он был выпущен досрочно из-за тяжёлой болезни. Ему было

всего 18 лет, и при росте 170 см весил он лишь 28 кг. В таком тяжелейшем состоянии он всё-таки добирался до Кинешмы. На вокзале падает, его подбирают в бессознательном состоянии. Но Вениамин Захарович всё-таки выжил. Здоровье помогло восстановить молодость.

В декабре 1944 года В.Н. Никишин был призван в армию. Служил сапёром, а затем строителем. Строил МГУ, работал на разных стройках страны. В Кинешму вернулся в 1950 году. И в этом же году женился на Зинаиде Петровне Никишиной, которая работала преподавателем экономического техникума. Они прожили вместе 55 лет. У Вениамина Захаровича две дочери. В настоящее время одна живёт в Москве, вторая в Калининграде.

Интересна трудовая биография Вениамина Захаровича. Получив финансовое образование в экономическом техникуме, а позднее, закончив высшие режиссёрские курсы в Москве, он за свою жизнь освоил много разных и, казалось бы, взаимоисключающих друг друга профессий. Работал грузчиком в порту, экспедитором, диспетчером, актёром в театре, заместителем директора экономического техникума, директором клуба, корреспондентом в газете, фотографом.

В Кинешме Вениамин Захарович начинает писать и публиковать свои первые произведения. Истоки литературного творчества сам писатель видит в связи с Сибирской землёй, на которой родился. Именно там он встретил интересных рассказчиков, и многие истории запали ему в душу. Зимой, во время долгих буранов охотники и рыбаки собирались вместе в ожидании хорошей погоды и в кругу друзей рассказывали случаи из их жизни, которые слышал Вени-

амин Захарович, а потом они обрели второе рождение в его рассказах. В его первой книге «Апельсин на ладони» первая часть так и называется «Сибирские рассказы». О сибиряках писатель говорит с большой любовью, но это не мешает ему показать и нелепые стороны жизни его героев, от души посмешишь читателя. Смех этот добрый, как например, в рассказе «Старокуртанские матадоры».

«...Тарарахнул такой выстрел, что, казалось, крыша Деризубовой избышки сдвинулась набок. В избышке обалдело завизжала Агафья, выронив из рук маслобойку. Двор заволокло дымом. Бык три раза подпрыгнул, как на батуте, потом ринулся вперёд, яростно ударил косыми рогами в простенок избышки, продавив его, как дно старой корзины, вздыбился и с диким рёвом кинулся на Сильвестра. Тот, бросив ружьё, воробышком перемахнул через прясло и шлёпнулся оземь, как курица...»

Основная масса его произведений, как опубликованных, так пока не дошедших до публики посвящена людям кинешемской земли. Здесь и старая дореволюционная Кинешма, и время революционное, и время военное, и современная ему жизнь. Перед нами открываются судьбы людей, а иногда мимолётным штрихом даются нам напоминания о хорошо знакомых и известных в своё время кинешемцам людях: врачах, рабочих, городских и многих других. Всё это описано красочно, и как характеризуют его друзья-писатели «вкусно». Но особенно проникновенны его повести и рассказы, связанные с Великой отечественной войной, с нашими земляками, которые мужественно перенесли эту трагедию и на фронте, и в тылу.

«Посох памяти... Это название точно. Лучшие не придумаешь. Да я и не придумывал. Я заимствовал его у Виктора Астафьева. Все меньше остается этому посоху стучать по житейским дорогам вперед, все больше он возвращается к пройденным дорогам. Все чаще он идет диаметрально времени, стрела которого направлена только вперед»...

Он не придумывает своих героев, он их видел воочию. Может потому так трепетно и повествует, как в рассказе «Посох памяти».

«...Он поставил костыль к стенке, снял шапку, сунул ее за пазуху, оттуда же достал бескозырку с Георгиевской лентой: «Краснознам. Балт. флот» и сразу же стал прилаживать ремень аккордеона к плечу. Скрюченные, замерзшие пальцы моряка не слушались, ремни никак не забрасывались за плечо, чувствовалось, что и сам он промерз изрядно, хоть и был слегка «подогретый». Пальцы его скользили по костяным холодным клавишам, никакой мелодии не получилось, он дышал на них, совал за пазуху, но пальцы никак не отходили. Тогда он бросил эти усилия и уронил голову на меха аккордеона. Может быть, заплакал...»

Он был достаточно разнообразным писателем. В 1955 году написана его историческая драма «Багровые зори» на основе местных революционных событий. Он был человеком своего времени, поэтому и революция воспринимается им как великое событие 20 века, так, как воспринимали большинство его сверстников. Эта драма обрела своё второе рождение в виде пьесы и была поставлена в 1962 году в кинешемском театре им. Островского. В это же время им написана для Ульяновского драматического театра пьеса «Не возвращай-

ся, Виктор». Кроме драматических произведений он пишет повести, рассказы, очерки, но публикует малую часть и в основном в периодических изданиях.

Уже в начале литературной деятельности Никишина отмечают, как талантливого писателя. В очерке ивановского писателя Виталия Ефимовича Сердюка о Никишине «Дорогу осилит идущий», который вошёл в книгу «Судьба писателя», даются воспоминания о Никишине и его оценка, как талантливого человека. Такую характеристику, по воспоминаниям Сердюка, делает и Владимир Семёнович Жуков — известный ивановский писатель, много лет руководивший ивановским отделением Союза писателей СССР, а позднее России. Да и сам Виталий Ефимович отмечает: «Рассказы и очерки Вениамина Никишина читаются легко и с интересом». Он с болью и досадой пишет, что хорошая и интересная книга «Апельсин на ладони», наконец-то вышедшая в 1996 году, к стыду кинешемцев, была сделана полиграфически некачественно, неграмотно и «провинциально». Но давайте не забывать, что это были 90-е годы, в которые провинция жила особенно тяжело.

Несмотря на внешнюю непривлекательность, книга была оценена по достоинству, и в 1998 году Никишин был удостоен за неё областной литературной премии. А в 1999 году был принят в Союз писателей России. К сожалению, когда произошло это событие, ему было уже 73 года.

В 1999 году оценку получила и его повесть «Тополь на ветру», вышедшая годом раньше. Это очерки о жизни жителей района «Томна» города Кинешма. Острый глаз писателя даёт точные и ёмкие характери-

стики кинешемским событиям и кинешемцам. Не случайно книга получила высокую оценку краеведов. В краеведческом направлении писатель пишет очерк «Четверть века» о заводе «Автоагрегат». Это бесценный материал о заводе, который считался когда-то градообразующим, а сегодня, как и многие другие предприятия нашего провинциального города, давно прекратил своё существование.

В повести «Река, город, люди» само название говорит о городе, с которым его связала судьба, о Кинешме. Жаль, что при жизни не были изданы роман «Кремни секут искры» и повесть «Недопетая песня любви».

Свою литературную жизнь он не отделял от общественной деятельности. Более 25 лет Никишин Вениамин Захарович руководил литературным объединением «Чайка» при газете «Приволжская правда». Именно там он познакомился с другим нашим поэтом и писателем Владимиром Николаевичем Говорковым. Это знакомство во многом определило и творческую судьбу его друга.

После смерти жены, в начале двухтысячных он переехал в Калининград к своей дочери, там, в 2007 году, умер и похоронен.

У Вениамина Захаровича в нашем городе и области был очень большой круг друзей и почитателей его творчества. Это помогло нам сохранить его литературное наследие. Пример бережного отношения к творчеству писателя изданная уже посмертно книга «Пасынок лихолетья». Открывая эту книгу, и знакомясь с героями писателя, мы видим яркие, живописно показанные, картины жизни и волжского города, и далёкого сибирского села. Его произведения бу-

дут служить многим поколениям читателей глубоким познавательным материалом о жизни простого человека и в дореволюционной России, и в двадцатом веке, рассказывая нам о стране, которой уже нет.

***

В 60-е и 70-е годы на волне «Оттепели» литературная жизнь нашей страны бурлила, оживилась она и в провинциальных городах. Возможно не поднимаясь до высокого столичного уровня, но точно, давая старт многим писателям из российской глубинки.

В Кинешме в этот период времени существовало литературное объединение «Чайка», о котором мы уже упоминали. В конце 60-х в этом объединении появился молодой человек Владимир Говорков, студент медицинского училища с довольно известной в городе фамилией, так как был сыном Николая Александровича Говоркова — фронтовика, журналиста и к тому же поэта, часто публикующегося в местной периодике. В 1969 году у отца выходит поэтический сборник «Страда», которым сын гордится. Но к этому времени у сына накоплен свой поэтический багаж. И не малый. Руководитель объединения сразу обратил внимание на сына известного журналиста, несмотря на то, что в это время в объединении сложилась группа талантливого молодёжи, из которой потом вышли и известные в регионе поэты, такие как Евгений Смирнов, Николай Логинов и другие.

Природа не стала отдыхать на сыне талантливого поэта.

Говорков Владимир Николаевич родился 21 февраля 1953 года в городе Кинешма. Интересно проследить родословную Владимира Нико-

лаевича, которая восходит к концу восемнадцатого — началу девятнадцатого века и связана с Говорковым Тихоном Ивановичем — священником Воскресенской церкви погоста Ильинского, Судиславского духовного правления.

Родословная эта скрупулёзно и с любовью составлена другом Владимира Николаевича нашим кинешемским краеведом И.А. Мягковым. По ней мы с интересом узнаём, что предки Владимира Николаевича в основном священнослужители. И это во многом открывает нам ту высокую духовность и направленность к Горнему миру его творчества, которое изнутри питалось его генетической принадлежностью, хотя творческая биография его отца и соответствовала духу своего времени.

Николай Александрович Говорков родился в 1905 году в деревне Горкино Родниковской волости Юрьевецкого уезда Костромской губернии (ныне Родниковский район Ивановской области). Там же началась его литературная биография: являясь секретарём Горкинского волостного комитета комсомола, он стал крестьянским корреспондентом, затем сотрудником «Приволжской правды». В годы Великой Отечественной войны — фронтовой журналист. Был ранен и контужен. Награждён орденом Красной Звезды и пятью медалями. Демобилизовавшись, вернулся в Кинешму.

Николай Александрович был хорошо знаком со многими известными поэтами и писателями ивановского края, в том числе и хорошо известными во всей стране, такими как Дмитрий Семеновский, Александр Благов, Николай Грачёв и другими. Активно публиковался. С раннего детства Владимир

Николаевич находился под влиянием от ярких впечатлений близкого присутствия творческих людей, окружавших его отца. Это, несомненно, тот первый толчок в его судьбе, поставивший его на дорожку восхождения к поэтическому творчеству и писательскому труду. И свои первые поэтические строчки, по воспоминаниям Владимира Николаевича, он не без робости вынес на суд отца. И только после одобрения его поэтических проб, решился на публикацию.

Большое воздействие на творчество Владимира Николаевича оказало сближение с Вениамином Захаровичем Никишиным. Не однажды в беседах с автором данной статьи он говорил, что ему повезло — на его творческом пути у него были отличные учителя. Одним из этих учителей он называет именно его. В 1998 году вышел первый поэтический сборник Владимира Говоркова «Осенины».

«Дымчатой путины
Неуловимый лёт.
Праздную осенины,
Пригубив янтарный мёд...»

Вениамин Захарович Никишин, сразу же откликается на публикацию сборника и констатирует:

«Да будет известно каждому кинешемцу, каждому любителю поэзии — в нашем городе родился и живёт большой поэт. Удивительнее всего, этот поэт родился не в литературном институте, а вырос в народной гуще, незаметно, не холёный, не обогрётый. Наверное, потому он и неистовый. Страдания его не одиночны, они ложатся на все наши щербатые души. Его поэзия, на беглый взгляд, может показаться унылой и даже обречённой, но это только покажется. Его поэзия — страстной силы, зовущая к жизни, осмыслению бы-

тия». («Приволжская правда», от 30 сентября 1998 г., №151 (16767)).

Творческая деятельность становится смыслом жизни Владимира Говоркова. В 2003 году Владимир Николаевич был принят в Союз писателей России. Писательский труд поистине стал для него главной и стержневой профессией. Он публикуется в многочисленных поэтических сборниках: «Молодость», «Кинешемская тропинка к Пушкину», «Венок Пушкину с земли Ивановской», «Откровенный разговор». Постоянны его публикации в ивановском литературном альманахе «Откровение». Его стихи вошли в антологию «Поэзия ивановского края» в 1999 году, ещё до вступления в писательскую организацию. И вторично в 2006 году.

В 2005 году выходит его знаковая книга «Пылающая память послевоенного поколения», посвящённая его отцу Николаю Александровичу. В этой книге идёт переключка двух поэтов — отца и сына, переключка двух поколений, прошедших войну, и взывающих: «Я никак не могу возвратиться с Великой войны...», и рождённых после неё: «..Я войны не видал и сказать про неё не сумею лучше тех, кто прошёл по невысказанным вёрстам её».

В сборнике мы видим зрелого поэта, и открываем для себя новые грани его творчества, уходящие к глубинам истории нашей Родины, её философскому осмыслению.

В 2008 году опубликована книга «Сказы земли заповедной», где более широко и уверенно мастер продолжает своё повествование, гармонично сочетая поэзию и прозу. Его часто упрекали, что уж очень издаёка начинает он рассказ о своей малой родине, уходя в глубь веков далёкой

и до сих пор не до конца понятой нашей российской истории. Владимир Николаевич всегда мыслил масштабно, с размахом, верно угадывая наиболее острые и спорные углы и не боясь с ними соприкасаться.

Так он начинает повествование в книге: «На крутолобом берегу реки Ра...», называя Волгу древним именем, он воспекает свою «заповедную землю»:

«...Земле отчей слава навеки,
Она будет нашей всегда,
И равнинные русские реки
Родниковая полнит вода...»

В двух заключительных главах: «Параболическая партитура» и «Духобытие» достаточно ясно видно тесное соприкосновение его поэзии и прозы с философией.

«Если ты содуховен Творцу,
Восприми благовестие Света!
Пот кровавый течёт по лицу
Тех, кто слов не бросает на ветер...»

Увлечение философией не было случайным для Владимира Николаевича. Он углублённо изучает русское и мировое философское наследие. Пишет статьи философской направленности. Его работа вошла в антологию по философии «Всемудрость народов России» в 2011, представленной на философском форуме в Афинах.

Владимир Николаевич был человеком широкой души, умеющим быть верным и преданным другом. Это наиболее ярко открывается в его книгах, написанных с друзьями краеведами. Первая — «Сказание о земле Кинешемской» написана в 2002 году совместно с Николаем Васильевичем Воробьёвым, в этой книге впервые были обнародованы многие неизвестные факты истории Кинешемского края, в ней удивительным образом переплетаются прозаический

пересказ и поэтическое воспевание истории родного края. Не случайно книга была отмечена на всероссийском конкурсе «Моя малая Родина», а несколько экземпляров даже закуплены в один из университетов США.

Последние годы своей жизни Владимир Николаевич творил, будучи очень больным, но никогда не терял оптимизма, любил пошутить даже над своей немощью. Именно в это время наиболее явно проявилась забота его семьи: жены Любоми Анастольевны, его дочерей, Ольги и Анны и его подросших внуков, которых он беззаветно любил.

В 2013 году выходит последняя книга «Благословенна Отчая земля», написанная совместно с другом краеведом Иваном Львовичем Мягковым.

Авторы связали воедино близкие и знакомые нам события с общероссийской и мировой историей. При этом они поднимают многие факты, над которыми сейчас скрестили, словно шпаги, свои перья известные именитые учёные: профессора, академики, и не только наши российские. У соавторов своё, во многом отличающееся от общепризнанного, мнение и о загадочной Гиперборее, и о таинственном Аркаиме. Они опираются на многочисленные новые источники, при этом не навязывают читателю свои взгляды, а открыты для диалога. Красной нитью прослеживается в книге мысль о единой истории всего человечества, о том, что русский народ наследник великого прошлого, и именно он очень многое открыл и дал истории всего человечества.

Книга наполнена любовью к своему краю, как и всё предыдущее творчество писателя. Но в этой книге мы видим откровенное и трепетное признание в любви к своему род-

ному городу, любви поистине благословляющей.

Вслушайтесь!

«К...И...Н...Е... Ш...М...А...

В каждой буквице кириллицы или глаголицы потаённый смысл угадывается, в единое Слово сказовое складывается.»

Он и правда любит каждую букву в названии любимого города. Он печётся о его славе, старается напомнить нам о тех именах, которыми мы должны гордиться. Он говорил: «Не отдавайте другим нашу славу».

Владимир Николаевич Говорков был дважды награждён областной литературной премией. (1999 г. — за поэтический сборник «Осенины», 2008 г. — за книгу «Сказы земли заповедной»). В 2015 году он получил заслуженное звание «Лауреат премии имени Фёдора Бобарыкина». В ходатайстве на премию председатель Ивановской писательской организации Юрий Васильевич Орлов подчеркнул, что Владимир Николаевич «достигал свои профессиональные вершины не собственной корысти, не славы ради, а исключительно с думой о прославлении земли своей отчей, «заповедного» своего кинешемского края, сделавшись его и летописцем, и «певцом», и в некотором смысле — тем самым «пропроком», какого в любом отечестве не скоро отыщешь».

Творчество Владимира Николаевича нельзя назвать простым, над тем, о чём нам он хотел рассказать, нужно думать. Владимир Говорков истинно православный поэт, в своём творчестве он открывает нам горные высоты.

Вчитываясь в его поэтические строчки, мы ясно видим искреннюю боль, заботу и веру в нас — его собратьев по перу:

«...Отче наш, Ты творян приголубь,
Их земля из лебяжьего пуха.

Пусть сольётся сердечная глубь
С высотой нисходящего Духа...»

Владимир Николаевич умер 27 ноября 2015 года. Он оставил нам богатое наследство — его «мерцающие мысли», которые будут путеводными для многих новых поколений его читателей.

Через пять лет осенью 2020 года в самом центре нашего города на одном из исторических домов, связанных с известным драматургом — нашим земляком А.А. Потехиным появилась ещё одна мемориальная доска, посвящённая и отцу и сыну Говорковым, ведь в этом знаменитом для Кинешмы месте они проживали очень долго. И это знаково!

***

Сегодня, на книжных развалах такое изобилие разной литературы. Среди пестрящего множества примитивизма и пошлости есть, конечно, и известная классика и не-

большие вкрапления качественной современной литературы. Но мы не встретим здесь книг, написанных писателем, живущим в глухой провинции и издающим эти книги мизерными тиражами от ста до трёхсот и редко в тысячу экземпляров. А значит, для большинства россиян эти писатели остаются неизвестными.

В небольшом волжском городе Кинешма жили два друга писателя, настоящие «творяне», по определению одного из них. В наше непростое время, когда многим слишком обременительным кажется тратить себя на сложные проблемы бытия, они заставляют нас задуматься, пристальней взглянуть в то, что нас окружает. Они рассказывают нам о том, чем живёт глубинная Россия. В сущности, они рассказывают нам о настоящей нашей Родине, ведь без этих малых городов и деревень Россия как страна просто перестанет существовать, или станет чем-то совершенно другим.

Никишин В. З. и др.

Говорков В. Н.

Никишин В. З. Фото Вл. Смирнов

Алексей Воронов
(Россия, Санкт-Петербург)

ПРЕМЬЕРЫ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ

Несмотря на то, что разбушевавшаяся в стране пандемия в минувшем году вмешалась в творческую жизнь всех петербургских театров, зрители северной столицы и в это время не остаются без премьер. В конце 2020 года литературный театр «Классика», возглавляемый заслуженным деятелем искусств России, доктором искусствоведения, профессором Дженни Николаевной Катъишевой, выпустил сразу два новых моноспектакля — «Пиковая дама» по одноимённой повести А.С. Пушкина и «Несказанное, синее, нежное...» по мотивам лирической поэзии Сергея Есенина.

Одним из основных лейтмотивов в творчестве А.С. Пушкина является противостояние «сыновей гармонии» — людей с открытым сердцем, наполненным любовью ко всему прекрасному — и «рыцарей пользы и расчёта», для достижения своих подлых целей готовых пойти даже на убийство. Таковы Сальери и Германн, создавая которых Пушкин словно предчувствовал свою неминуемую гибель — и тот и другой оказались уж очень похожи на Дантеса, с которым Пушкину вскоре предстояло встретиться у дуэльного барьера лицом к лицу...

Ранее Дженни Катъишева обращалась к этой теме ещё в 1980-е годы, когда работала над моноспектаклем «Я вас любил или Пушкин и Натали» в исполнении народной артистки России Галины Карелиной. Построенный на документах пушкинского времени — переписке Пушкина с друзьями и недругами, его стихах, фрагментах из «Моцарта и Сальери» — спектакль явился осуществлением мечты его создателей: ближе подойти к миру поэта, к тайнам его духовной силы и гармонии. Были изучены письма поэта, его современников и собственно интрига Геккерена, сводника Дантеса. Удалось изучить новые материалы, имеющие отношение к личности Дантеса — мемуары его внука, в которых Дантес предстаёт довольно примитивным и пустым человеком (никогда не видели, чтобы он читал книги). Драматургию спектакля во многом подсказало последнее письмо Пушкина к Геккерену, в заключение которого он фактически провоцирует Дантеса на дуэль: «Я не могу позволить, чтобы ваш сын после своего мерзкого поведения смел разговаривать с моей женой, и ещё того менее, чтобы он отпускал ей казарменные каламбуры и разыгрывал преданность и несчастную любовь, тогда как он просто плут и подлец...».

Своеобразным «ключом» для понимания смысла «маленькой трагедии» А.С. Пушкина «Моцарт и Сальери» стали слова её создателя по поводу Сальери: «Завистник, который мог освистать «Дон-Жуана», мог отравить его творца». Образ Моцарта в трагедии Пушкина, по мнению режиссёра, является alter ego самого поэта-драматурга. Пушкин, обладая чувством гения, безошибочно чувствовал своих недоброжелателей. И Моцарт в его

пьесе, как истинный гений, также наверняка чувствовал зависть и недоброжелательство со стороны Сальери, лицемерно называвшего его «лучшим другом». Весь вечер, ужиная с Сальери, Моцарт не может отделаться от охватившего его чувства тревоги — отсюда и рассказ о таинственном «чёрном человеке», заказавшем ему реквием (звучащий в спектакле как вопрос: «Уж не ты ли это?»). Поднимая свой последний бокал, он, возможно, предчувствует, что принимает яд — но всё же выпивает его до дна, успев сказать на прощание: «Гений и злодейство — две вещи несовместные». Уже после того, как Моцарт уйдёт со сцены, чтобы «уснуть надолго, навсегда», — эти страшные слова зазвучат для Сальери как роковой приговор, от которого ему уже не дожидаться оправдания ни в земной жизни, ни перед лицом Вечности. И Пушкин, и Моцарт своими трагическими судьбами напоминают нам о том, как часто гении расплачиваются собственной жизнью, утверждая высокие идеалы для всего человечества.

И вот — «Пиковая дама», моноспектакль лауреата Международного театрально-музыкального фестиваля «Звезда Альбиона» Марианы Семёновой в постановке Дженни Катышевой. Эта постановка отличается глубоким, тонким и во многом неожиданным прочтением, казалось бы, известной всем одноимённой повести А.С. Пушкина.

Так сложилось, что большинство из нас воспринимают героев «Пиковой дамы» сквозь призму одноимённой оперы, написанной П.И. Чайковским в конце XIX века. Между тем это совершенно разные произведения — не только по стилистике и жанру, но и по отношению их авторов к своим персонажам. У Чайковского Герман пылко и безответно влюблён в Лизу, однако предаёт свою любовь после того, как им овладевает пагубная страсть к картам. У Пушкина же нет и намёка на то, что Германн (именно так — с двумя «н» на конце, поскольку у него это фамилия, а не имя, как у Чайковского — *авт.*) испытывает хоть какие-то чувства к Лизе. Девушка для него — всего лишь инструмент, своего рода «воровская отмычка», с помощью которой он намерен пробраться в дом Графини и выведать у неё заветную тайну трёх карт.

Во время работы над «Пиковой дамой» Пушкин уже был хорошо знаком с Дантесом — холодным и пустым щёголем, мимолётом заглянувшим в Россию «на ловлю счастья и чинов» (как остроумно подметил М.Ю. Лермонтов). Обрусевший немец Германн (как и Дантес, абсолютно чуждый России) живёт в своём мелком эгоистичном мирке, в котором абсолютно нет места состраданию к чужой боли. Он тоже хочет поймать своё счастье — но может ли быть счастливым жестокий, бессердечный и скудотумный человек?.. Поражение Германна в схватке с Графиней абсолютно закономерно и даже глубоко символично. Мы помним, что Христос был жестоко распят на кресте, но прошло всего три дня с момента его казни — и мнимое торжество зла обернулось вечной победой добра. Графиня умерла от того, что воочию увидела перед собой дьявола — однако и с того света она жестоко отомстила своему душегубу, в одно мгновение развеяв в прах все его дьявольские расчёты.

Марианну Семёнову в этом спектакле отличает сверхточное попадание в жанр пушкинской повести, в которой мистика и подлинная драма

неожиданно переплетаются с насмешкой и тончайшей иронией. Это сочетание двух жанровых пластов особенно заметно в финале спектакля, когда стремительный взлёт Германна к осуществлению его заветной мечты в мгновение ока сменяется бесславным падением «сверхчеловека» — и последовавшим за этим сумасшествием, ставшим закономерной расплатой за обуявшую его сатанинскую гордыню. Неожиданным стало в этом спектакле и сценическое решение Лизы — внешне хрупкой, а по сути сильной и волевой, с целостным нравственным стержнем. Рассказывая в финале о дальнейшей судьбе девушки, артистка даёт нам понять, что Лиза — это своего рода «реинкарнация» Графини уже в следующем поколении. Встреча с проходимцем Германном не сломила её душу, а, наоборот, укрепила в решимости противостоять злу окружающего мира. Значит, у Лизы ещё есть надежда встретить настоящее, большое счастье.

О том, как проходила работа над этим моноспектаклем, рассказывает сама Марианна Семёнова:

«Мне кажется, ни один спектакль, ни одна концертная программа не давались мне столь мучительно и долго (почти два года шли репетиции). Пушкин, при своей кажущейся лёгкости и простоте, очень сложный автор, очень многогранный и многослойный. Он мгновенно умеет переходить от иронии к лирике, от шутки к драме, от игры с читателем к абсолютной серьёзности. И вот поймать эту пушкинскую интонацию было труднее всего. Ведь я должна воплощать на сцене не только всех персонажей повести, но и самого автора. Сколько раз я впадала в менторский тон, в некую «классичность», утяжеляя и чересчур акцентируя каждое слово. Да, именно найти внешнюю лёгкость при внутренней серьёзности было самым трудным во время моих поисков образа Пушкина. Часто я даже отчаивалась... Но в какой-то момент Дженни Николаевна, весьма тонко чувствующая «пульс» актёра, сказала, что образ получился.

Также очень непросто было найти образ Германна, который, по замыслу режиссёра, ни в коем случае не надо романтизировать, придавать ему некое обаяние (как это обычно делается в спектаклях). Абсолютно циничный, жестокий и хладнокровный человек. Рациональный манипулятор, ради своей цели готовый идти по трупам. Будущий Дантес. Люди такого склада мне, мягко говоря, не близки. Но надо было воплощать. Так сказать, хоть немного, но «впустить» его в себя, вопреки собственному, психо-физическому и моральному складу. При этом оставаясь органичной, чтобы созданный персонаж не выглядел искусственно. К зерну этого образа мы долго шли с Дженни Николаевной.

Графиня «оживала» благодаря маленькому штриху — она у нас слегка «закартавила» на французский манер. И сразу возникли и светскость, и желание молодиться, и кокетство, сохранившееся в Графине, несмотря на возраст.

При создании образа Лизы, наиболее близкой мне и по возрасту, и по внутреннему складу, тоже были проблемы. Я, невольно следуя укorenившейся в театре и в моём сознании традиции, делала её вначале слишком лиричной, слишком жалостной и ноющей. Дженни Николаев-

на всё время просила меня убрать «плачущие интонации», ведь Лиза, по её мнению, девушка с сильным характером, независимая, никому не жалующаяся. Но она ищет путь, как вырваться из своего принужденного положения в доме Графини — и на каком-то этапе ошибается, становится жертвой Германна. Но потом, поняв горькую правду, жёстко «хлещет» словами и себя, и убийцу Графини.

И вот, на последнем этапе работы над спектаклем, когда все образы, казалось, были найдены, прекрасно подходившая к нему музыка из Шестой симфонии Чайковского подобрана — всё стало «буксовать», «провисать»... И тогда Дженни Николаевна посоветовала мне сдвинуть темпо-ритм. «Он должен нарастать от первого отделения ко второму, от сцены к сцене, доходя до безумной интенсивности к финалу», — говорила она. Ведь накал страстей в последних сценах этого мистического и философского детектива (как тут не вспомнить Достоевского) достигает некоего «зашкаливающего» апогея. И когда мне удалось этот темпо-ритмический сдвиг осуществить — спектакль, как говорится, обрёл дыхание, «пошёл». К тому же Дженни Николаевна сильно сократила музыкальные куски, оставив только самые необходимые мелодические акценты и лейтмотивы.

Наш моноспектакль «Пиковая дама» только начинает жить. Он для меня очень тяжёлый, энергетически изматывающий. Но я надеюсь, что смогу с максимальной самоотдачей донести до зрителя ту боль и ту страсть, с которыми Пушкин в этой повести говорит нам об опасности и силе зла, живущего в мире, в душе каждого человека. Но и о конечной победе добра».

***

В течение сорока лет Дженни Катышева ставила моноспектакли «Сергей Есенин» в разных театрах, с разными актёрами, и каждый раз в новых редакциях. Это являлось результатом длительного изучения творчества великого поэта. Драматургия моноспектаклей формировалась и менялась в процессе исследования творчества Есенина, открытия новых фактов, документов, писем, фотоснимков судебной экспертизы. Соответственно менялись и названия спектаклей, первым из которых стал «Сергей Есенин» в исполнении артиста Виктора Харитоновца, поставленный в 1960-е годы. Следующей вехой на пути к постижению многогранной, трагически противоречивой личности великого поэта стал моноспектакль «Кто я? Что я?», поставленный по документальной пьесе Д. Н. Катышевой в 1991 году, к 100-летию со дня рождения Есенина, в исполнении артиста Государственного Курского драматического театра им. А. С. Пушкина, заслуженного артиста России Сергея Самошина. Следующая редакция этой пьесы «Сергей Есенин. В своей стране я словно иностранец» была поставлена в 2003 году в Литературном театре «Классика» и сегодня идёт на разных сценических площадках Москвы, Санкт-Петербурга и других городов России.

Создатель этих спектаклей Дженни Катышева обосновывала необходимость новых обращений к жизни и творчеству Есенина следующим об-

разом: «Драматургия моноспектакля «Сергей Есенин» формировалась и менялась в процессе исследования творчества поэта, открытия новых фактов, документов, писем, фотоснимков судебной экспертизы (они были представлены нам А. Ломаном, уникальным человеком, писателем, учёным, полиглотом, собирателем творчества С. Есенина; он вёл переписку с 70 странами мира, в которых были переведены произведения С. Есенина). По мере становления и развития концепции моноспектакля удалось выявить глобальный конфликт поэта с мирозданием, а не только с властью, средой, самим собой. В нём есть тот подлинный слой, эпохально-психологический, личностный, который обуславливает осмысление глобальных изменений в миропорядке нового времени, то есть XX века. Подобно Гамлету, Есенин ощущал «век, вывихнутый в суставе», всемирную «качку», когда рушились вековые нравственные нормы человеческого общежития и мира».

Результат этой всемирной «качки» — разруха в умах, культуре, укладе жизни. Есенин страдает, пропуская эти процессы через призму собственной судьбы, судеб страны и мира. Побывав в Европе и Америке, поэт чувствует наступление эпохи бездуховности, в письмах родным он пишет, что всюду наблюдается «ужасающее мещанство, которое граничит здесь с идиотизмом». И как апофеоз этого поединка на грани смертельного круга — поэма «Чёрный человек», написанная Есениным незадолго до его трагического ухода.

Долгое время в ней не видели (или, точнее, не хотели видеть) ничего, кроме предсмертного «горячечного бреда». Теперь, в спектакле театра «Классика» это произведение было решено как последняя схватка поэта с властью, исход которой был заранее предreshён. Подобное сценическое прочтение «Чёрного человека» во многом связано с тем, что появились новые книги о его жизни и творчестве, стали известны многие исторические документы, открывающие истинные причины гибели С. Есенина (точнее, его убийства). Публикуется письмо Есенина другу Сандро, где он прямо говорит о своём неприятии советской системы. Зловеще и по-новому прочитываются выступления Н. Бухарина в «Правде» и выступления А. Луначарского по поводу «есенинщины», где поэт объявлялся больным алкоголиком и выдохшимся художником, которого «отбрасывает новая жизнь». Беспощадными свидетелями расправы становятся фотографии судебной экспертизы, сделанные в момент опознания Есенина (с проломленным черепом и кровоподтёками по всему телу). Благодаря всем этим фактам, становится очевидным смысл «Чёрного человека». Чувствуя, как всё сильнее сжимается вокруг него роковой чёрный круг, Есенин воспроизводит в строчках поэмы голоса своих недругов, их аргументы и обвинения, объединённые образом «чёрного человека». Он несёт гибель поэту — как когда-то Моцарту в трагедии А. С. Пушкина «Моцарт и Сальери».

Осенью 2020 года в Санкт-Петербурге состоялась премьера ещё одного моноспектакля, поставленного Дженни Катышевой по произведениям Сергея Есенина: «Несказанное, синее, нежное...». Эта композиция, созданная по мотивам лирических стихотворений и воспоминаний великого русского поэта, открыла для Петербурга новую звезду — юного ак-

тёра Виталия Ковалёва, которого отличают и обаятельная внешность, и темперамент, и завораживающая энергетика. От актёра на сцене исходит какой-то удивительный свет — и в какие-то моменты спектакля кажется, что перед нами настоящий, живой Есенин, словно пришедший из бескрайних заокских далей. Помимо редкостного чувства стиля, Виталий Ковалёв отличается также прекрасным владением музыкальной культурой. Он не только великолепно читает стихи, но и превосходно исполняет написанные им романсы на хорошо известные, любимые нами с детства стихи прославленного русского поэта.

Однако в финальной части спектакля в эту светлую ноту врывается и драматическая струя. «В своей стране я словно иностранец!» — в отчаянии восклицает автор, горько констатируя, что новой, «осовдепившейся» деревне не нужны ни он сам, ни его поэзия. Теперь, вместо прежних лирических напевов, молодёжь голосит за околицей «агитки Бедного Демьяна» — того самого «краснопролетарского» стихоплёта, которого Есенин беспощадно высмеял за его «антирелигиозную» псевдопоэму и тем самым нажил себе немало новых врагов в логове «красносотенцев». Здесь ещё нет тех трагических нот, которые отчётливо зазвучат немного позже, в «Чёрном человеке» — но уже слышатся, подобно дальним грозовым раскатам, первые тревожные предчувствия надвигающейся беды...

Вот что рассказывает о своей работе над этим спектаклем сам Виталий Ковалёв:

«Для меня спектакль, посвящённый Сергею Есенину, имеет особое значение в творческой жизни. Ещё во время учёбы в средней школе, мысль о роли великого поэта вызывала внутри меня трепет и целый рой эмоций.

Можно только представить мои ощущения, когда прекрасный режиссёр, заслуженный деятель искусств, выдающаяся личность Дженни Николаевна Катышева предложила мне эту работу!

Репетиционный процесс длился около 7-8 месяцев. Это были не репетиции, а постоянное исследование личности Сергея Александровича, его потаённых ран и мотивов его творчества.

Я благодарен этому спектаклю за то, что я открыл для себя другого поэта Есенина — Есенина одухотворённого, Есенина-интеллигента, утончённую и глубокую личность, по праву носящую громкое определение «Гений».

В репетициях с Дженни Николаевной я столкнулся с интереснейшим и серьёзным разбором текста. В иные минуты казалось, что Дженни Николаевна лучше самого поэта понимала суть стихотворения и тот смысл, который Есенин спрятал за великолепными строчками

Через точно найденные смыслы мы шаг за шагом подбирались и к образу великого поэта. Образу не хулигана, не крестьянина, а многогранного умнейшего человека.

Само собой, выпуск спектакля «Несказанное, синее, нежное...» — это только начало большого творческого процесса. Как сказала сама Дженни Николаевна, «эта роль будет расти вместе с тобой», чему я безмерно рад.

Я горд говорить и показывать со сцены людям другого, «настоящего» Есенина, сбросить с него все штампы и попробовать открыть путь его чистой лире!».

Новые спектакли по произведениям Пушкина и Есенина, как и другие постановки Дженни Катышевой в литературном театре «Классика», отличаются подлинно современным звучанием. При этом «сверхзадача» постановок театра остаётся неизменной: вскрывать замысел автора с точки зрения содержания, находить в актуальном — «вечное».

Хочется верить, что театр «Классика» будет ещё много лет занимать достойное место в культурной жизни Санкт-Петербурга. Ведь лучшие произведения отечественной классики обладают непреходящим «магическим воздействием», а проблемы, волнующие их героев, воспринимаются как абсолютно злободневные, актуальные и не исчерпанные временем. А это значит, что у театра впереди ещё много спектаклей, концертов и аплодисментов со словами искренней, сердечной благодарности от петербургских зрителей самых разных поколений — и тех, кому довелось пережить ужасы войны и блокады, и тех, кто вступает на порог «большой жизни» уже сегодня, на заре нового тысячелетия.

*Екатерина Алексеева
(Россия, Санкт-Петербург)*

ФИЛЬМЫ

«ФАНФАРЫ ЛЮБВИ» Германия, 1951 г. и «В ДЖАЗЕ ТОЛЬКО ДЕВУШКИ» США, 1959 г.

Истории с переодеваниями мужчин в женщин всегда были очень популярны.

В 1935 году появляется фильм французского режиссера Ришара Потье «Фанфары брака». Над сценарием работали: Михаэль Логан, Роберт Терен, Рене Пуйоль.

Сценарий этого фильма был положен в основу двух более поздних фильмов, снятых в Германии и США.

Два музыканта постоянно без работы. Они подрабатывают, где придется, в цыганских и негритянских оркестрах, когда приходит мода на женские оркестры они переодеваются женщинами.

В 1951 году в Германии выходит фильм «Фанфары любви»

Жанр: комедия

Режиссер: Курт Хоффман

Сценарий: Хайнц Паук, Михаэль Логан, Роберт Терен

В главных ролях: Дитер Борше, Георг Томалла, Инге Эггер.

В 1959 году выходит фильм США «В джазе только девушки»

Жанр: комедия

Режиссер: Билли Уайлдер

Сценарий: Билли Уайлдер, И. А. Л. Даймонд, Роберт Терен

В главных ролях: Тони Кертис, Джек Леммон, Мэрилин Монро

Начало во всех фильмах одинаково — актеры безуспешно ищут ангажемент.

В американском фильме появляется новая тема гангстеров, делающих состояние на временах «сухого закона».

В германском фильме для женского оркестра требуется пианистка и контрабасистка, а в американском контрабасистка и саксофонистка.

Что побуждает героев переодеться женщинами? В первом случае — простое замечание уличного громилы, что у них «бабы рожи».

Во втором герои пытаются скрыться от гангстеров.

В фильме «Фанфары любви» большое внимание уделяется музыке. Один из главных героев является композитором, безуспешно пытающимся стать популярным. На протяжении всего фильма звучит приятная мелодия этого композитора.

Знакомство в поезде происходит практически одинаково. Героев предупреждают, что общение с мужчинами не приветствуется. Дама-руководительница оркестра им не доверяет.

Ножек в американском фильме больше, чем в германском.

В германском фильме герои влюбляются в худенькую брюнетку.

В американском — в пышную блондинку.

Девушкам предсказывают, что они встретят: в первом случае — молодого композитора, во втором — молодого миллионера.

Дама-руководительница оркестра в германском фильме показана более ярко, она участвует во многих комичных сценах и диалогах.

Во всех фильмах герои очень обаятельны, на протяжении всего просмотра зритель находится в приятном возбуждении смеха. Только в американском фильме больше времени отдается на шутки, а в германском на музыку.

В обоих случаях герои находят любовь.

Если бы весь американский фильм так не блистал юмором, только за одну финальную фразу:

«... — Я мужчина!»

— У каждого свои недостатки», ему стоило отдать «Оскар».

ФИЛЬМЫ «ТЕТКА ЧАРЛЕЯ» США, 1941 г. и «ЗДРАВСТВУЙТЕ, Я ВАША ТЕТЯ!» СССР, 1975 г.

«Здравствуйте! Я обезьяна из Бразилии, где много тетушек!»

Тетушек и, правда, было много. Пьеса английского драматурга Брэндона Томаса «Тетка Чарлея» побила все рекорды по числу постановок. Создатели сделали на ней состояние. Впервые пьеса была поставлена в Лондоне 29 февраля 1892 года. Первая немая кинолента была снята в 1915 году. Впоследствии она неоднократно экранизировалась во многих странах.

На мой взгляд, фильмы США 1941 года и СССР 1975 года получились самыми интересными:

«Тетка Чарлея» США, 1941 г.

Жанр: мелодрама, комедия.

Режиссер: Арчи Майо

Сценарий: Джордж Ситон, Брэндон Томас

В главной роли: Джек Бенни

«Здравствуйте, я ваша тетя!» СССР, 1975 год.

Жанр: комедия.

Режиссер: Виктор Титов

Сценарий: Виктор Титов, Брэндон Томас

В главной роли: Александр Калягин

Начало американского фильма более близко к оригиналу. В пьесе главный герой, исполняющий роль тетушки — Лорд Фрэнкерт Баберлей (Бабс), учится в Оксфорде со своими друзьями Чарли Вайкэмом и Джеком Чеснэем.

У нас Бабс уличный бродяга, напоминающий персонажи Чарли Чаплина. В оригинале Бабс переодевается в женский костюм, потому что репетирует роль для спектакля.

У нас герой переодевается по воле случая, скрываясь от полиции. Неожиданно он оказывается в доме Джека Чеснэя.

И в том и в другом случае Бабс не хочет играть роль тетки, но ему приходится это сделать, чтобы помочь любовным делам друзей.

В гости приходят две девушки. В американском фильме Энни и Кити, в нашем Энни и Бэти.

В оригинале опекуна девушек зовут адвокат Спетлайг.

В нашем фильме судья Крикс. В исполнении А. Джигарханяна получился наиболее страстным.

Сцена приезда настоящей тетушки в нашем фильме следует задумке драматурга. Она приезжает со своей воспитанницей Эллой Делэй. Только у нас тетушку зовут Донна Роза.

В американском фильме воспитанница отсутствует, а тетушку зовут Донна Люсия.

Комичные мизансцены и шутки во всех фильмах повторяются. В нашем фильме еще добавлена известная шутка из времен немого кино — удар тортом в лицо. Пишут, что первой ее применила Мэри Пикфорд.

Конечно, использование музыки и гениальное исполнение песни на стихи Роберта Бернса Александром Калягиным сильно украшают наш фильм.

Хотя в конце фильма герой должен был воссоединиться с Эллой Делэй, в американском фильме он заключает более выгодную партию. Бабс женится на миллионерше.

Если честно лучше бы я не смотрела других фильмов кроме нашего. Раньше я была уверена, что наш фильм самый лучший. Я могла гордиться своей Страной. Вот тут-то мы обогнали Америку, думала я. Однако этого не случилось. Каждый из фильмов по-своему хорош, имеет свои сильные стороны. Все же финальная сцена в нашем фильме, на мой взгляд, создает более сильное впечатление.

Авторам удалось показать состояние одиночества и ненужности маленького, толстого человечка.

Весь фильм я плакала от смеха, в конце заплакала от сострадания.